Переплет

qp 121279

В. 2.IV.110.

V

Фунд. биб-ка Воен. Мор. Акад. РККА
им. К. Е. ВОРОШИЛОВА

Биб. Мор. Ак. Р. К. К. Ф.

БИБЛИОТЕКА
МОРСКОЙ АКАДЕМИИ.
Шкаф 112
Полка 3
№ 14123.

II Вл. 31018
А-72

ПОДГОТОВКА ВОЙСКЪ ВЪ МИРНОЕ ВРЕМЯ

(воспитаніе и образованіе).

СОСТАВИЛЪ

М. ДРАГОМИРОВЪ.

Биб. Мор. Ак. Р. К. К. Ф.

„Въ надеждѣ, что опытъ минувшей войны побудитъ, наконецъ, обратить должное вниманіе на „подготовку войскъ“, мы сосредоточили въ особомъ отдѣлѣ необходимыя указанія по этому вопросу“.

М. Драгомировъ.

(Изъ предисл. къ учебн. тактики; изд. 3-е, перераб.).

Военно-Морская Академія С. П. Б.
АКАДЕМИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
имени тов. Ворошилова

КІЕВЪ.
Типографія Окружнаго Штаба, Банковая ул., д. № 11.
1906.

II ВлО + III ТВ9

ВМА

1951

4

Изданіе этого отдѣла тактики, законченнаго составленіемъ еще при жизни М. И. Драгомирова, задержалось изданіемъ части I-ой учебника тактики.

Просимъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу усовершенствованія арміи, не отказать въ замѣчаніяхъ на недостатки здѣсь изложеннаго; эти замѣчанія будутъ приняты съ глубокою благодарностію и помогутъ дальнѣйшему усовершенствованію этого отдѣла.

М. Бончъ-Бруевичъ.

Кіевъ,
15-го Іюня 1906 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Общія положенія. Значеніе закона. Значеніе устава внутренней службы. Значеніе гарнизонной службы . . . . . 1—8.

Подготовка солдата.

ВОСПИТАНІЕ. Нравственное воспитаніе. Основы методовъ воспитанія. Задачи воспитанія. Частный починъ. Вліяніе сокращенныхъ сроковъ службы . . . . . 8—19.

Физическое воспитаніе . . . . . 19—21.

ОБРАЗОВАНІЕ СОЛДАТА. Условія успѣха преподаванія. Условія раціональнаго обученія войскъ . . . . . 21—25.

Что требуется отъ солдата на войнѣ? . . . . . 25—26

Чему учить солдата въ пѣхотѣ?

Стрѣльба . . . . . 26—30.

Употребленіе холоднаго оружія. Фехтованіе . . . . . 30—31.

Согласованіе своихъ движеній и дѣйствій съ движеніями и дѣйствіями товарищей . . . . . 31—38.

Примѣненіе къ мѣстности. Окопное дѣло . . . . . 38—40.

Средство противодѣйствовать одностороннимъ увлеченіямъ какимъ либо отдѣломъ . . . . . 41—42.

Какъ учить солдата? Методъ . . . . . 42—44.

Условія обезпечивающія успѣхъ воспитанія и образованія солдатъ . 45—47.

Дополненія касающіяся воспитанія и образованія конницы.

ВОСПИТАНІЕ . . . . . 48.

ОБРАЗОВАНІЕ: а) обученіе пѣшкомъ; б) обученіе верхомъ; в) выѣздка лошади . . . . . 49—50.

Обученіе пѣшкомъ.

Сбереженіе лошади . . . . . 50—51.

Гимнастика и пѣшій строй . . . . . 51—53

СТР.

Обученіе дѣйствію оружіемъ . . . . . 53—54.
Саперная подготовка . . . . . 54—55.

Обученіе верхомъ.

Ѣзда. Ѣзда въ полѣ . . . . . 55—59.
Вольтижированіе . . . . . 59—60.
Обученіе плаванію . . . . . 61.
Дѣйствіе оружіемъ съ лошади . . . . . 61—62.
Подготовка къ сомкнутому строю . . . . . 62—64.
Пріученіе къ выносливости людей и лошадей . . . . . 64—65.
Подготовка къ сторожевой службѣ на мѣстѣ . . . . . 65.
Подготовка къ сторожевой и развѣдывательной службѣ на ходу . 66—68.
Примѣчаніе о занятіяхъ сторожевой и развѣдывательной службой въ пѣхотѣ . . . . . 68.

Выѣздка лошади . . . . . 68—70.

Дополненія касающіяся воспитанія и образованія артиллеріи.

ВОСПИТАНІЕ . . . . . 71.
ОБРАЗОВАНІЕ: а) артиллерійская сцеціальность; б) занятія относительно лошади . . . . . 71—72.

Артиллерійская спеціальность.

Знаніе артиллеріи . . . . . 72—74.
Ариѳметика и грамота . . . . . 74.
Пѣшій строй . . . . . 74—75.
Гимнастика и фехтованіе . . . . . 75.
Занятія при орудіяхъ . . . . . 75—77.
Глазомѣръ и подготовка наблюдателей . . . . . 77—79.
Стрѣльба . . . . . 79—81.
Подготовка развѣдчиковъ . . . . . 81—82.
Лабораторное дѣло . . . . . 82.
Мастерства . . . . . 82—83.
Окопное дѣло . . . . . 84.

Занятія относительно лошади.

Содержаніе лошадей и выѣздка ихъ . . . . . 84.
Подготовка ѣздовыхъ и обученіе верховыхъ чиновъ ѣздѣ . . . . 85—86.

Совѣты унтеръ-офицерамъ и учителямъ, какъ учить молодыхъ солдатъ гарнизонной службѣ . . . . . 86—89.

СТР.

Подготовка офицера.

Что нужно офицеру въ нравственномъ отношеніи, чтобы сформировать солдата? . . . . . 90—95.
Что нужно знать офицеру, чтобы воспитать и образовать солдата? . 95—97.
Замѣчаніе о подготовкѣ офицеровъ въ конницѣ . . . . . 97—99.
Замѣчаніе о подготовкѣ офицера къ боевой дѣятельности . . . . 99.

Подготовка войсковыхъ частей.

Строевая подготовка . . . . . 100—103.
Соединеніе строя съ дѣйствіемъ оружіемъ. Ученіе съ боевыми патронами. Сквозныя атаки . . . . . 103—107.
Тактическая подготовка. Тактическая подготовка войсковыхъ частей. Совмѣстныя маневры отрядовъ изъ разныхъ родовъ войскъ: односторонніе и двухсторонніе маневры. Взаимное ознакомленіе разныхъ родовъ войскъ. Взаимныя отношенія родовъ войскъ между собою . . . . . 107—124.
Заключеніе . . . . . 125—126.

Биб. Мор. Ак. Р. К. К. Ф.

Подготовка войскъ въ мирное время.

Общія положенія.

Набранная и даже организованная масса—толпа, а не войско, если она не воспитана и не образована въ военномъ отношеніи.

Военное воспитаніе вѣдаетъ, главнымъ образомъ, областію воли, образованіе—областію ума.

Воспитаніе важнѣе образованія, потому что военное дѣло въ значительной степени болѣе дѣло волевое, нежели умовое.

Хотя при современныхъ сложныхъ способахъ и средствахъ веденія войны военное образованіе стало дѣломъ болѣе сложнымъ, потому что усложнилось существо изучаемаго и значительно расширился его объемъ, но на ряду съ такимъ явленіемъ значеніе воспитанія осталось все-таки первенствующимъ, такъ какъ усовершенствованные способы и средства веденія войны, для примѣненія ихъ и для сопротивленія имъ, требуютъ отъ воина и большаго нравственнаго напряженія, чѣмъ прежніе, болѣе простые.

Представьте себѣ, для примѣра, современную усовершенствованную скорострѣльную артиллерію; пусть офицеры искусны въ стрѣльбѣ, а прислуга этой артиллеріи прекрасно обучена дѣйствіямъ при орудіяхъ; значеніе такой артиллеріи всё-таки будетъ ничтожно, если прислуга не выдержитъ впечатлѣнія разрывающихся надъ ея головами снарядовъ и побросаетъ свои отличныя орудія.

Въ послѣднее время, вѣроятно, подъ вліяніемъ той головокружительной быстроты, съ которой происходитъ развитіе военной техники, въ нашу армію проникли взгляды, иной разъ

доходящіе до убѣжденія, что въ современномъ военномъ дѣлѣ человѣкъ отошелъ на второй планъ, уступивъ первое мѣсто техникѣ.

Такого рода положеніе покоится на наблюденіяхъ надъ вліяніемъ техники въ условіяхъ близкихъ къ мирной обстановкѣ, когда ея примѣненіе встрѣчаетъ сравнительно ничтожныя препятствія. Операціи русско-японской войны 1904—05 г.г., отличавшіяся крайней пассивностію съ нашей стороны, подтвердили высокое значеніе техники только въ тѣхъ случаяхъ, когда войска были приковываемы на долгое время къ своимъ позиціямъ. Всѣ операціи этой кампаніи, сопряженныя съ маневрированіемъ арміи, каковы Тюренченъ, Вафангоу, Мукденъ и др., съ поразительною ясностію доказали, что и въ современную намъ эпоху въ военномъ дѣлѣ на первомъ планѣ по-прежнему остался человѣкъ, живая сила, съ его нравственной энергіей.

Въ критическія минуты войны, когда именно и рѣшается „побѣда“ или „пораженіе“, значеніе нравственной энергіи рельефно выдвигается на первое мѣсто.

Такимъ образомъ, важнѣйшимъ военнымъ элементомъ является человѣкъ; важнѣйшимъ свойствомъ человѣка—его нравственная энергія.

Однако, имѣя дѣло съ человѣкомъ, нужно брать его цѣликомъ, какъ онъ есть, а не создавать себѣ человѣка гипотетическаго, т. е. представляющаго одну волю[1]), или одинъ умъ[2]), или, наконецъ, одну физику[3]).

Отсюда слѣдуетъ, что **военное воспитаніе должно касаться не только нравственной, но и физической стороны человѣка.**

Нравственныя качества поставлены здѣсь первыми потому, что въ бою, какъ и во всякой другой дѣятельности, человѣкъ дѣлаетъ собственно всегда одно и то же: приводитъ въ исполненіе свои умозаключенія; если способность рѣшаться приводить ихъ въ исполненіе быстро развита въ человѣкѣ, онъ достигаетъ своихъ цѣлей успѣшно; если нѣтъ, онъ претерпѣваетъ неудачи, т. е. такъ или иначе, но бываетъ битъ.

[1]) Какъ у большинства военныхъ практиковъ, даже самыхъ выдающихся (Наполеонъ, Фридрихъ), терявшихъ къ концу дѣятельности способность считаться съ препятствіями.

[2]) Какъ у большинства военныхъ теоретиковъ.

[3]) Какъ бываетъ иногда при мирныхъ увлеченіяхъ.

Наплучшій стрѣлокъ или фехтовальщикъ, если онъ не проникнутъ сознаніемъ долга, или убѣжденъ, что не можетъ одолѣть непріятеля, ничего не сдѣлаетъ. Наоборотъ, слабый физически и не совсѣмъ искусный, но не допускающій мысли, что его могутъ побить, часто бьетъ и искусныхъ, и сильныхъ физически, но которые не совсѣмъ въ себѣ увѣрены и не довольно проникнуты чувствомъ круговой поруки. Поэтому-то Наполеонъ, Суворовъ и другіе геніальные полководцы прежде всего стремились къ развитію нравственной стороны въ своихъ арміяхъ; Наполеонъ даже положительно высказалъ, что во всякомъ боевомъ дѣлѣ $^3/_4$ успѣха зависятъ отъ нравственной стороны и только $^1/_4$—отъ матеріальной.

Въ военное время это чувствуется всякимъ весьма сильно, ибо военная обстановка каждую минуту указываетъ на значеніе находчивости и энергіи въ солдатѣ; но въ мирное время, когда такой обстановки нѣтъ, большинство забываетъ значеніе нравственной стороны и часто совершенно пренебрегаетъ условіями, которыя благопріятствуютъ ея развитію.

Нравственное воспитаніе требуетъ того же, что и физическое, т. е. если вы хотите, чтобы извѣстный органъ развивался, вы дѣлаете имъ такія упражненія, которыя усиливаютъ мускулы органа. Если вы хотите, чтобы офицеръ и солдатъ были возможно болѣе способны приводить себя въ извѣстное нравственное настроеніе, старайтесь обставить ихъ такимъ образомъ, чтобы это настроеніе возникало въ ихъ душѣ по возможности чаще. Наоборотъ: должно избѣгать возбужденія тѣхъ настроеній, которыя противны назначенію воина. А что въ военномъ можетъ быть презрительнѣе страха, который парализуетъ и умъ, и волю? Слѣдовательно, воинъ долженъ быть веденъ такъ, чтобы чувство страха возникало въ его душѣ по возможности рѣже, ибо кто пріученъ безсознательно бояться своего, тотъ уже тѣмъ самымъ въ извѣстной мѣрѣ пріученъ бояться и непріятеля. Уже изъ этого видно, что нравственное воспитаніе и солдата, и офицера коренится въ характерѣ отношеній его къ старшимъ: чѣмъ менѣе они даютъ мѣста безотчетному страху, тѣмъ лучше.

Значеніе закона.

Тамъ, гдѣ солдатъ увѣренъ, что, если онъ сдѣлалъ свое дѣло, его пальцемъ никто не имѣетъ права тронуть,—чувство безсознательнаго страха развиться не можетъ; тамъ, гдѣ этой увѣренности нѣтъ,—такой страхъ развивается. Что же можетъ дать эту увѣренность? Ее можетъ дать только такое положеніе, при которомъ солдатъ знаетъ всегда напередъ, что онъ долженъ дѣлать и чего съ нимъ не должны дѣлать; такая система, при которой въ мирное время произволъ какъ со стороны старшаго, такъ и со стороны младшаго, одинаково являются преступленіемъ; при которой **законъ становится выше личности каждаго изъ служащихъ** (законность отношеній).

Это—неизбѣжное условіе нравственнаго воспитанія и начальниковъ, и подчиненныхъ; безъ него чувство долга выработаться не можетъ, ибо послѣднее возникаетъ тамъ только, гдѣ человѣкъ изъ практики видитъ, что законъ, обязывая его, въ то же время обезпечиваетъ отъ неправыхъ посягательствъ. При такомъ значеніи закона, его заинтересованъ исполнять всякій подчиненный. Начальникъ, ясно сознающій свое положеніе, заинтересованъ исполнять его во всякомъ случаѣ, ибо неисполненіемъ подрываетъ одно изъ основаній собственной власти. Это подтверждаетъ и практика: гдѣ законъ не былъ поставленъ въ сказанное положеніе, начиналось тѣмъ, что начальникъ переставалъ его исполнять въ случаяхъ, его стѣсняющихъ, а кончалось тѣмъ, что и подчиненный дѣлалъ то же. Поэтому-то во всѣхъ военныхъ законодательствахъ такъ сильно налегается на то, что начальникъ долженъ подавать примѣръ исполнительности не только въ важныхъ, но и въ самыхъ мелочныхъ вещахъ. Никогда не должно забывать, что примѣръ равнаго не обязателенъ, но примѣръ старшаго, будучи обязательнымъ въ хорошемъ, по необходимости становится обязательнымъ и въ дурномъ.

Значеніе устава внутренней службы.

Высказанныя здѣсь основанія осуществляются уставомъ внутренней службы. Этотъ уставъ точно опредѣляетъ права и обязанности каждаго чина и, получивъ строгое и неуклонное примѣненіе въ жизни войскъ, наиболѣе всего способствуетъ развитію и нравственной самостоятельности, и понятія о долгѣ.

Распространеніе знанія его должно составлять предметъ первостепенной заботливости начальства предпочтительно передъ знаніемъ военно-уголовныхъ законовъ, какъ потому, что послѣдніе относятся къ самому ничтожному проценту людей, такъ и потому, что всегда разумнѣе заботиться о внушеніи человѣку того, что онъ долженъ дѣлать, нежели того, объ чемъ честному человѣку и думать не слѣдуетъ.

Имѣя подобное значеніе, законы, опредѣляющіе отношенія между начальниками и подчиненными, должны въ то же время способствовать развитію инстинктивнаго чувства [1]) разницы между главными и второстепенными служебными обязанностями. Это достигается установленіемъ строгой соразмѣрности дисциплинарныхъ взысканій и правильнымъ пониманіемъ всѣхъ требованій службы.

Практика показываетъ всю необходимость этого разграниченія не только въ видахъ соблюденія справедливости, но и для пользы службы: дабы солдатъ понималъ ясно, что неопрятно одѣться, или упустить отдать честь,—совсѣмъ не одно и то же, что, напр., не исполнить служебнаго приказанія, или заснуть на часахъ. Солдатъ, не исполняющій перваго,—грубъ, мужиковатъ, но еще не преступенъ; нельзя его гладить за это по головкѣ, но не за что также и казнить; солдатъ, позволившій себѣ заснуть на часахъ, долженъ быть безпощадно наказанъ.

Это показываетъ, что въ законоположеніяхъ строго должно быть проведено различіе между воинскими обязанностями собственно и воинскими приличіями.

Итакъ, нравственная самостоятельность въ солдатѣ вырабатывается тогда только, когда начальникъ внушаетъ ему не безотчетный страхъ, а вѣру въ то, что онъ никогда не отдастъ незаконнаго приказанія, и уваженіе, составляющее слѣдствіе этой вѣры.

Можно подумать, что строгая законность отношеній въ мирное время можетъ сдѣлать солдата не совсѣмъ гибкимъ исполнителемъ воли начальника въ военное; но это совершенно невѣрно: вынося изъ мирной практики убѣжденіе въ ненарушимости

[1]) Мы говоримъ «инстинктивнаго чувства» въ томъ смыслѣ, чтобы солдатъ понималъ эту разницу, о въ резонерство объ ней не вдавался.

закона и вѣру въ то, что требованіе начальника не можетъ быть не дѣльно или внушено личнымъ капризомъ, онъ въ военное время не можетъ допустить мысли, чтобы требованія того же начальника измѣнили свой характеръ. Должно помнить, что исполнительность на войнѣ опредѣляется для большинства людей не столько страхомъ наказанія, сколько убѣжденіемъ въ томъ, что приказывающій требуетъ дѣла.

Такая система отношеній вырабатываетъ, слѣдовательно, и нравственную самостоятельность, и привычку безпрекословнаго исполненія служебныхъ требованій; вырабатываетъ, наконецъ, то чувство внутренняго единства части, подчиненной общему начальнику, которое называется ея духомъ и при которомъ выручка своихъ во всѣхъ смыслахъ становится для солдата и для начальника святѣйшимъ закономъ.

Но вырабатываетъ ли эта система находчивость? Непосредственно—нѣтъ; но она способствуетъ развитію послѣдней уже и тѣмъ, что пріучаетъ къ спокойствію духа, т. е. къ возможности яснѣе видѣть и судить въ опасныя минуты, а слѣдовательно и легче находиться.

Великій нашъ Суворовъ, глубоко постигшій человѣческую природу и знавшій, какое парализующее вліяніе на человѣка производитъ всякая неожиданность, имѣлъ свою оригинальную манеру возбуждать находчивость неожиданными вопросами, на которые требовалъ хоть какого нибудь, но непремѣнно положительнаго, отвѣта. Какъ бы отвѣтъ ни былъ неудовлетворителенъ, все же показывалъ въ человѣкѣ способность рѣшаться; и потому-то «не могу знать», какъ представитель отсутствія этой способности, такъ было ненавидимо имъ. «Тотъ», говорилъ Суворовъ, «кто растеряется отъ простого вопроса, растеряется навѣрно еще болѣе отъ неожиданной атаки непріятеля».

Но когда возможна подобная манера развитія находчивости? Опять тогда, когда спрошенный будетъ думать о томъ только, чтобы быстро и дѣльно отвѣтить, а не о томъ, чтобы прочесть отвѣтъ въ глазахъ спрашивающаго.

Значеніе гарнизонной службы.

Лучшую практику какъ въ укорененіи чувства долга, такъ и въ развитіи прочихъ нравственныхъ качествъ солдата

въ мирное время представляетъ, такъ называемая, гарнизонная или караульная служба, въ ея существенной части. Она есть первое примѣненіе всего того, что солдатъ долженъ чувствовать и знать. Она же есть, и притомъ единственная, дѣйствительная служба солдата и офицера въ мирное время; всѣ прочіе отдѣлы ихъ занятій мирнаго времени представляютъ не болѣе, какъ подготовку къ службѣ въ военное время. Стоя на часахъ, солдатъ охраняетъ предметы иногда величайшей важности и облекается страшнымъ правомъ употребленія оружія противъ себѣ подобныхъ; это право ставитъ его въ положеніе, въ высшей степени трудное, ибо несвоевременное употребленіе оружія является въ мирное время одинаково преступнымъ, какъ и несвоевременное воздержаніе отъ такового употребленія; и рѣшать вопросъ: что дѣлать въ извѣстномъ случаѣ,—часовой долженъ самъ, такъ какъ вблизи его руководителя нѣтъ. Съ честью выйти изъ такого противорѣчиваго положенія можетъ только человѣкъ, знающій свое дѣло, съ вѣрно-развитымъ чувствомъ и умомъ; и обратно, только такія положенія могутъ утвердить человѣка въ способности оцѣнивать положеніе и рѣшать быстро, что дѣлать въ данномъ случаѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ служба часового требуетъ бдительности и безусловной честности; на ней онъ пріучается преодолѣвать утомленіе усиліемъ собственной воли; на ней же утверждается въ правильномъ отношеніи къ получаемымъ приказаніямъ, ибо относительно ихъ часовой поставленъ также въ противорѣчивое положеніе, будучи обязанъ исполнять приказанія только разводящаго, караульнаго унтеръ-офицера и караульнаго начальника, и не имѣя права принимать приказаній даже отъ прямыхъ своихъ начальниковъ, коимъ въ обыкновенное время обязанъ безусловно повиноваться. Такимъ образомъ, гарнизонная служба вызываетъ дѣятельность всѣхъ духовныхъ и физическихъ качествъ, требуемыхъ отъ солдата; и, разсматриваемая съ этой точки, она должна быть по справедливости признана преобразованіемъ въ маломъ видѣ всей боевой службы и дѣйствительнѣйшей подготовкою къ этой послѣдней. Часть, твердая въ существенной сторонѣ гарнизонной службы (а не въ одной формалистикѣ оной), и въ бою не можетъ показать себя дурно.

Но какъ бы ни были хороши законы, они не пустятъ глубокихъ корней въ жизни войскъ, если только практическая дѣятельность (т. е. занятія) послѣднихъ не будетъ благопріятствовать этому.

Съ перваго взгляда подобная тѣсная связь кажется мало вѣроятною; но кто припомнитъ, что всякая практическая дѣятельность налагаетъ непзгладимую печать на понятія и характеръ человѣка, тотъ не можетъ не признать ее. Отсюда и выводится то начало, что **родъ занятій опредѣляетъ складъ понятій и характеръ отношеній**; ибо всякому занятію соотвѣтствуетъ свой складъ отношеній и понятій, и если требуется измѣнить понятія человѣка и характеръ отношеній его къ другимъ, то предварительно непзбѣжно должно измѣнить въ томъ же смыслѣ и его занятія. Безъ этого нельзя достигнуть коренной перемѣны въ понятіяхъ и отношеніяхъ.

Сказанное примѣняется къ образованію солдата въ полной мѣрѣ: его образованіе состоитъ изъ ряда спеціальностей, и каждой изъ нихъ соотвѣтствуетъ умственный и нравственный складъ, въ основаніи, иной разъ, даже противорѣчащій тому, какой требуется для боя. Ясно, что увлеченіе какою либо изъ частныхъ спеціальностей, составляющихъ ремесло солдата, неминуемо отклоняетъ его отъ боевого назначенія. Изъ этого уже видна опасность увлеченія и необходимость найти средства противустоять ему.

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о подготовкѣ солдата намъ предстоитъ, во-первыхъ, опредѣлить вліяніе на нравственную и умственную сторону человѣка различныхъ отдѣловъ солдатскаго ремесла; во-вторыхъ, найти средства противодѣйствія крайнему развитію ихъ.

Подготовка солдата.

ВОСПИТАНІЕ.

Нравственное воспитаніе.

Теорія военнаго искусства должна имѣть цѣлью изслѣдованіе свойствъ военныхъ элементовъ; если важнѣйшимъ изъ военныхъ элементовъ является человѣкъ, а важнѣй-

шимъ изъ свойствъ человѣка—его нравственная энергія, то общая задача нравственнаго воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы рѣшить вопросъ: какъ нужно поступать, чтобы эту энергію не только не подорвать, но, напротивъ, развить и укрѣпить.

Отсюда слѣдуетъ, что основной вопросъ въ этомъ дѣлѣ: **какъ новобранца обратить въ солдата, т. е. спеціализировать, не ломая въ немъ человѣка.**

Для достиженія этой цѣли необходимо:

Основы методовъ воспитанія.

1) **Воспитывать и обучать новобранца, а затѣмъ и солдата, соображаясь съ обще-человѣческими свойствами,** не воображая, что военно-служащему присущи сверхъ-человѣческія качества. Напримѣръ, не считать, что стоитъ только одѣть новобранца въ сѣрую шинель и зачислить въ тотъ или другой взводъ, какъ сейчасъ же у него проявятся какія-то особыя свойства, присущія казенному добру; необходимо понимать, что особыя свойства, присущія солдату, появятся у новобранца только послѣ нѣкоторой упорной работы надъ нимъ.

2) **Сообразовать методы воспитанія и обученія съ основнымъ свойствомъ ума человѣка—расчленять на составныя части всякій предметъ представляющійся цѣльнымъ,** т. е. изучать каждую составную часть порознь и, изучивши аналитически, непремѣнно соединять, т. е. возвращаться къ синтезу; въ противномъ случаѣ предметъ не будетъ изученъ всесторонне и въ представленіи о немъ могутъ произойти односторонніе увлеченія; другими словами—нѣкоторыя частныя свойства предмета могутъ быть приняты за общую его характеристику.

3) **Сообразоваться съ другимъ общимъ свойствомъ ума человѣка, въ силу котораго у него, что-бы ни заставили его дѣлать, невольно является вопросъ: почему? зачѣмъ?** Удовлетворить этой потребности возможно, соображая всѣ требованія, предъявляемыя къ новобранцу, а затѣмъ и къ солдату, и занятія такимъ образомъ, чтобы они были цѣлесообразны, т. е. чтобы изъ нихъ сама по себѣ была видна достигаемая цѣль.

Однако, стремясь къ цѣлесообразности, т. е. къ объясненію цѣли каждаго дѣйствія, надо избѣгать словесныхъ увлеченій и не объяснять того, что само собою понятно.

4) **Въ обращеніи никогда не унижать, а тѣмъ болѣе не драться.**

5) **Требованія ставить настойчиво и непрерывно наблюдать за ихъ исполненіемъ.** Непрерывность наблюденія за исполненіемъ требованій положительно необходима, потому что она пріучаетъ и начальника, и подчиненнаго къ равномѣрному напряженію по отношенію къ службѣ. У требовательнаго начальника безропотно исполняется и тяжелая служба; по привычкѣ она даже не кажется тяжелою, а у того, кто бываетъ требовательнымъ лишь періодически, или случайно, даже и невысокія требованія вызываютъ ропотъ на строгость. Это явленіе происходитъ не отъ абсолютнаго затрудненія исполнить требуемое, а благодаря рѣзкости перехода отъ обычнаго халатнаго отношенія къ дѣлу—сразу къ строгости и точности.

6) **Помнить, что солдатъ человѣкъ и потому для него, какъ и для всякаго человѣка, ни одна обязанность не должна обходиться безъ соотвѣтственнаго права.** Равнымъ образомъ необходимо, чтобы неисполненіе обязанности или-же не вполнѣ добросовѣстное ея исполненіе влекло за собою и невозможность осуществить соотвѣтственное право, или до извѣстной степени ограничивало-бы это осуществленіе. При такой постановкѣ дѣла всякій исполнившій свою обязанность ужъ въ этомъ одномъ будетъ чувствовать нравственное удовлетвореніе, которое будетъ поддержено явными, т. е. внѣшними результатами исполненія.

Въ общей сложности, нравственное удовлетвореніе и внѣшніе результаты исполненія обязанностей постепенно приведутъ къ сознанію, что всегда и во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе исполнять свои обязанности, нежели вовсе не исполнять ихъ или исполнять не вполнѣ добросовѣстно.

Задачи воспитанія.

Выше было сказано, что общая задача военнаго воспитанія состоитъ въ рѣшеніи вопроса—какъ поступать, чтобы не только не подорвать, но, напротивъ, развить и укрѣпить нравственную энергію человѣка-солдата.

Нравственная энергія, развитая и укрѣпленная, нужна солдату для одержанія побѣды надъ противникомъ; побѣда будетъ, до извѣстной степени, въ рукахъ той арміи, въ которой солдаты проникнуты рѣшимостію добыть ее, хотя-бы цѣною собственной

гибели, ибо **тотъ только можетъ побѣдить, т. е. погубить другого, кто самъ способенъ рѣшиться на погибель.**

Такимъ образомъ, **нравственная энергія солдата должна быть развита до степени готовности—хоть и самому погибнуть, лишь-бы погубить противника.**

Для достиженія такой рѣшимости жертвовать собою, солдату необходимы:

I. **Преданность Государю и Родинѣ до самоотверженія**; это составляетъ долгъ солдата по отношенію къ Государю и Родинѣ. Русскій народъ, изъ среды котораго взята главная масса нашей арміи, издревле отличается преданностію къ Россіи и любовію къ своимъ законнымъ Государямъ. Такимъ образомъ, до извѣстной степени эти чувства уже свойственны новобранцамъ и потому въ этомъ отношеніи задача военнаго воспитанія состоитъ въ ихъ укрѣпленіи. Средствами къ этому служитъ торжественное приведеніе къ присягѣ, объясненіе ея значенія и смысла; бесѣды съ солдатами общаго и военно-историческаго характера, свидѣтельствующія объ историческомъ прошломъ нашего отечества и о славныхъ подвигахъ россійскаго воинства и пр. Нашъ простой народъ склоненъ къ историческимъ разсказамъ и, обыкновенно, историческіе факты глубоко западаютъ въ сердца слушателей.

Такими способами въ солдатѣ можетъ быть укрѣпленъ стимулъ—«за Вѣру, Царя и Отечество», являвшійся для Россіи во всѣ историческія времена той силой, которая устремляла на поле сраженія стараго и молодого, храбраго и малодушнаго....

II. **Дисциплина**, сущность которой выражается такъ: 1) дѣлай, что начальство приказываетъ, но противъ Государя не дѣлай; 2) безъ разрѣшенія никуда не отлучайся; 3) если что-нибудь съ тобою случится особое, или кто будетъ подъучать на злое дѣло,—докладывай по командѣ; а при возможности—злого человѣка задерживай и представляй.

Дисциплина—дѣло взаимное, т. е. бываетъ крѣпка только тамъ, гдѣ она существуетъ не только снизу вверхъ, но и сверху внизъ, ибо тотъ-же самый законъ, который налагаетъ на солдата извѣстныя обязательства, обезпечиваетъ его отъ неправыхъ по-

сягательствъ, и начальствующія лица, которыя позволяютъ себѣ подобныя посягательства, суть нарушители и закона, и дисциплины.

Дисциплинированность солдата по отношенію къ исполненію приказаній должна быть доведена до самоотверженія, т. е. «скорѣе погибну, а приказаніе исполню».

Къ дисциплинѣ должно отнести **чинопочитаніе**, иначе—правила воинской вѣжливости; это дѣло также взаимное; напримѣръ, солдаты тамъ лучше и внимательнѣе относятся къ отданію чести, гдѣ и офицеры отвѣчаютъ исправно на отдаваемую честь, понимая, что имъ даже неловко быть менѣе благовоспитанными, чѣмъ солдаты.

Воинская вѣжливость (чинопочитаніе) должна быть настолько привита войскамъ, чтобы, напримѣръ, не представлялось надобности запрещать солдатамъ проходить по нѣкоторымъ людным улицамъ, садиться въ одинъ трамвай съ офицеромъ и т. под. Въ тоже самое время положительно необходимо, чтобы поведеніе солдатъ по отношенію къ гражданскимъ лицамъ было выдержанное и имѣло въ своей основѣ убѣжденіе, что военный мундиръ налагаетъ на носящаго его обязанность быть во всякомъ случаѣ вѣжливѣе и выдержаннѣе тѣхъ, кто военнаго мундира не имѣетъ.

Развитію воинской дисциплины среди солдатъ во многомъ способствуетъ раціональность отношеній между начальствующими лицами на глазахъ у нихъ. Во время занятій и другихъ служебныхъ отношеній передъ солдатами проходитъ цѣлый рядъ отношеній старшихъ начальниковъ къ младшимъ и обратно; можно съ большою вѣроятностію утверждать, что характеръ этихъ отношеній схватывается солдатами и примѣръ старшихъ невольно становится для нихъ обязательнымъ, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ.

Затѣмъ проводниками дисциплины служатъ: равномѣрность требованій по службѣ, строгое различіе проступковъ отъ упущеній и сообразное со степенью вины наложеніе дисциплинарныхъ взысканій и **нормальныя отношенія начальствующихъ лицъ къ солдатамъ** [1]).

[1]) Объ этомъ болѣе подробно будетъ сказано ниже.

Къ исполненію приказаній, слѣдовательно и къ дисциплинѣ, пріучаетъ солдатъ, между прочимъ, повѣрка начальникомъ исполненія отданнаго приказанія (контроль).

Начальникъ, отдающій приказаніе, разумѣется, расчитываетъ на то, что его приказаніе будетъ исполнено; предполагать неисполненіе онъ не можетъ, потому что этимъ предположеніемъ онъ подрывалъ-бы въ самой основѣ авторитетъ своей власти. Тѣмъ не менѣе всегда найдутся подчиненные, которые, благодаря своей недисциплинированности, попытаются не исполнить отданное имъ приказаніе. Фактъ неисполненія приказанія важенъ и самъ по себѣ; но еще важнѣе дурное вліяніе этого факта на окружающихъ, которые могутъ наблюдать и отдачу приказанія, и неисполненіе его. Во избѣжаніе возможности неисполненія каждый отдающій какое-либо приказаніе обязанъ: помнить отданныя имъ приказанія и убѣждаться въ томъ, что приказанія дѣйствительно исполнены.

Такое отношеніе къ отдачѣ и повѣркѣ приказанія дѣйствуетъ дисциплинирующимъ образомъ на младшихъ и на старшихъ, пріучая первыхъ къ мысли, что не исполнить приказанія невозможно, а вторыхъ—къ необходимости настаивать на исполненіи разъ отданнаго приказанія.

Частными слѣдствіями дисциплинированности арміи являются: отсутствіе мародерства, уваженіе къ личности и собственности своихъ жителей и покореннаго врага, гарантія общаго порядка, тишины и спокойствія въ раіонахъ пребыванія военной силы.... Вообще, можно предпочесть армію не столь многочисленную, но прочно дисциплинированную, арміи многочисленной, но съ неустойчивой дисциплиной, обѣщающей всевозможныя неожиданности.

По словамъ маршала Саксонскаго: «дисциплина—душа воинскаго организма. Если она не установлена разумно и не примѣняется твердо, арміи нѣтъ, а есть толпа, болѣе опасная государству, чѣмъ непріятелю. Чѣмъ дисциплина строже, тѣмъ армія способнѣе на великія дѣла. Многіе генералы воображаютъ, будто всё сдѣлано, когда отдали приказъ; и приказываютъ много, ибо видятъ злоупотребленій много. Это ложный принципъ; этимъ

путемъ они никогда не возстановятъ дисциплины, утраченной или ослабѣвшей. Нужно отдавать мало приказовъ; но съ большимъ вниманіемъ слѣдить, чтобы они исполнялись, и взыскивать безъ различія чина и рожденія, не входя ни въ какія соображенія, иначе васъ будутъ ненавидѣть». Съ этими словами, конечно, нельзя не согласиться.

III. **Вѣра въ нерушимость (святость) приказанія.** Подъ этимъ должно разумѣть сознаніе того, что для военно-служащаго нѣтъ болѣе тяжкаго преступленія, какъ неисполненіе приказанія начальника; это сознаніе должно быть внушаемо солдату всемъ обиходомъ его жизни.

Въ наложеніи взысканій за неисполненное приказаніе начальники должны быть до крайности строги, а случаи массоваго неисполненія приказанія начальника должны наказываться безпощадно и, по возможности, немедленно. Въ этомъ вопросѣ ни у кого изъ военныхъ, отъ генерала до солдата, не должно быть колебаній въ примѣненіи строжайшихъ мѣръ до употребленія оружія включительно и, по словамъ дисциплинарнаго устава, «**начальникъ обязанъ** неисполняющихъ свой долгъ принудить къ повиновенію силою или оружіемъ»[1]), при этомъ «всякій военный, не смотря на его званіе и чинъ, долженъ содѣйствовать начальнику въ усмиреніи неповинующихся».

Въ вопросѣ объ исполненіи приказанія, даже явно-преступнаго по мнѣнію исполнителя, офицеръ и солдатъ должны руководствоваться не статьями общихъ законоположеній, если-бы даже таковыя были имъ доподлинно извѣстны, а сущностью присяги, памятуя, что въ дѣлѣ исполненія приказанія для него преступно только то, что противъ присяги, а въ остальномъ отвѣтчикомъ за послѣдствія исполненнаго приказанія всегда является начальникъ, отдавшій приказаніе. Никакія иныя толкованія въ этомъ вопросѣ недопустимы, потому-что они нарушили-бы святость приказанія, способствовали-бы увеличенію числа случаевъ неповиновенія въ арміи и въ корнѣ подрывали-бы основы ея существованія.

IV. **Храбрость** (рѣшительность, неустрашимость)—качество, присущее далеко не всѣмъ людямъ, взятымъ въ отдѣльности; при

[1]) Изъ ст. 5 дисциплинарнаго устава.

совмѣстныхъ-же дѣйствіяхъ нѣсколькихъ людей это качество можетъ проявиться и у тѣхъ, кто заранѣе не подавалъ къ тому надежды. Развитію храбрости до нѣкоторой степени способствуетъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы никто изъ солдатъ не впадалъ въ состояніе трусости, а если-бы кто и впалъ, то это слѣдуетъ подмѣтить и вывести его изъ такого состоянія, отнюдь не запугивая. Система обученія солдата, какъ будетъ указано ниже, во многомъ можетъ способствовать развитію храбрости. На полѣ сраженія, въ рѣшительную минуту, **личный примѣръ начальника** заурядъ обращаетъ завѣдомыхъ трусовъ въ самыхъ отчаянныхъ храбрецовъ.

V. **Рѣшимость безропотно переносить труды, холодъ, голодъ и всѣ нужды солдатскія.** Возможность переносить лишенія во многомъ, конечно, зависитъ отъ физической выносливости, но замѣчено, что предѣлъ этой послѣдней выше у тѣхъ, кто заранѣе рѣшилъ мириться со всякими лишеніями. Рѣшимость переносить лишенія зависитъ отъ сознанія святости долга и приказанія начальника, а равно отъ рѣшимости достигнуть намѣченной цѣли во что-бы то ни стало.

Ропотъ на претерпѣваемыя лишенія, хотя-бы и со стороны немногихъ, вредно отзывается на окружающихъ; число недовольныхъ, обыкновенно, быстро возрастаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда армія не устойчива въ отношеніи понятій о долгѣ, дисциплинѣ, святости приказанія.

Могучимъ средствомъ, побуждающимъ безропотно переносить лишенія является **примѣръ начальниковъ**, раздѣляющихъ въ тяжелыя минуты съ солдатомъ послѣдній сухарь, послѣдній пукъ соломы....

Въ мирное время залогъ безропотнаго перенесенія тягостей службы даетъ та армія, которая воспитана въ духѣ всѣхъ вышеприведенныхъ основаній.

VI. **Чувство взаимной выручки**, т. е. „самъ погибай, а товарища выручай“. Значеніе этого чувства въ военномъ дѣлѣ не подлежитъ сомнѣнію по своей очевидности. Развитію его въ мирное время способствуютъ: чувство принадлежности къ данной войсковой части, воспоминаніе о прежнемъ совмѣстномъ участіи

въ бояхъ и походахъ, чувство землячества, родственное чувство, принадлежность къ одному сельскому обществу и т. под. Эти данныя необходимо принимать во вниманіе при распредѣленіи новобранцевъ и запасныхъ, прибывающихъ на укомплектованіе.

Развитіе чувства принадлежности къ данной части во многомъ зависитъ отъ вліянія командира части, который можетъ сдѣлать службу для всего состава части—матерью, а иной разъ—и мачихой.

Итакъ, вотъ что необходимо привить солдату для того, чтобы онъ могъ рѣшиться жертвовать собою въ бою; эти требованія, потому, и являются задачами военнаго воспитанія.

Въ общей сложности, достиженіе этихъ задачъ путемъ соотвѣтствующихъ методовъ воспитанія приводитъ къ тому, что солдатъ является сознательнымъ участникомъ военныхъ дѣйствій и будетъ вполнѣ пригоднымъ для дѣла, если сдѣлается способнымъ къ проявленію **частнаго почина**, свойственнаго и его обиходу при теперешнихъ способахъ веденія войны.

Частный починъ.

Перечисленныя выше задачи воспитанія въ результатѣ ихъ примѣненія дадутъ солдата, преданнаго долгу по отношенію къ Государю и Родинѣ, дисциплинированнаго, чтущаго святость приказанія, храбраго, безропотно переносящаго лишенія и готоваго во всякую минуту выручить товарища; однако, такой солдатъ, будучи поставленъ въ необходимость рѣшаться на то или иное дѣйствіе самостоятельно, далеко не всегда окажется способнымъ на это, потому-что его воспитаніе не вложило въ него сознанія необходимости такого почина.

Поставленный въ необходимость самому рѣшаться солдатъ, не воспитанный въ духѣ частнаго почина, все-таки склоненъ будетъ ожидать приказанія начальника; иначе говоря, такой солдатъ является какъ-бы автоматомъ.

Уже появленіе нарѣза въ ружьѣ потребовало отъ солдата самостоятельнаго разсужденія: вѣтеръ, солнце и проч.,—куда прицѣливаться?

Разсыпной строй, служба въ дозорѣ, на сторожевомъ посту, развѣдка и проч.—все это требуетъ отъ солдата проявленія тогоже частнаго почина.

Проявленіе полезнаго частнаго почина, т. е. такого, который приближалъ-бы къ исполненію цѣли, поставленной приказаніемъ, возможно лишь въ томъ случаѣ, когда солдатъ ясно воспринялъ эту цѣль, затѣмъ, схватилъ тѣ наличныя условія, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать, исполняя приказаніе начальника, и нашелся—что именно слѣдуетъ сдѣлать.

Способность уразумѣвать сущность полученнаго приказанія будетъ у солдата тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше его общее развитіе; а способность прозрѣвать боевую обстановку и соразмѣрять дѣйствія съ нею обусловливается степенью его спеціально военнаго развитія.

Такимъ образомъ, въ настоящее время необходимъ солдатъ, обладающій всѣми вышеперечисленными высокими нравственными качествами, въ общемъ смыслѣ—болѣе развитой и въ спеціальномъ—болѣе подготовленный въ тактическомъ отношеніи, при непремѣнномъ условіи **воспитанія въ духѣ сознанія необходимости проявленія частнаго почина.**

Развитіе частнаго почина въ солдатѣ возможно лишь при условіи офицерской работы надъ нимъ; если-же до настоящаго времени нашъ солдатъ не всегда отличался способностію проявленія частнаго почина, то дѣло здѣсь не въ невозможности упражнять солдата въ этомъ, а въ недостаточной работѣ надъ солдатомъ со стороны офицерскаго состава. Практика караульной службы, маневровъ, каждаго занятія въ полѣ—даетъ множество случаевъ задать вопросъ: какъ поступить въ одномъ, въ другомъ, въ третьемъ случаяхъ? Задавая такія вопросы, офицеры навели-бы солдата постепенно на возможность проявленія столь необходимаго для дѣла частнаго почина. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, всѣ эти поучительные случаи такъ и остаются неиспользованными.

Все болѣе и болѣе развивающаяся техника также создала на войнѣ много разнаго рода случайностей и затруднительныхъ положеній, устранимыхъ иной разъ только помощью частнаго почина.

Такимъ образомъ, общая обстановка, создавшаяся въ современномъ военномъ дѣлѣ требуетъ отъ солдата частнаго почина и тѣмъ болѣе, что при численно-большихъ арміяхъ ему придется

Военно-Морская Академія
Библіотека

послужить не только за себя, но, можетъ быть, и за офицера, потому-что не всегда удастся замѣстить убыль въ офицерахъ—офицерами-жъ.

Итакъ изъ предъявленныхъ требованій относительно исполненія приказаній и проявленія частнаго почина выходитъ какъ бы противорѣчіе въ самой основѣ дѣла. Съ одной стороны: „**не смѣй разсуждать**“, а съ другой:—„**не смѣй не разсуждать**“;—и все это въ одно и то-же время. Это противорѣчіе не должно удивлять: всякій практическій вопросъ непремѣнно состоитъ изъ противорѣчій и отъ того-то ошибки въ практикѣ, или увлеченія такъ естественны и даже—неизбѣжны.

Гдѣ-же правда? Гдѣ выходъ изъ противорѣчій? Быть можетъ скажутъ—золотая середина. А какъ найти эту середину? Вѣдь всякій изъ насъ убѣжденъ и въ томъ, что всякое служебное приказаніе должно быть исполнено безусловно, и въ томъ также, что и безусловное исполненіе требуетъ непремѣннаго разсужденія, что „заставь дурака Богу молиться,—лобъ разобьетъ“, т. е. что и безусловное исполненіе требуетъ непремѣнно разсужденія.

Не понявъ приказанія, не подумавъ о немъ, можно вѣдь исполнить и буквально, да такъ, что выйдетъ по другой пословицѣ: „услужливый дуракъ, опаснѣе врага“.

Примиряется это противорѣчіе такъ: **не смѣй разсуждать о существѣ приказанія и, напротивъ, напряги всѣ силы ума, воли и физики, чтобы исполнить его толково, по духу и сердцу начальника (частный починъ)**. Кто это понимаетъ, тотъ одинаково не будетъ доволенъ, какъ тѣмъ подчиненнымъ, который умѣетъ только разсуждать, такъ и тѣмъ, который умѣетъ только не разсуждать. Но кто упуститъ то или другое изъ виду, тотъ и получитъ одностороннюю дисциплину, основанную или на одномъ только первомъ, или на одномъ только второмъ положеніи, а въ такой односторонней дисциплинѣ—вѣрный залогъ быть непремѣнно битымъ.

Вліяніе сокращенныхъ сроковъ службы.

Сокращеніе сроковъ службы повліяло на постановку важнѣйшаго отдѣла подготовка солдата, т. е. на его воспитаніе. Не трудно было прежнему рекруту втянуться въ воинскій обиходъ, попавъ въ массу людей, большинство которыхъ считало свою службу десятками лѣтъ: онъ усваивалъ по рутинѣ и то, какъ долженъ вести себя, и то, какъ долженъ служить;

чего не узнавалъ въ первый годъ, узнавалъ во второй, въ пятый и т. д.

Теперь это немыслимо, и остался одинъ способъ внушенія солдату того, чѣмъ онъ долженъ быть—способъ теоретическаго преподаванія, какъ быстрѣйшій. На усвоеніе чего либо рутиннымъ путемъ времени нѣтъ, да некому быть и примѣромъ рутины, такъ какъ обучаемыхъ слишкомъ много: ежегодно прибываетъ около $^1/_3$ всего состава, между тѣмъ какъ прежде прибывало около $^1/_{25}$, и нѣсколько спустя—около $^1/_{15}$.

Это и поясняетъ, почему прежде на воспитательный отдѣлъ особеннаго вниманія не обращалось; давался онъ самъ собою, естественнымъ путемъ продолжительнаго воздѣйствія громаднаго большинства на ничтожное меньшинство. Однако, и въ то уже время такое невниманіе къ дѣлу воспитанія безнаказанно не проходило....

Опытъ минувшей войны съ Японіей безусловно показалъ, что пора, наконецъ, принять во вниманіе современныя условія службы солдата (ея кратковременность) и изъять дѣло его воспитанія изъ рукъ рутины, казармы, передавъ въ болѣе надежныя руки—офицеровъ. По нашему убѣжденію офицеръ не можетъ быть только инструкторомъ, но первѣе всего онъ долженъ быть воспитателемъ и учителемъ солдата. Пора принять во вниманіе также и то, что если солдата, не воспитаетъ офицеръ въ честномъ направленіи, то онъ можетъ быть воспитанъ злонамѣренными людьми въ—безсовѣстномъ.

Физическое воспитаніе.

Физическое воспитаніе имѣетъ своею задачею развитіе въ солдатѣ выносливости. Для выносливости нужно укрѣпить силы солдата; это достигается гимнастикою. Подъ военной гимнастикой должно разумѣть совокупность всѣхъ упражненій, развивающихъ организмъ солдата, сообразно военнымъ требованіямъ; слѣдовательно сюда относятся: гимнастика собственно, носка всего того, съ чѣмъ солдатъ не разстается на войнѣ; походныя движенія.

Гимнастика развиваетъ силы, ловкость и до нѣкоторой степени даже безстрашіе солдата: кто привыкъ дѣлать прыжки съ значительной высоты, тотъ, не задумавшись, спрыгнетъ, напр., въ

глубокій ровъ, и спрыгнетъ безъ вреда для здоровья; изъ недѣлавшихъ подобнаго упражненія не всякій на это рѣшится, да и, рѣшившись, не всегда сдѣлаетъ прыжокъ удачно. Итакъ польза гимнастики не подвержена никакому сомнѣнію; но чѣмъ кончается увлеченіе ею? Тѣмъ, что, не соображаясь со складомъ человѣка, требуютъ отъ него упражненій, которыя ему не полезны, но вредны, а иногда ведутъ къ переломамъ рукъ, ногъ, къ ослабленію груди. Тѣмъ также, что у начальника, увлекающагося гимнастикою, ловкій гимнастеръ удостоивается иногда такихъ преимуществъ, которыя по закону могутъ служить наградою только тѣмъ солдатамъ, которые надежны и знаютъ хорошо все свое дѣло, а не одну только какую либо часть его.

Средство отвратить подобное увлеченіе заключается въ одномъ: гимнастика должна быть исключительно домашнимъ занятіемъ, т. е. такимъ, которому отдѣльныхъ и въ особенности заблаговременно назначаемыхъ смотровъ не должно производить.

Пріученіе къ выносливости. Солдатъ на строевыхъ ученіяхъ, маневрахъ, смотрахъ и при отправленіи караульной службы долженъ все свое имѣть на себѣ; только при этомъ условіи онъ можетъ втянуться въ носку тяжести, съ которой не разстается на войнѣ. Вести такимъ образомъ пѣхоту должно по слѣдующимъ причинамъ: 1) чтобы переходъ къ военному времени не былъ для нея крутъ (т. е. чтобы болѣзненность и смертность при этомъ переходѣ развивались по возможности меньше); 2) чтобы испытаніе обмундированія и снаряженія въ мирное время происходило въ условіяхъ близкихъ къ военному; 3) чтобы, наконецъ, начальники могли получить правильное понятіе о томъ, чего можно требовать отъ человѣка, обремененнаго извѣстною тяжестью.

Само собою разумѣется, что молодыхъ солдатъ слѣдуетъ не сразу заставлять носить все снаряженіе, а начать съ мѣшка или ранца пустыхъ и исподволь увеличивать ношу до существующей въ арміи нормы.

Чѣмъ чаще часть находится въ походѣ, тѣмъ лучше.

Носка полнаго снаряженія и частыя походныя движенія составляли одинъ изъ главныхъ отдѣловъ Суворовскаго воспи-

танія солдатъ; результаты извѣстны: Суворовскіе марши вошли въ пословицу и, не смотря на это, больныхъ у него было мало. У него, часто ночью, войска по тревогѣ выводились въ поле, шли быстро, переправлялись черезъ рѣки, овраги, причемъ требовалась, конечно, немалая ловкость и отвага. Эту систему воспитанія Суворовъ пояснилъ и освятилъ однимъ изъ безсмертныхъ своихъ афоризмовъ: „тяжело въ ученьи—легко въ походѣ; легко въ ученьи—тяжело въ походѣ“. Кто понимаетъ, что успѣхъ войны „въ ногахъ“ [1]), т. е. въ быстротѣ движенія (маневрированія), тотъ долженъ согласиться, что лучшаго ничего нельзя придумать для того, чтобы сдѣлать солдата выносливымъ въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ.

ОБРАЗОВАНІЕ СОЛДАТА.

Весь объемъ солдатской подготовки распадается, какъ извѣстно, на **воспитаніе** и **образованіе**. Извѣстно также, что воспитаніе должно стоять выше образованія: солдатъ плохо стрѣляющій и колющій, неумѣющій ходить въ ногу, все-же солдатъ сносный, если онъ честенъ и проникнутъ сознаніемъ долга такъ, что одинаково исполнителенъ и на глазахъ начальника, и за глазами; на-оборотъ, отличный стрѣлокъ, фехтовальщикъ, строевикъ никуда негоденъ, какъ солдатъ, если онъ не надеженъ. Скажемъ больше: не только не годенъ, но опасенъ.

Если воспитательный отдѣлъ важнѣе образовательнаго, то естественно, что въ ротѣ, эскадронѣ, сотнѣ, батареѣ онъ долженъ лежать на прямой отвѣтственности ихъ командировъ; между тѣмъ, какъ отдѣлъ образовательный можетъ быть распредѣленъ между ротнымъ (эскадроннымъ, сотеннымъ, батарейнымъ) командиромъ и младшими офицерами, для которыхъ унтеръ-офицеры суть только помощники, и, разумѣется, образованіе должно вести подъ общимъ наблюденіемъ тѣхъ-же командировъ.

---

[1]) Мысль марш. Саксонскаго. Нельзя не признать глубокой вѣрности этого положенія: въ быстротѣ движенія лежитъ одинъ изъ дѣйствительнѣйшихъ залоговъ военнаго успѣха. Положимъ, вы ходите 30 верстъ въ день, а противникъ только 15. Если онъ разбитъ, то отъ васъ не отвяжется; если вамъ не посчастливилось, вы уклонитесь отъ окончательнаго пораженія легко. Положимъ, и ваши силы, и его занимаютъ фронтъ въ 30 верстъ: вы свои можете сосредоточить въ день; ему на это нужно два дня. Изъ этого видно также, какъ съ меньшими силами можно оказаться сильнѣе противника на мѣстѣ столкновенія.

Умѣло преподавать новобранцу не легко.

Гладкое изложеніе, послѣдовательная аргументація, буквальное слѣдованіе уставу, совсѣмъ не годятся и дадутъ плохой результатъ. Простолюдинъ самъ длинно не говоритъ и плохо понимаетъ того, кто длинно говоритъ; въ разговорѣ почти всегда пропускаетъ то, что для него само собою разумѣется; логическую цѣпь доказательствъ не всегда понимаетъ и въ ней зачастую не нуждается, принимая многое на вѣру.

Условія успѣха преподаванія.

Это опредѣляетъ условія успѣха преподаванія, заключающіяся въ слѣдующемъ: 1) **сообщать по немногу—одну, много двѣ мысли въ разъ, и тотчасъ-же требовать повторенія; идти дальше не иначе, какъ вполнѣ убѣдившись, что пройденное понято;** 2) избѣгать книжныхъ словъ; 3) **при малѣйшей возможности, прибѣгать къ примѣру, или еще лучше—къ показу;** 4) **брать изъ преподаваемаго не все сплошь, а въ порядкѣ важности, начиная съ того, безъ чего солдатъ обойтись не можетъ.**

Если изъ преподаваемаго проходить все подрядъ, то въ сознаніи обучаемаго рядомъ съ основами дѣла—второстепенное не только станетъ равноправнымъ, но иногда даже и затемнитъ основы.

Подобную выборку, напримѣръ, изъ устава можетъ сдѣлать только опытный человѣкъ и собственнымъ опытомъ убѣдившійся, что стремясь достигнуть многаго, иногда не достигаютъ ничего.

Итакъ, надо учить вначалѣ **не многому, но много**, т. е. основательно.

Это немногое по отношенію, напримѣръ, къ уставу гарнизонной службы исчерпывается для молодого солдата **обязанностями часового.**

Но какъ это, повидимому, ни мало и тутъ надо учить умѣючи, т. е. умѣючи не столько излагать, сколько внѣдрять, укоренять, давая всякую мысль со всѣми ея развѣтвленіями, пріучая солдата не пересказывать обязанности часового, а исполнять ихъ.

Возьмемъ примѣръ дѣйствительно бывшій: бойкій солдатъ, толковый и даже грамотный. «Кого слушаешься, стоя на часахъ»?

Разводящаго, в. п—во. «Такъ; ну, а если твой командиръ полка тебѣ что прикажетъ, когда ты стоишь на часахъ, исполнишь»?

Не могу исполнить, в. п—во. «Ничего не исполнишь»? Ничего. «Ну, примѣрно, онъ замѣтитъ, что у тебя пуговица разстегнута и прикажетъ ее застегнуть»? Не застегну, в. п—во. Пришлось разъяснить, что приказанія его прямого начальства, касающіяся общаго порядка службы, для него обязательны всегда; и только касающіяся его сдачи, какъ часового, не могутъ быть исполняемы. Еще примѣръ: «Стоишь у арестантовъ на наружномъ посту; проходитъ генералъ: «что сдѣлаешь»?

Возьму на-краулъ, в. п—во. «А въ это самое время бѣжитъ арестантъ, что сдѣлаешь»? Буду стрѣлять в. п—во. «Да вѣдь ты долженъ держать на-краулъ, пока генералъ не пройдетъ; такъ какъ-же»?

Солдатъ затрудняется отвѣтить. Опять разъясненіе на ту тему, что честь отдается только тогда, когда нѣтъ прямого дѣла, для котораго часовой поставленъ; если-же такое дѣло есть, то сначала нужно исполнить его. Нужно-ли напоминать, что отданіе чести тоже входитъ въ сдачу, и что солдата должно направить такъ, чтобы при столкновеніи нѣсколькихъ обязанностей, онъ зналъ, исполненію которой изъ нихъ онъ долженъ отдать преимущество? Казалось-бы, что это само-собою очевидно.

Эти два случая показываютъ достаточно, что въ преподаваніе приходится вводить много такого, чего въ уставѣ нѣтъ и быть не можетъ. Уставъ—теорія, могущая оживотвориться только тогда, когда человѣкъ, богатый служебнымъ опытомъ, освѣтитъ различныя положенія оной конкретными случаями, и при томъ именно случаями, а не разсужденіями.

Великая трудность преподаванія гарнизонной службы, какъ и всякаго, впрочемъ, живого дѣла, и заключается въ томъ, что въ ней нѣтъ ни одного правила, которое не допускало-бы исключеній, т. е. примѣненія правила прямо противоположнаго.

Очень и очень нужно втянуться въ служебный духъ и обиходъ, чтобы въ такомъ трудномъ дѣлѣ дать простому, малоразвитому человѣку руководящую нить для поведенія. А употреб-

леніе оружія? Во время не употребитъ, идетъ подъ судъ; не во время употребитъ,—то-же идетъ подъ судъ...

Но иллюстрація положеній гарнизонной службы путемъ разсказываемыхъ случаевъ недостаточна для утвержденія молодыхъ солдатъ въ знаніи обязанностей часового; **необходимо, сверхъ того, прибѣгать и къ показу дѣйствительному.**

Заключается онъ въ примѣрной выставкѣ часовыхъ и въ испытаніи ихъ по каждой обязанности путемъ искушенія. Если вы хотите, чтобы онъ никому не отдавалъ ружья, попробуйте взять его подъ какимъ-либо предлогомъ; если хотите, чтобы, стоя на часахъ, ничего и ни отъ кого не бралъ, попробуйте дать ему награду за хорошее, напримѣръ, знаніе обязанностей; если хотите утвердить въ томъ, чтобы онъ слушалъ не разводящаго вообще, а именно своего разводящаго, попробуйте приказать смѣнить его другому разводящему, а не тому, который его поставилъ на часы и т. под. Такимъ путемъ дѣйствительно достигается, что человѣкъ взятый отъ сохи, въ два, много въ три мѣсяца, становится способнымъ быть дѣйствительнымъ часовымъ, т. е. такимъ, котораго не поймаешь ни на какую штуку.

Иного пути для достиженія цѣли обученія въ срокъ, возможно кратчайшій, нѣтъ и быть не можетъ. Вести по этому пути можетъ только человѣкъ, искушенный служебнымъ опытомъ, т. е. офицеръ во всякомъ случаѣ, а унтеръ-офицеры и учителя въ этомъ дѣлѣ будутъ только его помощниками, въ свою очередь получающими отъ него указанія и имъ подготовленными.

Условія раціональнаго обученія войскъ.

Условія раціональнаго обученія войскъ слѣдующія:

1. Войска должно учить въ мирное время только тому, что имъ придется дѣлать въ военное.

Всякое отступленіе отъ этой нормы вредно, потому что внушаетъ и солдатамъ, и начальникамъ превратное понятіе о томъ, что можно и чего нельзя требовать въ бою отъ человѣка. Люди, выученные лишнему, и передъ непріятелемъ будутъ дѣлать не то, что нужно, а то, что они умѣютъ дѣлать [1]).

[1]) Мысль марш. Саксонскаго; Суворовъ держался того же въ образованіи войскъ; онъ не высказалъ этой мысли нигдѣ, но его система есть полнѣйшее ея осуществленіе.

2) **Учить солдатъ боевому дѣлу должно въ такой послѣдовательности, чтобы они изъ самаго хода обученія видѣли цѣль всякаго отдѣла образованія** [1]).

3) **Учить преимущество примѣромъ, т. е. показывать, что и какъ сдѣлать, прибѣгая къ изустнымъ объясненіямъ только въ случаѣ дѣйствительной необходимости** [2]).

Первое условіе опредѣляетъ объемъ образованія солдата (чему учить?); второе и третье—его методъ (какъ учить)?

Что требуется отъ солдата на войнѣ?

Имѣя въ виду аксіому—**что безполезно на войнѣ, то вредно вводить въ мирное обученіе**—опредѣлимъ, что требуется отъ солдата на войнѣ?

Отъ него требуется:

1) Чувство долга къ Государю и Родинѣ доведенное до самоотверженія; готовность исполнить приказаніе, хотя-бы для этого надо было погибнуть; вѣра въ святость приказанія.

2) Храбрость (неустрашимость); рѣшимость безропотно переносить лишенія и тягости военнаго времени; чувство взаимной выручки; способность проявлять частный починъ (находчивость).

3) Искусное дѣйствіе своимъ оружіемъ.

4) Умѣніе согласовать свои движенія и дѣйствія съ товарищами.

5) Умѣніе и ловкость въ преодолѣніи встрѣчаемыхъ на мѣстности препятствій и умѣніе пользоваться ими для собственнаго укрытія отъ взоровъ и выстрѣловъ противника, не лишаясь,

---

[1]) Такъ обученіе употребленію оружія должно начинаться со стрѣльбы и фехтованія, какъ то у насъ теперь принято, а не съ пріемовъ и т. под. Первыя впечатлѣнія во всемъ имѣютъ огромное значеніе; не нужно поэтому вести солдата такъ, чтобы онъ хотя на минуту могъ остановиться, напр., на мысли, будто ружье есть машина для пріемовъ, а не для пораженія врага.

Что подобное убѣжденіе, какъ оно ни кажется страннымъ, можетъ возникнуть, доказательствомъ служитъ то время, когда подпиливали ружейныя гайки. Человѣкъ, прибѣгающій къ подобной операціи, сколько бы онъ ни говорилъ, что ружье ему дано для того, чтобы стрѣлять, все-таки дѣломъ показываетъ убѣжденіе въ томъ, что оно ему дано для пріемовъ: стрѣлку и въ голову не придетъ подпиливать гайки для звучности пріемовъ.

[2]) Большая часть изустныхъ объясненій въ занятіи такомъ практическомъ, какъ солдатское ремесло, во 1-хъ ни сколько не подвигаетъ дѣла, потому что оно видѣе изъ исполненія, нежели изъ разсказа; во 2-хъ, простолюдинъ вообще не охотникъ до разговоровъ,—ему подавай дѣло; въ 3-хъ, солдатъ человѣкъ дѣла, а не человѣкъ слова, а извѣстно, что одно развивается не иначе, какъ на счетъ другаго, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями; въ 4-хъ, объяснять даже причину, для чего то или другое требуется, нѣтъ надобности, если послѣдовательность обученія хорошо соображена. Всякій пойметъ безъ объясненій, почему, напр., нужно умѣть стрѣлять и колоть; но не понялъ бы и изъ объясненія отчего нужно было ходить съ носка, когда это требовалось.

однако, возможности видѣть его и стрѣлять по немъ (примѣненіе къ мѣстности).

Первые два пункта опредѣляютъ **воспитаніе** солдата и выше разсмотрѣны; посдѣдніе три—его **образованіе.**

Чему учить солдата въ пѣхотѣ?

Стрѣльба. Для того, чтобы въ бою выстрѣлы были дѣйствительны, человѣкъ долженъ быть въ концѣ мирной практики предоставленъ самому себѣ въ опредѣленіи разстоянія, выборѣ мѣста, минуты для выстрѣла; въ соображеніи обстоятельствъ, имѣющихъ на выстрѣлъ вліяніе, т. е. вѣтра, освѣщенія, погоды. Ясно, что стрѣльба будетъ хороша тогда только, когда солдату дана полная свобода и когда онъ способенъ соображать.

Но, пріучаясь поражать непріятеля издали и изъ-за укрытій, солдатъ естественно получаетъ расположеніе къ этому, относительно безопастному, способу нанесенія вреда и неохоту къ тому, при которомъ нужно болѣе рисковать собою, т. е. къ работѣ штыкомъ.

Ясно, что увлекшись, положимъ, стрѣльбой, мы получимъ солдата болѣе или менѣе развитого, можетъ быть и хорошо стрѣляющаго издали, но не особенно расположеннаго сходиться на штыкъ. Слѣдовательно стрѣльба даетъ въ конечномъ результатѣ умственное развитіе, но даетъ мало практики нравственному. Но, разъ ставъ на этотъ путь, остановиться нельзя; стремленіе развить умъ солдата при увлеченіи стрѣльбой, рано или поздно, приведетъ: 1) къ преувеличенному взгляду на значеніе грамотности; 2) къ созданію чуть не цѣлыхъ наукъ, въ которыхъ мысли нѣтъ никакого дѣла, а все приводится къ задалбливанію (разборка и сборка ружья, теорія стрѣльбы [1]); 3) къ чрезмѣрному развитію болтовни, находящей обширное поприще въ желаніи все объяснить солдату, даже и то, что видно съ перваго взгляда и безъ всякаго объясненія [2]); 4) къ приданію пре-

[1]) И теперь еще не исчезли такіе господа, которые разлагаютъ, напримѣръ, прикладку изъ ружья чуть что не на 100 пріемовъ, сами вѣрятъ въ непогрѣшимость этихъ тэзисовъ и заставляютъ ихъ вызубривать.

[2]) Для чего производится выстрѣлъ всякому понятно безъ объясненія, а для чего надо передъ выстрѣломъ подать бедра вправо—это и послѣ объясненія остается столь-же непонятнымъ.

увеличеннаго значенія умѣнію укрываться отъ непріятеля, т. е. пассивному примѣненію къ мѣстности.

2-е и 3-е послѣдствія увлеченія стрѣльбой нечего и разбирать, и потому сдѣлаемъ замѣтку только насчетъ приданія слишкомъ важнаго значенія **грамотности** и **пассивному примѣненію къ мѣстности**. Нѣтъ сомнѣнія, что грамотность важна и что къ развитію ея въ войскѣ должны быть прилагаемы мѣры настойчивыя, но въ число ихъ не должны входить служебныя награды. Должно помнить, что для того, чтобы быть унтеръ-офицеромъ, нужно прежде всего умѣть управляться съ людьми и знать свои обязанности; неграмотный, но удовлетворяющій этимъ условіямъ, долженъ становиться на служебной лѣстницѣ выше не только грамотнаго, но даже, пожалуй, и ученаго, который этихъ условій не представляетъ. Это въ особенности должно имѣть въ виду въ арміяхъ, гдѣ грамотность мало еще распространена, т. е. гдѣ оба условія (способность управлять и грамотность) не всегда встрѣчаются въ одномъ лицѣ.

Военная часть не есть школа грамотности; одно знаніе грамоты не можетъ быть въ ней служебнымъ отличіемъ; кто ставитъ вопросъ иначе, тотъ, самъ того не замѣчая, обращаетъ военную часть въ школу грамотности, отклоняетъ ее отъ прямаго ея назначенія. Вообще, сколько кажется, слѣдуетъ принять основнымъ правиломъ, что **военное производство** (повышеніе по службѣ) **должно стремиться къ одному только: къ разширенію власти тѣхъ людей, которые, управляя меньшимъ числомъ себѣ подобныхъ, показали, что могутъ справиться съ большимъ**, но не быть наградой за частное совершенство въ какомъ либо отдѣлѣ образованія.

Увлеченіе пассивнымъ примѣненіемъ къ мѣстности составляетъ неизбѣжное слѣдствіе увлеченія стрѣльбой, такъ какъ изъза укрытія человѣкъ стрѣляетъ болѣе мѣтко, потому что будетъ хладнокровнѣе и можетъ опереть ружье. Но въ основаніи этого отдѣла образованія лежитъ цѣль, щекотливая для военнаго человѣка,—удовлетвореніе инстинкту самосохраненія. Ясно, что, налегая, чрезмѣрно при обученіи людей, на развитіе въ нихъ умѣнія укрываться за мѣстными предметами, мы благопріятствуемъ развитію этого инстинкта, между тѣмъ какъ въ бою, и безъ особыхъ къ тому поощреній, онъ говоритъ слишкомъ сильно.

Библ. Мор. Ак. Р. К. К. Ф.

Мало того: дѣлать изъ подобнаго предмета особую науку, значитъ занимать человѣка дѣломъ, которое не имѣетъ видимой цѣли, ибо укрываться можно отъ кого нибудь; укрываться ни отъ кого,—то же, что играть съ самимъ собою въ прятки, т. е. учить его тому, что онъ знаетъ, пожалуй, съ четырехъ-лѣтняго возраста,—ибо что такое игра въ прятки, какъ не пассивное примѣненіе къ мѣстности, т. е. расположеніе на ней такъ, чтобы, не будучи видимымъ противнику, самому не упускать его изъ виду?

На понятіяхъ о дисциплинѣ увлеченіе стрѣльбой отражается тѣмъ, что человѣку мало по малу предоставляется свобода, большая той, какая можетъ быть предоставлена солдату; это можетъ быть сдѣлано только въ ущербъ связкамъ, поддерживающимъ единство части.

При обученіи стрѣльбѣ надо представлять выстрѣлъ разложеннымъ на части, которыя необходимо продѣлать отдѣльно, но оканчивать обученіе должно стрѣльбою съ неопредѣленныхъ дистанцій на незнакомой мѣстности, соединяющей всѣ части въ одно.

Составныя части выстрѣла: 1) заряженіе, 2) опредѣленіе разстоянія до цѣли и, сообразно ему, установка прицѣла, 3) прицѣливаніе, 4) спускъ курка, не нарушая прицѣльной линіи, 5) звукъ выстрѣла, 6) выстрѣлъ боевой съ отмѣреннаго разстоянія и, наконецъ, 7) соединеніе всѣхъ отдѣловъ—выстрѣлъ съ разстоянія, опредѣляемаго на глазъ самимъ стрѣлкомъ. Ко всему этому нужно пріучиться отдѣльно; но къ чему должна привести продолжительная остановка на чемъ нибудь одномъ, можно судить по холостой стрѣльбѣ, которая о необходимости опредѣлить разстояніе, прицѣлиться и спокойно спустить курокъ не напоминаетъ нисколько, къ своему-же собственному совершенству, т. е. къ чистотѣ залповъ, влечетъ, неодолимою силою. Остановка на стрѣльбѣ съ отмѣренныхъ разстояній влечетъ къ такъ называемой тонкой стрѣльбѣ, т. е. порождаетъ желаніе попасть, если можно, въ точку: желаніе, очевидно, неосуществимое и для боя безполезное, такъ какъ тамъ совершенно достаточно, если вы не выходите изъ мишени, имѣющей размѣры человѣка спереди. Одно изъ стремленій, сопровождающихъ исключительныя занятія стрѣльбой съ отмѣренныхъ разстояній, составляетъ также попытка установить точную оцѣнку стрѣльбы цѣлыхъ частей, осно-

вываясь на процентныхъ содержаніяхъ попавшихъ пуль. Стрѣльба массы людей подвержена такимъ случайностямъ, что наилучше стрѣляющая рота не можетъ навѣрное поручиться впередъ ни даже за одну удачную стрѣльбу. Ясно, слѣдовательно, что, какъ средство соревнованія между отдѣльными людьми, подобная оцѣнка еще имѣетъ значеніе; но, какъ опредѣленіе относительнаго искусства частей, она не имѣетъ никакого и ведетъ только къ различнымъ уловкамъ для достиженія наибольшихъ процентовъ. Не смотря на это, процентныя содержанія считается нужнымъ выводить съ большою точностью. Мало того: невозможность точной процентной оцѣнки при стрѣльбѣ съ неопредѣленныхъ разстояній была одно время приводима, какъ аргументъ, противъ введенія этой стрѣльбы въ занятія войскъ. Какъ будто ихъ учатъ стрѣльбѣ для повѣрки, а не для того, чтобы поражать врага!

Изъ этого же видно, какъ всякая лишняя прибавка въ обученіи противъ того, что для войны требуется, опасна: въ конечномъ результатѣ она обращается въ самостоятельный предметъ занятій, не имѣющій ничего общаго съ боевымъ дѣломъ.

Значеніе «частнаго почина» въ современномъ бою приводитъ къ необходимости обратить особое вниманіе на подготовку каждаго солдата къ стрѣльбѣ изъ разсыпного строя. Это занятіе важно въ томъ отношеніи, что продолжительный періодъ медленнаго наступленія подъ огнемъ противника, свойственный современнымъ боямъ, надолго можетъ вывести солдата изъ подъ непосредственнаго вліянія на него его начальниковъ. При такихъ условіяхъ солдатъ долженъ быть готовъ дѣйствовать по собственному почину, не теряя, однако, согласованія своихъ дѣйствій съ дѣйствіями товарищей. Лучшимъ пріемомъ для достиженія такой цѣли при одиночномъ обученіи стрѣльбѣ слѣдуетъ признать развитіе вниманія и наблюдательности въ солдатъ; поэтому весьма полезно, напримѣръ, практиковать во время стрѣльбы переносъ огня отдѣльными стрѣлками по указанію обучающаго, требуя при этомъ опредѣленія дистанціи до новой цѣли и точки прицѣливанія самимъ стрѣлкомъ; полезно вызывать для командованія отдѣленіями не только командировъ отдѣленій, но и другихъ—по назначенію обучающаго и т. под.

Изъ сказаннаго видно, что одновременно съ обученіемъ стрѣльбѣ **необходимо практиковать солдатъ въ глазомѣрномъ опредѣленіи разстояній.**

Употребленіе холоднаго оружія. Чтобы броситься въ штыки или въ шашки человѣкъ долженъ ожесточиться; думать и соображать при этомъ много не нужно, даже чѣмъ меньше думать, тѣмъ лучше: ударъ будетъ рѣшительнѣе. Ясно, что при исключительной или даже предпочтительной практикѣ въ дѣйствіи холоднымъ оружіемъ (въ родѣ горцевъ, срубающихъ иногда головы животнымъ), частое возбужденіе нравственной стороны до ожесточенія должно повести за собою пренебреженіе къ умственному развитію. Но регулярныя войска въ мирное время не имѣютъ подобной практики въ употребленіи холоднаго оружія, и по необходимости должны ограничиться только фехтованіемъ и продѣлываніемъ обстановки холоднаго удара массъ, т. е. движеніями и перестроеніями. Это ведетъ къ увлеченію сомкнутымъ строемъ, худшему двухъ первыхъ (грамотность, пассивное примѣненіе къ мѣстности).

Фехтованіе. Въ бою только тотъ бьетъ, кто не столько заботится о собственной защитѣ, сколько о томъ, чтобы наносить удары. Система обученія военному фехтованію должна быть построена самымъ строго-послѣдовательнымъ образомъ на этой мысли.

Извѣстно, что большая часть учителей фехтованія основываютъ свою систему на обратномъ: не наноси удара, не отпарировавъ. Опять противорѣчіе того, что кажется логическимъ при мирномъ взглядѣ на дѣло, съ тѣмъ, чего требуютъ условія боя: въ то время, когда мирная логика обращаетъ фехтованіе въ искусство отраженія ударовъ съ возможностью ихъ наносить, боевая логика требуетъ, чтобы оно было искусствомъ нанесенія ударовъ съ возможностью ихъ отражать.

Фехтованіе также разлагается при обученіи на отдѣлы: 1) фехтовальные пріемы безъ видимой цѣли; продолжительная остановка на нихъ ведетъ къ тонкостямъ вродѣ салютовъ. При обученіи пріемамъ должно принять необходимымъ условіемъ, чтобы выпады дѣлались не иначе, какъ противъ видимыхъ цѣлей и въ назначенную точку: это необходимо въ видахъ пріученія къ мѣткости и силѣ ударовъ. Послѣ удара пріучать быстро отдергивать

штыкъ. Должно постоянно помнить, что при дѣйствіи холоднымъ оружіемъ глазомѣръ несравненно болѣе важенъ, чѣмъ при стрѣльбѣ: тамъ ошибка въ опредѣленіи разстоянія или невѣрность руки ведетъ къ потерѣ пули; здѣсь она можетъ повести къ потерѣ жизни.

На силу удара должно обращать особенное вниманіе для того, чтобы солдатъ другихъ удадовъ, кромѣ наносимыхъ «отъ сердца», не зналъ.[1]) 2) Бой съ противникомъ, пріучающій солдата къ ловкости и подвижности при нанесеніи ударовъ и къ тому, чтобы видѣть хладнокровно остріе штыка у груди. Остановка на этомъ отдѣлѣ развиваетъ ловкость ударовъ въ ущербъ силѣ и мѣткости ихъ.

Согласованіе своихъ движеній и дѣйствій съ движеніями и дѣйствіями товарищей. Каждая цѣль на войнѣ вѣрнѣе достигается соединенными усиліями многихъ, направленными къ достиженію общей цѣли: это составляетъ сущность, такъ называемаго, **единства дѣйствія.**

Подъ единствомъ дѣйствія должно разумѣть его **единодушіе**, но отнюдь не одновременность движенія. Необходимо, вообще, различать между собою—**движеніе** и **дѣйствіе.**

Движеніе должно вести къ тому, чтобы стать въ выгоднѣйшее положеніе относительно противника; дѣйствіе-же имѣетъ цѣлью начать поражать его, ставъ въ такое положеніе.

Понятно, что **при дѣйствіи**, единства во времени и въ мѣстѣ никогда, или почти никогда, не будетъ, а единодушіе должно существовать, иначе цѣль достигнута не будетъ.

Въ движеніи возможно достиженіе и единства (во времени и въ мѣстѣ), и единодушія, причемъ единство во времени и въ мѣстѣ явится здѣсь внѣшнимъ выраженіемъ единодушія. Но такъ какъ въ мирное время единодушіе дѣйствія ничѣмъ не возбуждается, то и ограничиваются достиженіемъ единовременности движенія: возникаетъ, такимъ образомъ, зачастую увлеченіе стройностью движенія, которое выражается увлеченіемъ **подготовкой солдата къ сомкнутому строю.**

Чтобы показать, какія послѣдствія влечетъ за собой это увлеченіе, необходимо обратиться къ тому времени, когда стройности движеній не существовало; а это было не далѣе, какъ

[1]) Полагаемъ, что отъ требованія колоть, запуская штыкъ по трубку, можно отказаться, т. к. при уколѣ до трубки, отдернуть штыкъ быстро нѣтъ возможности. Но предостерегаемъ отъ того, чтобы ударъ не ослаблять; иначе будутъ не раны, а царапины.

лѣтъ полтораста тому назадъ, т. е. въ половинѣ XVIII вѣка [1]). Для стройности движенія необходимо, чтобы люди шли въ ногу и шагомъ одинаковой скорости и размѣра; какъ это ни просто кажется, но до половины XVIII вѣка никому въ голову не приходило. Можно себѣ представить, какая стройность тогда была возможна! Явился, наконецъ, великій человѣкъ, который открылъ эту, столь повидимому простую вещь; это былъ маршалъ Морицъ Саксонскій. Долго ему не удавалось осуществить свою мысль на дѣлѣ, ибо къ новому люди трудно привыкаютъ; но, наконецъ, мало по малу поняли, что только при мѣрномъ шагѣ военная часть дѣйствительно можетъ двигаться, какъ одинъ человѣкъ. Поняли, что этимъ пріобрѣтался громадный залогъ успѣха въ бою, особенно противъ частей, которымъ стройность движенія неизвѣстна.

Но какъ же обучить мѣрному шагу? Даже и задумавшіе это впервые не имѣли понятія о томъ, какъ нужно взяться за дѣло, чтобы добиться движенія въ ногу. О солдатахъ и говорить нечего: они не могли себѣ представить, чего отъ нихъ хотятъ, они были въ положеніи худшемъ, нежели нынѣшніе новобранцы, которые, если сами не умѣютъ ходить въ ногу, то по крайней мѣрѣ видятъ, какъ это дѣлаютъ старые солдаты.

Итакъ, въ періодъ введенія мѣрнаго шага положеніе обрисовывается такимъ образомъ: высшіе начальники знаютъ, чего хотятъ, но практическихъ пріемовъ къ осуществленію своей мысли не имѣютъ; солдаты и низшіе начальники не понимаютъ даже совсѣмъ, чего отъ нихъ хотятъ.

Какъ же взяться за дѣло, какъ добиться, чтобы сотни людей единовременно поднимали и потомъ ставили на землю одну и ту же ногу? Какъ поправить ошибку, если кто нибудь началъ движеніе не съ той ноги, или не съ желаемой скоростью? Средство одно—замедлить человѣческій шагъ, т. е. заставить солдатъ ходить медленнѣе, чѣмъ при обыкновенной человѣческой походкѣ. Но для непривычнаго глаза и этого было недостаточно; что же сдѣлать? Разложить шагъ на составныя части, и каждую

[1]) Римлянамъ и Грекамъ была извѣстна стройность движенія, но съ паденіемъ военнаго искусства въ средніе вѣка она была совершенно забыта.

исполнять не иначе, какъ по командѣ. Вотъ какимъ постепеннымъ и совершенно логическимъ путемъ возникла та система обученія мѣрному шагу, которая во всѣхъ европейскихъ арміяхъ была признаваема за необходимую въ теченіе почти ста лѣтъ; вотъ какъ вошли въ употребленіе тихіе учебные шаги въ три, два, одинъ пріемъ и вовсе безъ пріемовъ; скорый шагъ въ одинъ пріемъ, и только послѣ него переходили къ чему-то похожему на натуральный человѣческій шагъ—къ скорому шагу.

Но, раздѣливъ шагъ на составныя части, скоро замѣтили, что и пріемы можно исполнять довольно разнообразно: одинъ поднималъ ногу выше, другой ниже; одинъ ее проносилъ скоро, другой медленно. Это рѣзало глазъ, начинавшій получать навыкъ къ однообразію; а можетъ быть, такъ какъ дѣло было новое, обучающимъ казалось, что если не уровнять подобныхъ мелочей, то не будетъ и мѣрнаго шага; какъ бы то ни было, но сказанное разнообразіе, зависящее отъ разнообразія физическаго склада людей, вызвало цѣлый рядъ правилъ о высотѣ, на которую слѣдуетъ поднимать ногу, о скорости, съ которою ее слѣдуетъ поднимать и опускать, о скорости проводки ноги подлѣ каблука, и проч., и проч. Рѣшили, наконецъ, вытягивать носки; это противорѣчило строенію ноги, но способствовало однообразію, ибо вытянутые носки легче было выровнять.... Но обучать всему этому на мѣстѣ не совершенно ровномъ невозможно: начали устраивать плацы, строго горизонтальные, убитые, усыпанные пескомъ, однимъ словомъ вполнѣ способствующіе изученію теоретическаго мѣрнаго шага, весьма сложнаго, отнимавшаго много времени и съ боевымъ дѣломъ не имѣвшаго болѣе ничего общаго.

Видно изъ этого, что значитъ ограничиться одною какою либо стороною боеваго дѣла: что стройность движенія играетъ первостепенную роль въ обученіи массъ,—объ этомъ никто спорить не станетъ; что для этой стройности необходимо каждому человѣку, входящему въ составъ массы, нѣсколько отказаться отъ своихъ физическихъ свойствъ,—это также вѣрно; но чтобы для стройности, необходимой въ бою, нужно было ходить съ носка, этого уже никто не докажетъ. Чему же приписать вве-

деніе подобнаго пріема обученія? Ничему иному, какъ увлеченію стройностью движенія и забвенію прочихъ отдѣловъ обученія солдата.

Но на этомъ остановиться было нельзя: требуя тонкаго однообразія походки или, правильнѣе, маршировки, рано или поздно, но неминуемо должны были перейти къ требованію того же тонкаго однообразія и въ стойкѣ, и въ дѣланіи ружейныхъ пріемовъ. Дошло до того, что солдатъ начали выдерживать на стойкѣ по цѣлымъ часамъ въ разъ; на тихихъ шагахъ останавливались по нѣскольку мѣсяцевъ; мало того, даже со старыми солдатами возвращались къ такимъ шагамъ ежегодно, не смотря на то, что они въ ногу ходить не забывали. Вся эта система выработана была въ послѣдніе тридцать лѣтъ XVIII столѣтія.

Наконецъ, обучили всю пѣхоту мѣрному шагу; тогда положеніе перемѣнилось въ діаметрально-противоположную сторону, ибо начали съ того, что прежде были десятки тысячъ незнающихъ мѣрнаго шага и ни одного инструктора, а кончили тѣмъ, что явились тысячи инструкторовъ и малое число рекрутъ, ежегодно поступавшихъ въ войска и невольно обучавшихся мѣрному шагу, попавъ въ массу людей, которые имъ ходили. Кажется, при такихъ условіяхъ можно было бы и отбросить подготовительные пріемы обученія, но цѣлое поколѣніе выросло на нихъ и привыкло смотрѣть на учебные шаги уже не какъ на подготовительное средство, а какъ на самостоятельный предметъ обученія, самъ по себѣ составляющій цѣль. Понятно, что при этихъ условіяхъ не только нельзя было вдругъ отказаться отъ тихаго шага, но даже подобное предложеніе должно было встрѣчать самое враждебное противодѣйствіе. И такъ продолжалось почти до нашего времени; только не такъ давно (у насъ послѣ крымской кампаніи) рѣшились, наконецъ, отказаться отъ учебныхъ шаговъ.

Вотъ вкратцѣ ходъ введенія мѣрнаго шага во всеобщее употребленіе и возникновеніе тѣхъ требованій строгаго однообразія въ строю, удовлетвореніе которымъ занимало большую часть времени солдата. Изъ сказаннаго видно, что всѣ возникшія при этомъ тонкости составляютъ не злоупотребленіе, а только послѣдовательное усовершенствованіе стройности движенія до той степени, на которой она болѣе пріятна для глазъ, нежели полезна для боя.

Съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія, дѣйствія въ разсыпномъ строѣ пріобрѣли важность, какой дотолѣ не имѣли; явился также запросъ на личную сметку солдата: таковой, конечно, не оказалось, и естественно приписали этотъ недостатокъ притупляющему вліянію сомкнутаго строя; а отсюда до заключенія, что сомкнутый строй должно изгнать изъ мирныхъ занятій—одинъ шагъ, который, разумѣется, не замедлили сдѣлать, —но, по счастію, пока въ теоріи только и только тѣ люди, которымъ никто не повѣрилъ и не повѣритъ. Фактъ притупляющаго вліянія исключительнаго увлеченія сомкнутымъ строемъ совершенно вѣренъ, но заключеніе изъ него сдѣланное невѣрно, по слѣдующимъ соображеніямъ.

Упускается при этомъ изъ виду, **во-первыхъ**, что многое въ бою, не менѣе и даже болѣе важное, нежели сметка, можетъ быть развито только, благодаря сомкнутому строю, а именно: привычка быстрой и точной исполнительности, подчиненія, согласованія своихъ движеній и дѣйствій съ товарищами; слѣдовательно **сомнутый строй имѣетъ большое воспитательное значеніе.**

Во-вторыхъ, нераціональное отношеніе къ сомкнутому строю, заключавшееся въ томъ, что на него смотрѣли, какъ на цѣль, а не какъ на средство и добивались отъ него только одной внѣшней красоты, было принято за единственно возможное и вытекающее изъ его свойствъ, что опять невѣрно: можно заниматься сомкнутымъ строемъ толково и разсыпнымъ безтолково. Все дѣло въ томъ, что и какъ требовать, а вовсе не въ томъ, на какомъ строѣ требовать; если на сомкнутый строй смотрѣть, какъ на средство развитія вниманія людей; если упражняться въ немъ, примѣняясь къ мѣстности, роду противника, положенію и разстоянію, въ коемъ послѣдній относительно строя находится; если, другими словами, вести занятія такъ, чтобы послѣднему солдату было ясно, для чего какой строй пригоденъ,—сомкнутый строй, не утрачивая дисциплинирующаго (воспитательнаго), пріобрѣтаетъ въ то же время и высокое развивающее (образовательное) значеніе. Въ этомъ случаѣ произошло то, что съ человѣкомъ часто бываетъ: свою вину, заключавшуюся въ несоотвѣтственномъ примѣненіи сомкнутаго строя, приписали этому

послѣднему, хотя давно извѣстно, что **никакое средство не можетъ отвѣчать за злоупотребленія имъ.**

Въ третьихъ, нѣкоторые находятъ, что такъ какъ въ сомкнутомъ строѣ, понимаемомъ въ мирномъ смыслѣ, не дерутся на войнѣ, то и заниматься имъ—значитъ заниматься тѣмъ, что для боя непригодно. Въ этомъ возраженіи упущена изъ виду коренная разница, существующая между двумя родственными предметами: подготовленіемъ вооруженной силы къ бою и употребленіемъ ея въ бою. Отношеніе къ войскамъ въ мирное и въ военное время представляетъ, такъ называемую, **антиномію или противоположеніе.**

Цѣль мирнаго времени—подготовка, накопленіе, сбереженіе силы; **цѣль военнаго времени**– употребленіе накопленнаго, т. е. такъ или иначе истребленіе силы. Отсюда неминуемая противоположность въ пріемахъ подготовки войскъ въ мирное время и въ употребленіи войскъ въ военное время. Напримѣръ, стремленіе воспроизвести картины боя въ мирное время при обученіи—совершенно не раціонально, обратно—примѣненіе при обученіи войскъ сквозныхъ атакъ—вполнѣ раціонально, хотя оно никакой картины боя не воспроизводитъ. Вообще, пріемы обученія въ мирное время, будучи по внѣшности отличны отъ того, что войска будутъ дѣлать въ бою, по существу своему должны развивать и прививать войскамъ тѣ свойства, на эксплуатаціи которыхъ основанъ успѣхъ въ бою, и заглушать тѣ свойства, проявленіе которыхъ не желательно въ военное время.

Напримѣръ, изъ пріемовъ подготовки въ мирное время должно быть исключено всё то, что хоть въ ничтожной степени играетъ въ руку инстинкту самосохраненія и проч. На томъ-же основаніи—обученіе сомкнутому строю, который развиваетъ въ людяхъ способность мгновенно подчиняться одной волѣ, положительно необходимо.

Для стройности движенія человѣкъ долженъ отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ физическихъ свойствъ, слѣдовательно въ основѣ этого занятія лежитъ автоматизмъ, т. е. подчиненіе разнообразныхъ физическихъ свойствъ различныхъ личностей одной извѣстной нормѣ. Ясно, что при исключительномъ пре-

обладаніи этого отдѣла, ни умъ, ни воля практики имѣть не могутъ, ибо все вниманіе будетъ устремлено на развитіе въ каждомъ человѣкѣ одной способности—совершенно однообразно съ другими ходить, стоять, махать руками, исполнять все, что ни потребуется. Ясно также, что отдѣлы образованія, не особенно благопріятствующіе развитію этой способности, а вызывающіе дѣятельность ума и воли, при такомъ увлеченіи остаются безъ вниманія [1]).

Вліяніе крайностей этого увлеченія на складъ понятій не трудно предугадать: 1) стремленіе къ однообразію вездѣ и во всемъ; 2) стремленіе довести до совершенства внѣшнюю сторону службы и забвеніе существеннѣйшихъ ея обязанностей, потому что въ нихъ нѣтъ ничего показного, прельщающаго глазъ; 3) расширеніе власти начальника за предѣлы закона.

Увлеченіе этимъ отдѣломъ образованія особенно было сильно въ эпоху Фридриха II; и, будучи самъ великимъ полководцемъ, онъ дошелъ однако-жъ до убѣжденія, будто «солдатъ долженъ бояться палки капрала больше, чѣмъ непріятельской пули». Упущено было въ этомъ афоризмѣ одно изъ виду: можно бояться палки болѣе, чѣмъ пули; но нельзя бояться ее болѣе, чѣмъ штыка.... Но это упущеніе было совершенно естественнымъ послѣдствіемъ увлеченія стройностью.

Отсюда видно, что увлеченіе эволюціями массъ сообщаетъ складъ понятіямъ о дисциплинѣ, противоположный тому, какой они получаютъ при увлеченіи стрѣльбою. Въ первомъ случаѣ личность солдата является болѣе или менѣе подавленною; во второмъ—она слишкомъ выдается въ ущербъ единству, особенно необходимому при дѣйствіи холоднымъ оружіемъ. Между тѣмъ для боя нельзя удовольствоваться чѣмъ нибудь однимъ, ибо тамъ нуженъ человѣкъ, способный и на то, и на другое; способный въ разсыпномъ строю быть самостоятельнымъ, въ сомкнутомъ—обращаться въ автомата; способный быть спокойнымъ во время дѣйствія огнестрѣльнымъ оружіемъ и обращаться въ звѣря при дѣйствіи холоднымъ. Такимъ образомъ, при современныхъ условіяхъ должно быть обращено серьезное вниманіе не только на

[1]) Извѣстно, что во время увлеченія стройностью движенія ни на стрѣльбу, ни на обученіе работѣ штыкомъ, ни, наконецъ, на развитіе одиночной ловкости, не обращали никакого вниманія.

подготовку солдата къ сомкнутому строю, но и къ дѣйствію въ разсыпномъ строю; первое имѣетъ скорѣе воспитательное значеніе, а второе является подготовкой къ современному бою въ прямомъ смыслѣ.

Изъ всего сказаннаго легко убѣдиться еще въ томъ, что, какимъ бы отдѣломъ образованія солдата мы ни увлеклись, мы неминуемо отклонимъ его отъ его боевого назначенія и матеріально, и нравственно.

Остается сказать о средствѣ противодѣйствовать этому увлеченію: заключается оно въ исполненіи основного закона всякой человѣческой дѣятельности, по которому человѣкъ, приступая къ изученію какого нибудь предмета, начинаетъ съ разложенія его на составныя части, изучаетъ ихъ отдѣльно и затѣмъ соединяетъ ихъ въ одно, не останавливаясь слишкомъ долго на отдѣльномъ изученіи. Учитесь ли вы читать, писать, пахать, плотничать,—вы постоянно держитесь этого пути. Слѣдуетъ его держаться и въ образованіи солдата.

Само собою разумѣется, что до полнаго соединенія всѣхъ отдѣловъ боевого ремесла дойти невозможно, такъ какъ въ мирное время не достаетъ для этого главной данной—непріятеля; но слѣдуетъ вести это соединеніе такъ далеко, какъ только допускаетъ мирное положеніе.

Какіе именно отдѣлы съ какими соединять,—показываетъ предшествующій разборъ и условія боя: въ бою не приходится передъ непріятелемъ только ходить или располагаться, а должно сопровождать движеніе или расположеніе употребленіемъ котораго либо изъ оружій,—будемъ дѣлать то же и въ мирное время противъ цѣлей неодушевленныхъ.

Примѣненіе къ мѣстности. Примѣненіе къ мѣстности состоитъ, какъ уже сказано, въ умѣньи преодолѣвать встрѣчаемыя преграды и пользоваться ими для своего укрытія отъ взоровъ и выстрѣловъ противника. Гимнастика, развивая силу и ловкость, служитъ подготовкой къ этому отдѣлу, но еще не даетъ его: гимнастическія преграды не то, что мѣстныя, и пріучаться преодолѣвать послѣднія можно только на мѣстности.

Но такъ какъ мѣстныя препятствія безконечно видопзмѣнимы, то понятно, что большее или меньшее умѣнье ихъ преодолѣвать, или ими пользоваться, опредѣляется исключительно личной сметливостью солдата, а не изученіемъ какихъ либо для того правилъ; очевидно также, что преподаваніе правилъ примѣненія къ мѣстности можетъ только помѣшать развитію сметливости.

Преодолѣніе мѣстныхъ преградъ (активное примѣненіе къ мѣстности) есть неоспоримо важнѣйшая часть этого отдѣла; умѣнье-же пользоваться преградами для своей защиты, пріобрѣтается отчасти само собою при стрѣльбѣ, вслѣдствіе необходимости искать опору ружью, но тѣмъ не менѣе должно составлять предметъ одиночнаго обученія. Такъ какъ пассивное примѣненіе къ мѣстности способствуетъ развитію чувства самосохраненія, которое, напротивъ, должно стараться притупить въ солдатѣ упражненіями, развивающими въ немъ отвагу и неустрашимость, то въ обученіи примѣненію къ преградамъ для укрытія не слѣдуетъ идти дальше показа—какъ стрѣлять изъ-за разныхъ мѣстныхъ предметовъ. Притомъ не должно забывать, что въ мирное время можно выучить ловко укрываться за мѣстными преградами, но не упорно отстаивать ихъ; между тѣмъ какъ въ бою послѣднее только и важно, и это послѣднее можетъ сдѣлать только тотъ, кто не особенно думаетъ о своемъ собственномъ укрытіи. Рядомъ съ этимъ активное примѣненіе къ мѣстности (преодолѣніе преградъ) должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ мирныхъ упражненій солдата, ибо оно: представляетъ видимую цѣль, по свойству своему менѣе даетъ простора мирному стремленію подчинять все опредѣленнымъ правиламъ, а болѣе—сметкѣ солдата; оно развиваетъ ловкость и отвагу и притупляетъ инстинктъ самосохраненія.

Сказанное о пассивномъ примѣненіи къ мѣстности относится только до одиночнаго обученія, а не до обученія частей. Укрыть хорошо часть труднѣе, чѣмъ укрыться одному человѣку; притомъ же тамъ не каждый солдатъ распоряжается самимъ собою, а всѣ подчинены начальникамъ, и все исполняютъ не иначе, какъ по ихъ приказанію или командѣ; слѣдовательно практика въ укрытіи

частей боевого порядка должна составлять одну изъ главныхъ заботъ начальниковъ; такого рода примѣненіе къ мѣстности является главнымъ изъ раціональныхъ средствъ противодѣйствія современному скорострѣльному огнестрѣльному оружію.

Окопное дѣло. Какъ необходимое подспорье примѣненію къ мѣстности, окопное дѣло должно также составлять одно изъ занятій солдата въ мирное время: тамъ, гдѣ препятствія трудно одолимы, онъ долженъ умѣть сдѣлать ихъ легко одолимыми при помощи искусства; тамъ гдѣ нѣтъ преградъ и закрытій, а пунктъ важенъ, онъ долженъ умѣть создать ихъ. Такого рода работы составятъ фортификаціонную подготовку солдата.

Но и здѣсь, во избѣжаніе увлеченія и безцѣльной работы, должно вести занятія такъ, чтобы они всегда были осязательно полезны. Для этого только первыя, показныя занятія, могутъ быть самостоятельными, а слѣдующія затѣмъ занятія должны быть производимы одновременно съ тактическимъ обученіемъ части; при этомъ для успѣха дѣла необходимо, чтобы фортификаціонныя работы вытекали изъ сущности тактическихъ дѣйствій наступающаго и обороняющагося и непремѣнно сообразовались-бы съ временемъ, въ теченіи котораго допустимо ими заниматься по ходу тактической задачи.

Часто случалось, что изучившіе фортификаціонныя правила думали на дѣлѣ не столько о томъ, чтобы возводить постройки сообразно съ обстоятельствами времени и мѣста, сколько о томъ, чтобы изученное осуществить наперекоръ этимъ обстоятельствамъ. Да притомъ въ полѣ и не требуется никакихъ хитрыхъ сочетаній линій; и всякій, вѣрующій въ свой здравый смыслъ, безъ труда и сразу увидитъ, какое направленіе нужно дать фронту батареи или окопу. Фортификаціонныя формы то же, что уставныя: въ мирное время учатъ воспроизводить ихъ съ идеальной правильностью и нѣсколькихъ только видовъ, а въ военное ихъ нужно будетъ строить гдѣ придется и какъ придется, т. е. разнообразить до безконечности. Тамъ ужъ, конечно, нельзя требовать правильности. Но кто привыкъ требовать ее въ мирное время, способенъ ли тотъ легко отъ нея отказаться въ военное? Конечно нѣтъ, и зачастую будетъ расположенъ требовать ее тамъ, гдѣ она невозможна, или безполезна.

Средство противодѣйствовать одностороннимъ увлеченіямъ какимъ либо отдѣломъ.

Изъ отдѣловъ обученія видно какъ то, что всѣ они необходимы, такъ и вредъ увлеченія однимъ или нѣсколькими изъ нихъ. Вредъ этотъ явствуетъ и изъ того, что, занявшись только нѣкоторыми отдѣлами въ ущербъ остальнымъ, мы получимъ солдата, который узнаетъ не все дѣло, а только часть его, слѣдовательно вполнѣ для боя подготовленъ не будетъ, и изъ того еще, что увлеченіе какимъ либо однимъ отдѣломъ даетъ понятіямъ и солдатъ, и начальниковъ не тотъ складъ, который нуженъ для боя. Очевидна настоятельная необходимость противодѣйствовать возможности подобныхъ увлеченій. Цѣль эта достигается, во-первыхъ, **распредѣленіемъ времени между отдѣлами соотвѣтственно ихъ важности**: во-вторыхъ, **соединеніемъ строевыхъ ученій съ дѣйствіемъ оружіемъ, на сколько то въ мирное время возможно.** Это послѣднее средство будетъ разобрано въ отдѣлѣ обученія частей. Здѣсь же укажемъ на первое, т. е. на то, какъ слѣдуетъ распредѣлять время, употребляемое на одиночныя занятія.

Раціональное распредѣленіе времени, или составленіе такъ-называемаго учебнаго плана, въ особенности важно теперь, при короткихъ срокахъ службы, при которыхъ нельзя терять даромъ ни минуты; безъ такого плана и безъ строгаго слѣдованія ему, успѣхъ немыслимъ. Только учебный планъ, заранѣе соображенный, даетъ возможность чего нибудь не забыть и соблюсти должную постепенность въ томъ, что послѣ чего проходить слѣдуетъ. Руководящими основаніями при составленіи учебнаго плана служатъ: а) относительная важность отдѣловъ; б) объемъ времени, даннаго на одиночную подготовку. Относительная важность предметовъ опредѣляется слѣдующими положеніями: 1) воспитаніе должно быть поставлено выше образованія; 2) образованіе представляетъ предметы двоякаго характера: одни имѣютъ цѣлью выучить солдата дѣйствію (употребленіе оружія); другіе ознакомить его съ обстановкою дѣйствія (гимнастика, строй, примѣненіе къ мѣстности съ землекопствомъ). Понятно,

что, при недостаткѣ времени, слѣдуетъ первымъ предметамъ предоставлять время насчетъ вторыхъ, а не наоборотъ. Положимъ, что на подготовку новобранцевъ намъ была бы дана только недѣля: мы употребили бы ее на внушеніе имъ обязанностей солдата вообще и часоваго въ частности; на то, чтобы дать имъ понятіе объ ударѣ штыкомъ, о стрѣльбѣ и чисткѣ ружья, а остальные отдѣлы пропустили бы совсѣмъ.

Къ этому необходимо прибавить, что учебный планъ заключается не въ огульномъ назначеніи уроковъ общей цифрой на каждый предметъ и на весь періодъ занятій, но въ распредѣленіи ихъ по недѣлямъ. Необходимо это потому, что огульное распредѣленіе времени не указываетъ, въ какой послѣдовательности нужно вести различные предметы образованія, и не представляетъ гарантіи противъ увлеченія какимъ либо однимъ или нѣсколькими излюбленными предметами въ ущербъ остальнымъ.

Какъ учить солдата? Методъ.

Методъ обученія солдатъ, если припомнимъ, выражается условіями:

1) **Учить солдатъ боевому дѣлу въ такой послѣдовательности, чтобы они изъ самаго хода обученія видѣли цѣль всякаго отдѣла образованія.**

Это положеніе вытекаетъ изъ свойства ума человѣка, въ силу котораго у него, что-бы ни заставили его дѣлать, невольно является вопросъ: почему? зачѣмъ?

Если постепенность занятій расчитана на удовлетвореніе этому запросу, то все изучаемое, будучи во взаимной причинной связи, доступной пониманію солдата, будетъ имъ усвоено и прочнѣе, и въ кратчайшій срокъ.

Въ силу этого условія самъ обучающій долженъ подготовляться къ обученію и каждый разъ, какъ-бы хорошо онъ ни зналъ преподаваемое, долженъ намѣчать себѣ программу занятій. Внѣ всякаго сомнѣнія, что намѣченная программа далеко не всегда будетъ исполнена въ данный срокъ, потому что обучающій не долженъ переходить къ слѣдующему отдѣлу или по-

ложенію до тѣхъ поръ, пока онъ наглядно не убѣдится въ томъ, что преподанное въ достаточной мѣрѣ усвоено.

2) **Учить преимущественно примѣромъ, т. е. показывать, что и какъ сдѣлать, прибѣгая къ изустнымъ объясненіямъ только въ случаѣ дѣйствительной необходимости.**

Это положеніе проистекаетъ, главнымъ образомъ, изъ свойствъ самаго дѣла, которому обучаютъ: военное дѣло—дѣло практическое; и изъ свойствъ того, кого именно обучаютъ: солдатъ—простолюдинъ—не говорливъ, не привыкъ выслушивать и понимать длинные разговоры; да и при выполненіи 1-го условія (цѣлесообразность) въ разговорахъ нѣтъ особой надобности.

Совѣтуя прибѣгать **къ показу**, преимущественно **передъ разсказомъ**, мы вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаемъ отъ увлеченій этимъ пріемомъ, которыя неоднократно наблюдались. Для поясненія приведемъ примѣры, взятые изъ жизни, огласить которые мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ. Въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ, гдѣ увлеченіе «показомъ» было доведено до крайности, во время занятій люди, изображавшіе возмутившихся арестантовъ, производили такой безпорядокъ, что часовые, которые не могли-же ихъ укрощать на самомъ дѣлѣ, совершенно не въ состояніи были съ ними справиться и усмирять ихъ приходилось ротному командиру; изображавшій, весьма естественно, пьянаго посѣтителя въ ротѣ, войдя въ свою роль, начиналъ ругаться площадными словами и вступилъ въ драку съ дежурнымъ, желавшимъ его удалить, пока не былъ призванъ къ порядку также ротнымъ командиромъ; люди, изображавшіе новобранцевъ, окончательно ничего не хотѣли понимать, какъ-бы ни объяснялъ имъ учитель, причемъ болѣе остроумные вызывали своими выходками совершенно неумѣстную веселость въ окружающихъ. Такимъ образомъ, серьезныя занятія обратились въ какое-то дурачество, во время котораго вниманіе людей болѣе привлекалось остротами арестантовъ, пьяныхъ и новобранцевъ, чѣмъ распоряженіями должностныхъ, да добро-бы въ дурачество,—пожалуй, и въ развратъ: изъ-за желанія обучить однихъ,—какъ справиться съ арестантами,—обращать другихъ, хотя-бы и примѣрно, въ арестантовъ—педагогія по меньшей мѣрѣ странная. Вѣдь сол-

дата должно воспитать такъ, чтобы онъ смотрѣлъ на арестанта, какъ на преступника; а тутъ человѣка честнаго заставляютъ разыгрывать преступника....

Бывало также, что для «показа» обязанности дневальнаго въ ротѣ слѣдить за цѣлостію вещей—приказывали кому-нибудь залезть въ чужой сундукъ, т. е. честнаго человѣка заставляли разыгрывать роль вора—педагогично, нечего сказать.... Придетъ-ли, напримѣръ, въ голову честному отцу заставлять одного сына изображать вора для того, чтобы показать другому сыну, какъ нужно оберегаться отъ воровъ? Конечно, не придетъ. Отъ такой науки вмѣсто просвѣщенія, можно получить растлѣніе. И при любви къ дѣлу—всякій подобный пріемъ, конечно, будетъ отвергнутъ даже безъ обсужденія. Но при казенномъ желаніи пройти всё безъ исключенія не иначе, какъ «показомъ», этотъ способъ рекомендуется безъ зазрѣнія совѣсти.

Нужно помнить, что учитель для ученика, а не наоборотъ. И потому учитель долженъ удовлетворять не своей потребности учить, а потребности ученика—знать, слѣдовательно давать ему только то, что безъ пособія учителя ученикъ узнать не можетъ, не размазывать ему того, что и безъ учителя понятно и ужъ ни въ какомъ случаѣ, конечно, не загрязнять ему мысли и сердца такими вещами, которые для честнаго солдата должны быть мерзостью. А то—на одномъ урокѣ представляй арестанта, вора, а на другомъ—учись быть честнымъ солдатомъ.... Выходитъ такъ, что это какъ будто только разныя, но равноправныя, спеціальности. Въ приведенныхъ только-что примѣрахъ нравственная перспектива устранена въ обученіи изъ-за невоздержаннаго желанія всё пройти непремѣнно «показомъ».

Къ дѣлу воспитанія и образованія солдата нужно прилагать болѣе здраваго смысла и въ особенности болѣе сердца; гдѣ этого нѣтъ, тамъ пріемъ самый лучшій приведетъ: въ лучшемъ случаѣ—къ нелѣпости, въ худшемъ—къ разврату.

И потому обращать святое дѣло воспитанія и образованія солдата въ какое то лицедѣйство и забаву, вплоть до раздачи нечистоплотныхъ ролей,—не годится.

УСЛОВІЯ ОБЕЗПЕЧИВАЮЩІЯ УСПѢХЪ ВОСПИТАНІЯ И ОБРАЗОВАНІЯ СОЛДАТА.

«Каждый начальникъ долженъ развивать и поддерживать въ солдатѣ сознаніе о высокомъ значеніи воина, призваннаго къ защитѣ Престола и Отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ» [1]),—столь высоко должно быть званіе солдата. Такому почетному званію, казалось-бы, должно соотвѣтствовать извѣстное внѣшнее положеніе солдата среди окружающихъ его гражданъ; поэтому, ограниченія вродѣ того, чтобы солдатъ не ходилъ по нѣкоторымъ улицамъ, не входилъ въ трамвай и многія другія—представляются несоотвѣтственными. Существованіе такихъ ограниченій съ одной стороны является наслѣдіемъ старины, а съ другой—ограниченіемъ вынужденнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несоотвѣтствующимъ достоинству воина, призваннаго къ защитѣ Престола и Отечества.

Вынужденность такихъ ограничительныхъ правилъ проистекаетъ изъ того, что солдатъ не воспитанъ въ духѣ воинской вѣжливости и въ убѣжденіи, что военный мундиръ налагаетъ на него обязанность быть вѣжливѣе и сдержаннѣе тѣхъ, кто такового мундира не имѣетъ. Нашъ солдатъ, въ общемъ, необузданъ и потому не въ силахъ держаться прилично и сдержанно во всѣхъ случаяхъ. Такое обстоятельство, однако, не можетъ быть поставлено солдату непосредственно въ вину, такъ какъ онъ, происходя изъ народной массы, далеко не всегда приноситъ съ собою на службу даже и сознаніе въ необходимости быть вѣжливымъ и сдержаннымъ. Благодаря отсутствію офицерской воспитательной работы надъ солдатомъ, этотъ недочетъ не восполняется въ немъ и на службѣ.

Такимъ образомъ, недостатокъ достодолжнаго вниманія и участія г.г. офицеровъ въ дѣлѣ воспитанія солдата приводитъ, по необходимости, къ такимъ ограничительнымъ правиламъ, которыя не соотвѣтствуютъ почетному званію солдата. Въ результатѣ, требованіе ст. 4 «устава дисциплинарнаго»—поддерживать въ солдатѣ сознанія о высокомъ значеніи воина, далеко не всегда

[1]) Изъ ст. 4 дисциплинарнаго устава.

является практически уравновѣшеннымъ съ окружающею обстановкою.

Благодаря этому теряется главнѣйшее, т. е. то нравственное начало, ради котораго солдатъ стремился-бы воспринять преподаваемое ему, стремился-бы сдѣлаться настоящимъ солдатомъ, званіе котораго почетно—и въ разсказѣ учителя, и на практикѣ.

Г.г. офицеры, приложите все ваше усердіе къ дѣлу воспитанія солдата въ духѣ истинной воинской дисциплины, вѣжливости и сдержанности, тогда не нужны будутъ несообразныя съ почетнымъ званіемъ солдата разныя ограниченія, тогда званіе солдата сдѣлается почетнымъ въ дѣйствительной жизни. Достигнувъ такого положенія, вы вмѣстѣ съ тѣмъ привьете будущимъ поколѣніямъ, т. е. новобранцамъ, нравственную энергію, которая заставитъ ихъ стремиться къ скорѣйшему воспринятію солдатскаго воспитанія и образованія, дабы достигнуть **дѣйствительно-почетнаго** званія солдата.

Наряду съ работой нравственнаго характера, успѣшному ходу воспитанія и образованія солдатъ въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ такое ихъ содержаніе, которое не истомляетъ и не надрываетъ физическихъ силъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что утомленіе вслѣдствіе непривычки къ извѣстнаго рода упражненіямъ можетъ служить поводомъ къ перерыву занятій; наоборотъ, при постоянномъ втягиваніи въ работу такое утомленіе совершенно исчезаетъ.

Такимъ образомъ необходимо:

1) Кормить солдатъ по-людски.

2) Не изводить на безтолковой работѣ.

3) Изъ каждыхъ трехъ ночей—двѣ въ кроватп, кромѣ особыхъ напряженныхъ случаевъ несенія службы.

4) Въ работу втягивать исподволь, не надрывая силъ.

5) При обученіи исправлять словомъ, а не руками: понятнѣе и не обидно; если словъ не понимаетъ,—показать на себѣ, а чтобы было виднѣе,—становиться отъ обучаемаго не ближе трехъ шаговъ.

Успѣхъ обученія молодыхъ солдатъ зависитъ отъ манеры обращенія съ ними. Обучающіе должны помнить, что если молодой солдатъ не исполняетъ чего-либо, или исполняетъ дурно,

то это происходитъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не отъ нерадѣнія, а отъ непониманія требованій; помочь этому можно только терпѣливымъ и кроткимъ объясненіемъ молодому солдату того, что онъ долженъ дѣлать, а не взысканіями; взысканія въ подобныхъ случаяхъ могутъ только окончательно запугать и ошеломить его.

Только неисполнительность, происходящая отъ нерадѣнія, должна быть преслѣдуема соразмѣрными взысканіями.

Общія начала воспитанія и образованія, высказанныя выше, одинаково относятся къ воспитанію и образованію солдатъ всѣхъ главныхъ и вспомогательныхъ родовъ войскъ. Все выше-изложенное относительно образованія примѣнимо полностію къ подготовкѣ пѣхотинца. Подготовка солдатъ въ конницѣ и артиллеріи имѣетъ сверхъ высказанныхъ общихъ началъ нѣкоторыя особенности, о которыхъ сейчасъ-же и оговоримъ.

ДОПОЛНЕНІЯ КАСАЮЩІЯСЯ ВОСПИТАНІЯ И ОБРАЗОВАНІЯ КОННИЦЫ.

Общія начала воспитанія и образованія, если припомнятъ, были:

1) учить войска въ мирное время только тому, что они должны умѣть дѣлать въ военное; 2) учить въ такой послѣдовательности, чтобы новобранецъ изъ самаго хода обученія видѣлъ, зачѣмъ его учатъ тому или другому; 3) учить больше показомъ, нежели разсказомъ.

Наиболѣе вѣрное примѣненіе этихъ началъ въ отношеніи одиночной выработки всадниковъ и лошадей представляютъ конницы естественно-возникшія; система образованія, въ нихъ выработанная, останется съ боевой точки самою совершенною навсегда; можно ее испортить, но улучшить трудно. Причину такой, по-видимому, странности объяснить легко: конница дѣйствуетъ преимущественно холоднымъ оружіемъ, какъ извѣстно, несовершенствуемымъ; нельзя себѣ также представить возможности развитія быстроты лошади и силъ человѣка болѣе того, что есть теперь, и что было съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ конница. Другими словами: такъ какъ она состоитъ главнѣйше изъ эле-

ментовъ, созданныхъ природой (изъ человѣка и лошади), а не изобрѣтенныхъ умомъ человѣка; такъ какъ совершенствуемость этихъ элементовъ возможна только въ предѣлахъ весьма ограниченныхъ, то ясно, что такое состояніе конницы, которое возникло подъ давленіемъ боевой необходимости, будетъ, во-первыхъ, лучшее, во-вторыхъ, останется вѣчно однимъ и тѣмъ же.

Вотъ почему марш. Саксонскій говорилъ, что нигдѣ такъ усовершенствованія не вредны, какъ въ конницѣ; почему и регулярные кавалеристы, побывавшіе въ бою, и которые думали о своемъ дѣлѣ, приходятъ къ тому убѣжденію, что идеаломъ и образцомъ въ конномъ дѣлѣ должны служить конницы, возникшія естественно. Стоитъ прочесть Нолана, де-Брака, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Итакъ, въ дѣлѣ образованія всадника, есть образецъ, къ которому должно стремиться; слѣдуетъ опредѣлить только, въ чемъ именно естественныя конницы могутъ служить примѣромъ регулярнымъ. Такъ какъ ни одна естественная конница не выработала сомкнутаго строя, то ясно, что примѣръ ихъ можетъ распространиться только на одиночную подготовку всадника; все же касающееся до дѣйствій и маневрированія въ сомкнутомъ строю слѣдуетъ брать у тѣхъ регулярныхъ кавалеристовъ, которые теперь, какъ Зейдлицъ и Циттенъ въ свое время, показываютъ на дѣлѣ, что учили свои части сомкнутому строю сообразно боевымъ требованіямъ.

Воспитаніе. Нравственное воспитаніе всадника должно имѣть цѣлью развитіе тѣхъ же качествъ, что и въ пѣхотѣ.

Разница будетъ въ томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ качествъ въ конницѣ должны быть оттѣнены большимъ порывомъ: такъ, рѣшительность во всадникѣ должна переходить въ сумасшедшую удаль, развитую до того, чтобы, пущенный въ атаку, онъ летѣлъ сломя голову, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями.

Но такъ какъ уже доказано, что извѣстное нравственное настроеніе въ человѣкѣ можетъ быть достигнуто только соотвѣтственнымъ направленіемъ и его практическихъ занятій, то понятно, что въ одиночномъ образованіи всадника все должно быть соображено такъ, чтобы развить въ немъ чувство чести, удаль и безстрашіе до возможной степени.

Образованіе. Сообразно тому, что всаднику нужно на войнѣ, образованіе его представляетъ слѣдующіе отдѣлы:

а) Обученіе пѣшкомъ.

1) Уходъ за лошадью и сбереженіе оружія; сѣдланіе, взнуздываніе и мундштученье.

2) Гимнастика; пріученіе къ движеніямъ въ пѣшемъ строю.

3) Нанесеніе ударовъ пикою и шашкою; стрѣльба боевыми патронами изъ револьвера и ружья.

4) Саперная подготовка.

б) Обученіе верхомъ.

1) Ѣзда различными аллюрами на уздечкѣ и потомъ на мундштукѣ; въ манежѣ и затѣмъ въ полѣ. Вольтижированіе безъ оружія. Прыганье черезъ барьеръ. Плаваніе.

2) Дѣйствіе оружіемъ съ лошади въ полѣ (вольтижированіе съ оружіемъ, дѣйствіе оружіемъ на медленныхъ и быстрыхъ аллюрахъ въ неподвижныя и подвижныя неодушевленныя цѣли, нагибаніе на лошади, попаданіе въ бросаемые предметы и проч.).

3) Подготовка къ сомкнутому строю и къ атакѣ въ этомъ строю противъ неподвижныхъ цѣлей. Сквозныя атаки.

4) Выработка выносливости въ человѣкѣ и лошади (ученія съ постепенно увеличиваемымъ вьюкомъ, строевыя проѣздки, продолжительныя походныя движенія).

5) Подготовка къ сторожевой службѣ.

6) Подготовка къ развѣдывательной службѣ.

в) Выѣздка лошади.

Подчиненіе волѣ всадника лошади въ движеніи, въ поворотахъ, въ остановкѣ; развитіе способности къ быстротѣ до возможнаго предѣла.

Наконецъ, какъ подспорье развитію, грамотность не должна быть упускаема изъ виду ни въ одномъ родѣ войскъ, слѣдова-

тельно, и въ конницѣ. Необходимо также знаніе устава внутренняго и другихъ.

Разберемъ перечисленные здѣсь отдѣлы по порядку.

ОБУЧЕНІЕ ПѢШКОМЪ.

Сбереженіе лошадей. Уходъ за лошадью, составляя основаніе хорошаго состоянія конницы, долженъ быть преподанъ новобранцу самымъ тщательнымъ образомъ; сюда войдутъ: чистка, кормъ, гигіена лошади и, наконецъ, тщательное сѣдланіе. При податливости характера нашего простолюдина и при врожденной его толковитости, этотъ отдѣлъ образованія, при малѣйшемъ вниманіи со стороны учителей, не можетъ представить большого затрудненія, особенно, если людямъ будутъ напоминать, что въ бою и въ походѣ они совершенно зависятъ отъ лошади; что если лошадь набьетъ спину, или заболѣетъ, то всаднику придется самому нести ея сбрую.

И въ этомъ отдѣлѣ, какъ онъ ни мало, повидимому, можетъ располагать къ увлеченіямъ, они возможны, и ведутъ къ истощенію людей, да не совсѣмъ здоровы и для лошадей. Одно изъ увлеченій приводитъ къ требованію такой щегольской чистки, которая въ военное время и безполезна, и невозможна. Для щегольства, выдерживаютъ лошадей въ теплыхъ конюшняхъ, чтобы шерсть лоснилась и меньше отростала; лошадей свѣтлыхъ мастей держатъ въ штанахъ; въ нѣкоторыхъ частяхъ французской арміи одно время даже брили лошадей. Въ прежнее время даже доходили до того, что за малѣйшее пятно, оставшееся на чистомъ платкѣ, проведенномъ по шерсти лошади, подвергали безпощаднымъ взысканіямъ. Наконецъ, для той же красоты, хлопочутъ, чтобы кони были, въ, такъ называемомъ, тѣлѣ. Тѣла эти достигаются тѣмъ, что избѣгаютъ задавать конямъ усиленную работу; отъ этого кормъ, вмѣсто того, чтобы вырабатываться въ мускулы, идетъ въ жиръ; лошадь рыхлѣетъ; при первыхъ шагахъ полевой службы, послѣ нѣсколькихъ переходовъ, отъ такой лошади остаются кожа да кости, а иногда она и просто падаетъ. Въ этомъ отношеніи натуральныя конницы могутъ быть постав-

лены также въ образецъ: въ нихъ лошадей кормятъ хорошо, но и работать заставляютъ много.

До какой степени все сказанное несообразно съ боевой точки, доказательствомъ можетъ служить то, что у мирныхъ кавалеристовъ переходъ даже въ тридцать верстъ не такъ давно считался усиленнымъ, между тѣмъ какъ у боевыхъ и у естественныхъ даже переходъ въ 50—60 верстъ не считается дѣломъ необыкновеннымъ.

Къ чести нашей конницы должно сказать, что бритья никогда въ заводѣ не было, да и взглядъ на тѣла въ послѣднія сорокъ лѣтъ значительно измѣнился къ лучшему.

Гимнастика и пѣшій строй. Въ примѣненіи къ конному дѣлу, гимнастика должна ограничиваться приготовительными движеніями и тѣми упражненіями, которыя развиваютъ гибкость корпуса, гибкость и силу ногъ. Слѣдовательно, какъ подготовка къ вольтижированію, прыганье на деревянную лошадь и соскакиваніе съ нея займутъ въ этихъ упражненіяхъ главное мѣсто. Полезно также заставлять людей, сидя въ сѣдлѣ, дѣлать движеніе ногъ къ бокамъ лошади, впередъ, назадъ, вверхъ, внизъ; вертѣть тяжести около плеча, попеременно, то въ одной, то въ другой рукѣ; нагибать корпусъ на-право и на-лѣво, постепенно доходя до того, чтобы доставать рукою до земли.

Къ гимнастикѣ должно быть отнесено и пріученіе всадниковъ къ движеніямъ **въ пѣшемъ сомкнутомъ строѣ.** Этому отдѣлу должно жертвовать не болѣе, какъ столько времени, сколько нужно, чтобы люди пріучились ходить въ ногу; сомкнутый пѣшій строй на пѣхотный ладъ, съ требованіями точнаго равненія, слишкомъ однообразной стойки и проч., противенъ духу конной спеціальности, мѣжду тѣмъ имъ легко увлечься; а ужъ извѣстно до какой степени это увлеченіе несовмѣстно съ боевыми требованіями даже въ пѣхотѣ, не говоря уже о конницѣ.

Надо помнить, что, имѣя огнестрѣльное оружіе, конница, будетъ спѣшиваться только въ мѣстахъ пересѣченныхъ, гдѣ придется дѣйствовать почти исключительно въ разсыпномъ строѣ; а если для дѣйствія въ рукопашную, спѣшившимся придется иногда сомкнуться въ кучу, то въ этихъ случаяхъ не столько

сомкнутость и равненіе, сколько дружность удара и одиночная храбрость—дадутъ успѣхъ атаки. Но если въ конницѣ вредно увлекаться пѣшимъ сомкнутымъ строемъ, то тѣмъ съ большимъ вниманіемъ слѣдуетъ относиться въ настоящее время къ стрѣльбѣ и къ содержанію оружія въ полномъ порядкѣ: отличное современное оружіе можетъ быть, дѣйствительно, страшно, но только въ умѣлыхъ рукахъ. И потому глазомѣръ, стрѣльба и уходъ за оружіемъ должны стать теперь въ число первостепенныхъ предметовъ образованія въ конницѣ, разумѣется, послѣ ѣзды. Конница должна быть способна дѣйствовать въ спѣшенномъ строѣ; при самостоятельныхъ назначеніяхъ, требующихъ быстроты и отдаленія отъ своихъ войскъ на большія разстоянія, она не можетъ разсчитывать на помощь пѣхоты; слѣдовательно должна умѣть сама обращаться въ пѣхоту.

Въ подтвержденіе этого нельзя не привести въ примѣръ опять тѣ же естественныя конницы: всѣ онѣ безъ исключенія считаютъ бой какъ въ пѣшемъ, такъ и въ конномъ строѣ равно возможнымъ. Казаки ходили у Суворова на штурмъ Измаила и имъ не помѣшало ворваться въ крѣпость то, что они были на своихъ, а не на конскихъ ногахъ.

Наша конница имѣетъ болѣе чѣмъ достаточную подготовку къ тому, чтобы въ пѣшемъ строю произвести единодушный ударъ; при этомъ условіи убѣжденіе, что конница не можетъ опрокинуть пѣшаго непріятеля, будучи не на коняхъ, по меньшей мѣрѣ странно. Война есть сцѣпленіе неожиданностей отъ начала до конца; уничтожать эти неожиданности на пути къ достиженію предположенной цѣли способны только такія войска, въ которыхъ всякій готовъ и способенъ все предпринять. Всадникъ, котораго спеціальность—атака холоднымъ оружіемъ, долженъ быть способенъ ко всѣмъ видамъ этой атаки, если онъ дѣйствительно стоитъ названія всадника. Пика колетъ, а сабля рубитъ не хуже, какъ въ рукахъ пѣшаго, какъ и коннаго человѣка, если только онъ хозяинъ своего оружія.

Пѣшій строй, свободный отъ всѣхъ педантическихъ мелочей, долженъ составлять предметъ обученія конницы, въ смыслѣ распространенія въ ней убѣжденія, что она способна сразить

противника въ какомъ угодно строю. **Само собою разумѣется, что конница должна прибѣгать къ дѣйствію въ пѣшемъ строю тамъ только, гдѣ не можетъ дѣйствовать въ конномъ.**

Обученіе дѣйствію оружіемъ. Ко всѣмъ извѣстнымъ уже изъ пѣхотнаго отдѣла основаніямъ обученія дѣйствію оружіемъ, въ конницѣ должно прибавить еще одно и поставить его на первомъ планѣ, ибо оно забывается болѣе или менѣе почти во всѣхъ регулярныхъ конницахъ, а именно: **всадникъ долженъ въ совершенствѣ умѣть владѣть всѣмъ тѣмъ оружіемъ, которое носитъ.** Въ естественныхъ конницахъ это начало постоянно соблюдается, и потому-то удары нашего казака, черкеса, рѣдко бываютъ не смертельны, чего далеко нельзя сказать объ ударахъ регулярныхъ всадниковъ.

Поэтому, если въ пѣхотѣ важно учить наносить удары въ видимыя цѣли и наносить ихъ отъ сердца, то въ конницѣ это еще важнѣе: и потому, что дѣйствіе холоднымъ оружіемъ составляетъ ея спеціальность, и потому, что всаднику гораздо труднѣе, чѣмъ пѣхотинцу, опредѣлять разстоянія, съ которыхъ слѣдуетъ наносить удары, такъ какъ при этомъ онъ долженъ принимать въ разсчетъ и движенія лошади.

Только при видимой цѣли и при назначенной точкѣ или линіи для удара, возможно для всадника упражненіе въ мѣткости и усвоеніе различныхъ сноровокъ, необходимыхъ при дѣйствіи холоднымъ оружіемъ, какъ: отдергиваніе пики послѣ удара, оттяжка шашки при рубкѣ и т. п.

Изложенная система обученія предполагаетъ, какъ необходимое условіе, чтобы оружіе было всегда отточено.

Когда новобранецъ утвердится въ мѣткости и силѣ удара въ неподвижныя и потомъ въ подвижныя цѣли, можно перейти къ двухстороннему фехтованію; но много давать ему мѣста въ образованіи всадника не слѣдуетъ, ибо, какъ уже извѣстно, оно пріучаетъ не рубить или колоть, а демонстрировать [1]) удары.

[1]) Демонстрировать—значитъ показывать будто дѣлаешь извѣстное дѣло, а въ сущности его не дѣлать. Такъ, напримѣръ, подъ демонстраціею атаки разумѣется показъ ея противъ такого пункта, гдѣ мы въ настоящую атаковать не намѣрены, т. е. не намѣрены наносить главный ударъ.

Двухстороннее фехтованіе выработало, напримѣръ, споровку наносить ударъ саблею плашмя и преимущественно по животу, т. е. по кожанному нагруднику: ударъ выходитъ оглушительный и потому эффектный, а толку въ немъ никакого нѣтъ; и нужно замѣтить, что у мирныхъ фехтовальщиковъ это любимый ударъ. Для дѣйствительности сабельнаго удара необходимо, чтобы плоскость клинка совершенно точно совпадала съ плоскостью удара: необходимо также потянуть къ себѣ шашку въ моментъ прониканія ея въ поражаемый предметъ; и то, и другое весьма трудно, и дается только продолжительною практикою; двухстороннее фехтованіе не даетъ даже намека на эти условія хорошаго боеваго удара, ибо стремится къ звонкости ударовъ, а не къ силѣ и мѣткости ихъ. При этомъ не удивительно будетъ, что въ бою регулярные кавалеристы станутъ угощать своихъ противниковъ чаще фухтелями, чѣмъ рубкою; бывали примѣры, что послѣ 27 сабельныхъ ранъ люди оставались живы. Совсѣмъ не то въ натуральныхъ конницахъ: при стычкѣ съ ними—туловища, раздвоенныя отъ плечъ до пояса, снесенныя головы, отрубленныя руки и ноги.... Въ чемъ же тайна этихъ страшныхъ ударовъ? Въ томъ, что такіе всадники безпрерывной практикой усвоили себѣ два сказанные пріема боеваго удара. До какой степени они внимательны къ этому дѣлу, примѣромъ можетъ служить упражненіе въ рубкѣ по текущей водѣ, вошедшее въ обычай у нѣкоторыхъ кавказскихъ горцевъ; если вода даетъ брызги, въ ударѣ была ошибка, т. е. шашка была опущена не въ направленіи плоскости удара, или же въ моментъ прикосновенія ея съ водою ее не потянули назадъ. Подбросить что нибудь и проколоть, или разрубить на воздухѣ—всѣ подобныя упражненія вошли тамъ всякому въ привычку; при такой подготовкѣ понятно, что удары въ бою будутъ и мѣтки, и дѣйствительны.

Послѣдовательность обученія стрѣльбѣ въ конницѣ должна быть та же, что въ пѣхотѣ, со включеніемъ и ученій съ боевыми патронами. Разница будетъ, хотя и незначительная, въ обученіи стрѣльбѣ изъ револьвера: такъ какъ въ дѣлѣ къ ней придется прибѣгать преимущественно съ коня, когда слишкомъ тщательное и медленное прицѣливаніе невозможно, то и при стрѣльбѣ боевыми патронами пѣшкомъ должно обращать главное вниманіе на развитіе въ людяхъ навыка прицѣливаться по возможности быстро.

Саперная подготовка. Саперная подготовка всадника состоитъ въ ознакомленіи его съ пріемами быстрой порчи желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, мостовъ. Для этого конница снабжается динамитными патронами и потребнымъ инструментомъ. Кромѣ того, конницѣ должно быть показано и возведеніе око-

повъ простѣйшаго начертанія, такъ какъ при самостоятельномъ ея дѣйствіи въ пѣшемъ строѣ онѣ могутъ понадобиться. Весь этотъ отдѣлъ въ конницѣ долженъ быть проходимъ исключительно практически.

На случай захвата непріятельскаго телеграфа, который намъ можетъ быть нуженъ и котораго, поэтому, портить не слѣдуетъ, необходимо имѣть въ каждой кавалерійской части телеграфистовъ, которые могли бы имъ немедленно воспользоваться: какъ для востановленія сообщенія со своими войсками и подачи непріятелю ложныхъ депешъ, такъ и для перехвата депешъ непріятеля. Американская война 1861—65 годовъ представляетъ въ этомъ отношеніи высоко-поучительные примѣры.

ОБУЧЕНІЕ ВЕРХОМЪ.

Ѣзда. Всякая атака, оканчивающаяся дѣйствительно свалкой, приводитъ къ одиночному бою, въ которомъ только тотъ можетъ одолѣть, кто крѣпко сидя въ сѣдлѣ и ловко владѣя своимъ оружіемъ, управляетъ лошадью такъ, что она мгновенно подчиняется требованію отъ нея поворота, остановки, быстраго, медленнаго движенія. Та же гибкость въ управленіи лошадью необходима и для преодолѣнія преградъ, на мѣстности встрѣчаемыхъ. Всадникъ на войнѣ—то же, что охотникъ на охотѣ: онъ долженъ, слѣдовательно, быть способенъ проскакать по такимъ мѣстамъ, по какимъ зачастую приходится скакать охотнику, и которыя не останавливаютъ естественнаго всадника; долженъ быть также способенъ переплывать рѣки, хотя бы и довольно значительныя.

Разница между регулярнымъ и естественнымъ всадникомъ или охотникомъ заключается въ томъ, что послѣдніе упражняются въ ѣздѣ съ малолѣтства, между тѣмъ какъ первый до двадцатилѣтняго возраста зачастую не садился на лошадь, а иногда еще и боится ея.

Систематическое обученіе должно, слѣдовательно, дать всаднику регулярному въ болѣе короткій срокъ то, что въ естественныхъ конницахъ пріобрѣтается десятками лѣтъ.

Достигнуть этого можно, если инструкторъ поставитъ себѣ основною цѣлью развить въ новобранцѣ любовь къ кавалерій-

скому ремеслу. Средства для развитія такой любви—полное терпѣніе со стороны инструктора при обученіи и постоянное стремленіе его къ тому, чтобы его требованія были поняты и исполнялись сознательно, а не изъ страха наказанія.

Верховая ѣзда, какъ и всѣ практическія искусства, усвоивается только продолжительной практикой; слѣдовательно, всякая форспровка въ немъ можетъ не помочь, а повредить. Добиться отъ человѣка красивой посадки можно скоро; но она будетъ хороша для виду только. Добиться крѣпкой посадки можно только постепеннымъ развитіемъ силы и гибкости ногъ и способности сохранять равновѣсіе на лошади. Пока человѣкъ не окрѣпъ въ сѣдлѣ, его приходится учить въ манежѣ, но, какъ только онъ этого достигъ, необходимо переносить обученіе въ открытое и, болѣе или менѣе, пересѣченное поле.

Одновременно съ обученіемъ ѣздѣ, молодой солдатъ долженъ учиться и выѣзжать молодыхъ лошадей, такъ какъ ему иногда придется заняться выѣздкой: не далѣе, какъ черезъ годъ, и особенно въ военное время. Поэтому необходимо объяснить ему причины принятой постепенности обученія; какое дѣйствіе производится на лошадь уздечкою, мундштукомъ, положеніемъ корпуса, шенкелями. Только при условіи подобныхъ объясненій онъ становится сознательнымъ всадникомъ.

Чтобы заохотить новобранца къ ѣздѣ, лучше начать съ ѣзды шагомъ и медленной рысью на уздечкѣ со стременами, на совершенно смирной лошади, не гоняясь при этомъ за посадкой и не дѣлая уроковъ продолжительными: ѣзда такое упражненіе, которое не можетъ не понравиться, если только изъ него не дѣлаютъ муки человѣку. Этотъ первый приступъ къ ѣздѣ, показывая новобранцу, что въ ней хитрости никакой нѣтъ, естественно расположитъ его къ усердію въ исполненіи всего того, чему его будутъ учить съ цѣлью усовершенствовать въ такомъ пріятномъ занятіи.

Для этого, послѣ нѣсколькихъ уроковъ ѣзды, съ нимъ полезно переходить къ движеніямъ, развивающимъ гибкость и силу тѣла, уже безъ стремянъ. Сюда относятся: движенія ногъ къ сѣдлу, назадъ, впередъ; затѣмъ, давая новобранцу тяжесть поперемѣнно то въ одну, то въ другую руку, заставляютъ вертѣть ее около плеча въ одну и въ другую сторону; затѣмъ учатъ, взявшись за гриву, нагибать корпусъ направо и налѣво, постепенно болѣе и болѣе, до того, чтобы доставать рукою до земли. Послѣ каждаго подобнаго

урока слѣдуетъ дать обучаемому немного поѣздить верхомъ, пользуясь этимъ для показанія правильной и вполнѣ непринужденной посадки, отнюдь не раздражаясь отъ ошибокъ и не добиваясь совершенства сразу.

Такимъ образомъ, мало по малу переходятъ отъ ѣзды на медленныхъ аллюрахъ въ прямомъ направленіи къ поворотамъ, къ ѣздѣ на болѣе быстрыхъ аллюрахъ, къ прыганью черезъ барьеръ и, наконецъ, къ ѣздѣ на мундштукѣ. Вся эта работа должна по необходимости идти въ манежѣ, и продолжительная остановка на ней ведетъ ко многимъ требованіямъ, съ боевой точки нерацiональнымъ: слишкомъ строгій сборъ лошади, болѣе или менѣе принужденная посадка и тому подобныя тонкости занимаютъ время, а отдѣлы образованія чисто-боевые упускаются изъ виду. Мало того: извращается даже понятіе о томъ, что можетъ дать конница; является стремленіе къ сокращеннымъ аллюрамъ, какъ манежный галопъ, доведенный до того, что въ 1830 году «добрая пѣхота могла обогнать галопирующую кавалерію[1])». Нужно ли говорить, что подобныя несообразности составляютъ порожденіе манежа; что при обученіи преимущественному въ полѣ никому въ голово не пришло бы воображать, будто совершенство конницы заключается въ томъ, чтобы по медленности сравняться съ пѣхотою, и еще на галопѣ? Только въ манежѣ, по тѣснотѣ пространства, можетъ случиться надобность въ томъ, чтобы, показывая видъ, будто идешь галопомъ, подаваться впередъ медленнѣе, чѣмъ на шагу; только въ манежѣ могъ возникнуть взглядъ, по которому подобное уничтоженіе природныхъ свойствъ лошади считалось за идеалъ подчиненія ея человѣку.

Цѣль обученія верховой ѣздѣ заключается не въ томъ, чтобы всегда держать лошадь въ поводу, а въ томъ, чтобы всадникъ умѣлъ подчинить ее своей волѣ, если она и не совсѣмъ въ поводу. По весьма вѣрному замѣчанію Нолана, разница между настоящимъ всадникомъ и манежнымъ заключается въ томъ, что первый разсчитываетъ на свою крѣпость въ сѣдлѣ, чтобы укротить лошадь и управлять ею, между тѣмъ какъ второй разсчитываетъ на покорность лошади (т. е. на поводъ) чтобы удержаться въ сѣдлѣ. Что это такъ, достаточно припомнить времена процвѣтанія манежа у насъ: ни одно ученіе въ полѣ не проходило безъ того, чтобы на быстрыхъ аллюрахъ не свалилось нѣсколько человѣкъ, а между тѣмъ никогда лошади не были болѣе въ поводу, т. е. изломаны въ манежѣ, никогда онѣ не были такъ разслаблены раскармливаніемъ и бездѣйствіемъ. Теперь же,—когда думаютъ больше о томъ, чтобы укрѣпить всадника въ сѣдлѣ,—и одинъ упавшій на цѣлую дивизію, даже при самыхъ быстрыхъ движеніяхъ, составляетъ рѣдкость, не смотря на короткій срокъ службы и на то, что лошади теперь сильнѣе, ибо ихъ кормятъ лучше и заставляютъ работать больше; не смотря на то, что между ними теперь мо-

[1]) Замѣчаніе Императора Николая I на смотру въ Козельцѣ въ 1830 году. Вслѣдствіе этого и приказано было уничтожить короткіе аллюры.

жетъ быть и болѣе такъ-называемыхъ звѣздочетовъ[1]), нежели бывало въ прежнее время. До какой степени мало можно надѣяться въ дѣлѣ на поводъ, котораго добиваются въ манежѣ, свидѣтельствуютъ кавалеристы, бывшіе въ бою и согласные въ томъ, что лошади, наилучше выѣзженныя и кроткія нравомъ, ошалѣваютъ подъ выстрѣлами иногда до того, что совершенно забываютъ свою науку и становятся для всадника опаснѣе самаго непріятеля. Итакъ, слѣдовательно, манежный поводъ не такая еще въ бою полезная вещь.

Манежная ѣзда, въ основаніи, существуетъ только для неумѣющихъ ѣздить верхомъ, а потому, кто предпочитаетъ манежъ полю, тотъ никогда ей не выучится, ибо совершенно къ другому притягивается его вниманіе: въ манежѣ нѣтъ надобности ни въ крѣпкой посадкѣ, ни въ томъ, чтобы лошадь была сильна, и потому главное вниманіе обращается на красоту посадки всадника и постановку лошади. Въ настоящее время взглядъ на ѣзду въ нашей конницѣ совершенно измѣнился, чему доказательствомъ служитъ введеніе вольтижированія въ занятія всадника; но въ манежѣ, по рутинѣ, нѣкоторые все-еще придерживаются требованій, которыя безполезны, если всадникъ крѣпко сидитъ въ сѣдлѣ.

Ѣзда въ полѣ. Ступень, необходимую въ обученіи ѣздѣ, составляетъ ѣзда въ полѣ: она есть единственное средство воздержаться отъ манежныхъ увлеченій и дать всаднику въ этомъ отдѣлѣ образованія боевую подготовку. Точно такъ, какъ въ пѣхотѣ обученіе, напр., стрѣльбѣ или глазомѣрному опредѣленію разстояній въ закрытомъ со всѣхъ сторонъ пространствѣ можетъ составлять только подготовку къ тѣмъ же дѣйствіямъ въ полѣ, но далеко не пріучаетъ къ нимъ[2]), точно въ томъ же отношеніи находится въ конницѣ манежная ѣзда къ полевой.

Поэтому ѣзда на мѣстности, непремѣнно болѣе или менѣе пересѣченной, и быстрыми аллюрами должна составлять послѣднюю ступень въ этомъ отдѣлѣ образованія, дойдя до которой, по настоящему, не слѣдовало бы уже и возвращаться къ манежной работѣ.

Въ открытомъ и болѣе или менѣе пересѣченномъ полѣ упражненія въ ѣздѣ должны быть производимы для того, чтобы сдѣлать и человѣка, и лошадь ловкими въ преодолѣніи препятствій. Манежъ не только не можетъ пріучить къ этому, но извращаетъ привычки и глазъ, и ногъ. Движенія лошади, при-

---

[1]) Подъ звѣздочетами въ конницѣ извѣстны лошади, которыя дерутъ головы.

[2]) Открыто даже, что стрѣльба въ тирахъ (которые по отношенію къ стрѣльбѣ тѣ же манежи) болѣе вредна, нежели полезна, ибо портитъ зрѣніе.

выкшей къ ровному полотну манежа, будутъ не увѣренны въ полѣ, при малѣйшихъ неровностяхъ[1]). Въ полѣ человѣкъ постоянно долженъ смотрѣть впередъ по крайней мѣрѣ шаговъ на 50, чтобы заранѣе приготовиться къ преодолѣнію какого-либо препятствія; въ манежѣ это ему и на умъ не приходитъ. Зрѣніе въ спертомъ воздухѣ, въ полусумрачномъ свѣтѣ манежа должно портиться; а между тѣмъ зоркость составляетъ одно изъ необходимѣйшихъ качествъ всадника въ полѣ. Въ полѣ онъ долженъ, чтобы скакать прямо къ извѣстной цѣли, самъ опредѣлить это направленіе и держать его; въ манежѣ это направленіе указываетъ ему барьеръ. При полевыхъ упражненіяхъ шагъ можетъ быть употребляемъ только для отдыха, ибо на этомъ аллюрѣ не вырабатывается ни смѣтливость человѣка, ни гибкость лошади.

За примѣромъ того, какимъ образомъ дѣлать подобныя упражненія приходится обращаться опять къ первобытнымъ, или естественнымъ конницамъ.

Упражненія конницы грековъ въ полѣ состояли или въ охотѣ, или въ гоньбѣ другъ за другомъ. Передній сказалъ по мѣстности, изрѣзанной канавами, рытвинами, изгородями и проч., перескакивая препятствія, или дѣлая крутые повороты и обскакивая ихъ; отъ времени до времени онъ поворачивалъ назадъ и направлялъ пику въ своего противника. Этотъ послѣдній, нагоняя, дѣйствовалъ тоже или пикою, или бросалъ дротиками въ передняго. Подобныя упражненія въ большомъ употребленіи и въ естественныхъ конницахъ: это джигитовка подъ разными названіями у различныхъ народовъ.

Вольтижированіе. Вольтижированіе безъ оружія составляетъ естественное и лучшее подспорье полевой ѣздѣ и потому находится въ такомъ почетѣ во всѣхъ естественныхъ конницахъ. Ничто лучше не можетъ укрѣпить человѣка въ сѣдлѣ, какъ вольтижированіе; ничто не дѣлаетъ его болѣе ловкимъ въ преодолѣніи тѣхъ случайностей, которыя при ѣздѣ въ полѣ состовляютъ непзбѣжное условіе. Всѣ опытные полевые кавалеристы говорятъ, что не бѣда упасть съ лошади; нужно только упасть ловко и очутиться тотчасъ же въ сѣдлѣ послѣ паденія. Случается иногда, что лошадь опрокидывается: для всадника, ловкаго въ вольтижированіи, это ничего не значитъ,—онъ изъ подъ нея почти всегда ускользнетъ; для того, кто не вольтижируетъ, подобная случайность почти всегда неразлучна съ переломомъ руки или ноги, а иногда и со смертью. Всѣ наши кавалеристы согласны въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ у насъ вольтижированіе введено, несчастные случаи отъ паденія сдѣлались несрав-

[1]) Злоупотребленіемъ манежа объясняется также мнѣніе нѣкоторыхъ регулярныхъ кавалеристовъ, будто конница можетъ дѣйствовать только на совершенно ровныхъ мѣстахъ.

ненно рѣже. Вмѣстѣ съ тѣмъ вольтижированіе притупляетъ инстинктъ самосохраненія.

Вольтижированіе, какъ и ѣзду, регулярному всаднику, волею-неволею, приходится начинать въ манежѣ; весьма хорошей подготовкой къ нему служатъ упражненія на деревянной лошади, указанныя въ отдѣлѣ обученія ѣздѣ. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить только повороты корпуса на-право и на-лѣво назадъ. Упражненіе собственно въ вольтижированіи должно заключаться во вспрыгиваніи на лошадь и соскакиваніи съ нея, въ нагибаніи корпуса къ землѣ на всѣхъ аллюрахъ. Постепенность упражненій будетъ заключаться въ томъ, что вольтижированіе на шагу, какъ самое трудное, относится въ концу манежнаго образованія. Сколько можно судить, то по этому самому можно бы было обойтись и совсѣмъ безъ вольтижированія на шагу. Нагибаніе къ землѣ составляетъ въ высшей степени полезное упражненіе и для развитія гибкости, и какъ подготовка къ ударамъ внизъ, къ чему случается прибѣгать противъ пѣхоты, которая въ разсыпномъ строю при конной атакѣ иногда бросается на землю. Это упражненіе въ большомъ ходу у нашихъ казаковъ.

Вольтижированіе въ полѣ должно заключаться въ исполненіи уже указанныхъ упражненій, съ прибавкою подъема съ земли какихъ либо предметовъ на всѣхъ аллюрахъ, перепрыгиваніи черезъ высокія и широкія преграды и т. п. Однимъ словомъ, на этой степени вольтижированіе сливается уже съ ѣздою на пересѣченныхъ мѣстахъ.

Вообще кавалерійское вольтижированіе должно ограничиваться упражненіями, развивающими боевую ловкость и молодечество, не унижаясь ни въ какомъ случаѣ до штукъ, которыя умѣстны въ циркѣ на старой клячѣ, но не въ полѣ, на боевомъ конѣ. Чѣмъ эти упражненія будутъ рискованнѣе и отчаяннѣе, тѣмъ лучше. Мы имѣемъ превосходный разсадникъ учителей военнаго вольтижированія—это кавказскіе казаки и горцы.

Вольтижированіе и быстрая ѣзда на мѣстности пересѣченной составляютъ лучшее средство для притупленія инстинкта самосохраненія, для развитія ловкости и находчивости во всадникѣ. Всѣ естественныя конницы упражняются въ этомъ дѣлѣ именно подобнымъ образомъ. Всѣ геніальные кавалеристы въ регулярныхъ конницахъ вели свои части точно такъ-же [1]).

[1]) Извѣстенъ отвѣтъ Зейдлица Фридриху II, который на одномъ смотру замѣтилъ ему, что у него много больныхъ переломами, ушибами и т. п. «Если изъ за нѣсколькихъ свернутыхъ шей дѣлать столько шуму, то у насъ никогда не будетъ хорошей конницы». Всякій истинный кавалеристъ долженъ помнить этотъ отвѣтъ, какъ заповѣдь. Нужно вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтить, что у Зейдлица не допускались тѣлесныя наказанія, и это въ періодъ самаго сильнаго господства ихъ въ прусской арміи. Само собою разумѣется, что такъ легко говорить «о нѣсколькихъ свернутыхъ шеяхъ» можетъ только тотъ, кто показываетъ на каждомъ шагу своимъ подчиненнымъ, что не боится свернуть и собственную. Одно изъ любимыхъ упражненій Зейдлица было проскакивать въ карьеръ между крыльевъ вѣтряной мельницы, когда она въ работѣ.

Обученіе плаванію. Необходимое дополненіе къ полевой ѣздѣ составляетъ практика въ переплываніи рѣкъ; конница, привыкшая переправляться черезъ рѣки не иначе, какъ по мостамъ, не только будетъ затруднена при исполненіи прямыхъ своихъ назначеній, но иногда можетъ очутиться даже въ безвыходномъ положеніи. Нужно поэтому, чтобы лошади были пріучены смѣло идти въ воду, а люди знали сноровки за что схватиться, переплывая рѣку, какъ не допустить лошадь повернуть назадъ и т. п.

Для предотвращенія несчастныхъ случаевъ, разомъ не пускаютъ вплавь много; каждую переплывающую партію, съ низовой стороны, сопровождаетъ лодка съ хорошими пловцами, на случай нужды въ помощи; въ каждой партіи должно быть нѣсколько лошадей, охотно идущихъ въ воду. Учителей и этому дѣлу нужно искать между казаками же.

Дѣйствіе оружіемъ съ лошади. Дѣйствіе оружіемъ съ лошади составитъ уже соединеніе трехъ отдѣловъ образованія: ѣзды, вольтижировки и собственно дѣйствія оружіемъ, какъ холоднымъ, такъ и огнестрѣльнымъ. Удары холоднымъ оружіемъ должно наносить не иначе, какъ въ видимыя цѣли, при чемъ слѣдуетъ опять-таки обращать вниманіе не на одну мѣткость, но и на силу удара. Дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ съ лошади слѣдуетъ ограничить холостою стрѣльбой въ бумагу на всѣхъ аллюрахъ.

Манежемъ и въ этомъ случаѣ ограничиваться не должно, такъ какъ онъ весьма облегчаетъ держать направленіе прямо къ цѣли и не даетъ возможности устремляться на нее издалека. Слѣдовательно дѣйствіе оружіемъ по видимымъ цѣлямъ въ полѣ составляетъ необходимый вѣнецъ и этого отдѣла образованія. Постепенность въ занятіяхъ должна быть соблюдаема естественная, т. е., начиная со всевозможныхъ ударовъ впередъ, назадъ, внизъ, въ стороны на шагу, слѣдуетъ переходить къ нимъ на рыси, галопѣ и, наконецъ, на карьерѣ. Въ полѣ же должно также упражнять людей въ мѣткомъ дѣйствіи оружіемъ по видимымъ подвижнымъ цѣлямъ. Какъ это должно дѣлать, слѣдуетъ учиться у казаковъ. Поймать подброшенную шашку на пику, попасть на скаку пикою или шашкой въ привѣшенный къ чему нибудь и приведенный въ качаніе мячъ—вотъ образчики тѣхъ упражненій, которыя дѣйствительно могутъ развить глазомѣръ всадника до того, что въ ударѣ онъ не будетъ ошибаться и на одинъ дюймъ.

Той же послѣдовательности слѣдуетъ держаться и въ дѣйствіи холостыми патронами изъ оружія огнестрѣльнаго въ бумагу. Какъ это дѣлать,

слѣдуетъ учиться въ тѣхъ же естественно возникшихъ конницахъ Конечно, это упражненіе лучше бы дѣлать съ боевыми патронами, но къ этому перейти можно только съ весьма навыкшими къ дѣлу всадниками: иначе, при неповоротливости и неловкости несчастные случаи были бы слишкомъ часты.

Въ упражненіяхъ подобнаго рода необходима любовь, даже болѣе, страсть къ своему дѣлу во всякомъ всадникѣ; чтобы ихъ возбудить, кромѣ поощреній, вродѣ призовъ, необходимо было бы сообразить занятія такъ, чтобы въ нихъ было предоставлено по возможности болѣе простора доброй волѣ каждаго; бояться равнодушія къ дѣлу, до такой степени цѣлесообразному, и вслѣдствіе этого подчинять людей мелочному контролю странно, потому что человѣкъ не можетъ быть равнодушенъ къ дѣлу, цѣль котораго видитъ и которое выказываетъ его молодечество, удаль, ловкость. Что это такъ, доказательствомъ можетъ служить та охота, съ которою люди во всѣхъ частяхъ занимаются вольтижированіемъ; а вѣдь это только половина дѣла. Что же будетъ, если дать имъ заниматься всѣмъ дѣломъ, т. е. если соединить вольтижированіе съ дѣйствіемъ оружіемъ?

Всадникъ, который все сказанное исполнитъ, готовъ для одиночнаго боя, какъ въ конномъ, такъ и пѣшемъ строю; не удивитъ онъ красотою посадки, но неминуемо уничтожитъ всякаго манежнаго кавалериста, изучившаго таковую ѣзду въ совершенствѣ; не будетъ его лошадь собрана до удушья, но за то ей ничего не будетъ стоить сдѣлать 50—60 верстъ въ день или проскакать, чтобы настигнуть бѣгущаго противника, тысячу или двѣ шаговъ. И въ этомъ еще разъ открывается коренное и непримиримое противорѣчіе существующее между цѣлями, къ которымъ тянутъ мирно-манежные взгляды, и тѣми, которыя ставитъ всаднику поле.

Подготовка къ сомкнутому строю. Значеніе конницы въ сомкнутомъ строѣ вполнѣ зависитъ отъ одиночной подготовки каждаго всадника: сидѣть крѣпко, управлять лошадью и дѣйствовать своимъ оружіемъ всадникъ долженъ умѣть въ совершенствѣ; при этихъ условіяхъ, ему ничего не будетъ стоить пріобрѣсть навыкъ согласовать свои движенія съ массою, въ составъ которой онъ входитъ. Все въ сомкнутомъ строю держится на офицерахъ; поэтому, если они будутъ командовать вовремя и первые будутъ быстро принимать собственную команду для начала движенія, перехода въ другой аллюръ, поворота и т. д., то людямъ, находящимся подъ ихъ командой, останется только слѣдовать ихъ примѣру тотчасъ по произнесеніи исполнительной команды, самое-же исполненіе будетъ обезпечено одиночной подготовкой людей.

Обученіе сомкнутому строю лучше начинать небольшими шеренгами, не болѣе взвода разомкнутыми на лошадь интервала.

Въ этомъ порядкѣ пріучаютъ: къ равненію впередъ по флангoвымъ рядамъ на всѣхъ аллюрахъ, къ прохожденію насквозь одной половины шеренги (изъ нечетныхъ нумеровъ) другою (изъ четныхъ) на шагу, на рыси, на галопѣ; къ движенію фронтомъ, къ поворотамъ, заѣздамъ; къ движенію по три, по шести и къ перестроенію въ одну шеренгу, къ смыканію и размыканію ея, къ принимaнію, движенію въ полъ-оборота и осаживанію, къ движенію по одному, справа, слѣва, или изъ середины, шагомъ, рысью, галопомъ и въ карьеръ, сопровождая это движеніе дѣйствіемъ оружіемъ. Наконецъ, сюда же должно отнести принятую во французской кавалеріи «одиночную работу» (travail en particulier).

Разберемъ важнѣйшія изъ перечисленныхъ упражненій. Выравниваніе должно быть производимо всегда впередъ, никогда назадъ. Ухо всадника, менѣе нежели чье-нибудь, можетъ быть пріучаемо къ этому послѣднему слову, которое столь ненавистно было для Суворова; да притомъ равняться впередъ и удобнѣе. Прохожденіе одной половины шеренги другою, особенно на быстрыхъ аллюрахъ, составляетъ въ высшей степени полезное упражненіе, развивая въ людяхъ споровистое управленіе лошадьми и подготовляя ихъ къ сквознымъ атакамъ. Для этого упражненія четные нумера подаются впередъ и останавливаются. Нечетные проходятъ насквозь шеренгу четныхъ нумеровъ и тоже останавливаются; тогда начинаютъ то-же четные нумера и т. д. Затѣмъ обѣ шеренги, сдѣлавъ поворотъ другъ къ другу лицомъ, единовременнымъ движеніемъ проходятъ одна другую насквозь, дабы пріучить людей и лошадей къ виду непріятельскаго фронта. При этомъ весьма хорошо начать и обстрѣлку лошадей, дабы пріучить ихъ видѣть огонь и слышать звукъ выстрѣла. Само собою разумѣется, что это упражненіе слѣдуетъ производить со строгой постепенностью, переходя къ исполненію его на живыхъ аллюрахъ не прежде, какъ когда люди и лошади совершенно привыкнутъ къ нему на медленныхъ аллюрахъ.

Занимаясь прохожденіемъ насквозь разомкнутыхъ шеренгъ, полезно принять за правило, чтобы шеренги смыкались къ серединѣ на ходу немедленно по прохожденіи, дабы исподволь привить людямъ привычку быстро возстановлять порядокъ послѣ атаки.

Движеніе по одному на всѣхъ аллюрахъ представляетъ одно изъ лучшихъ упражненій для всадника: оно возбуждаетъ соревнованіе между людьми въ лихости, такъ какъ каждый изъ нихъ здѣсь на виду; даетъ возможность начальникамъ видѣть всякаго всадника вполнѣ, какъ относительно ловкости въ управленіи конемъ и дѣйствія оружіемъ, такъ относительно исправности сбруи и содержанія лошади.

Но для того, чтобы это упражненіе приносило всю ту пользу, которую можетъ и должно приносить, необходимо, чтобы оно производилось не постоянно справа, а также слѣва и изъ середины, и чтобы позволено было заднимъ обгонять переднихъ; лошади, какъ и люди, чрезвычайно привыкаютъ къ однообразному исполненію извѣстнаго упражненія и теряются, если ихъ вывести изъ привычной рутины; понятно, до какой степени вредны подобныя привычки въ людяхъ и животныхъ, назначенныхъ для боя, гдѣ ничто и никогда не повторяется.

Одиночная работа (travail en particulier) заключается въ томъ, что всадникамъ, приведеннымъ въ манежъ, предоставляется ѣздить въ какомъ угодно направленіи и какимъ угодно аллюромъ: безъ объясненій понятна польза этого упражненія въ смыслѣ развитія гибкости лошадей и способности въ людяхъ къ ловкому ими управленію.

Послѣ этого переходятъ къ движенію сомкнутою шеренгою, къ поворотамъ въ ней и къ ломкѣ фронта; наконецъ, къ соотвѣтствующимъ упражненіямъ въ двухшереножномъ строѣ.

Когда строй съѣзженъ, въ лошадяхъ беретъ сильный перевѣсъ табунное начало: онѣ такъ привыкаютъ держаться вмѣстѣ, что многія совсѣмъ не отходятъ отъ строя. Недостатокъ этотъ составляетъ большое неудобство; побороть его можно при дальнѣйшемъ обученіи (если обучающій не упуститъ его изъ виду и понимаетъ, что это громадный недостатокъ) тѣмъ, чтобы при движеніяхъ сомкнутаго эскадрона останавливать нѣкоторыхъ всадниковъ, называя ихъ по нумерамъ, или же приказывать имъ выѣзжать впередъ усиленнымъ аллюромъ. Этотъ пріемъ и тѣмъ хорошъ, что не позволяетъ людямъ зѣвать въ строю, слѣдовательно способствуетъ развитію ихъ вниманія.

Въ число упражненій небольшихъ частей весьма полезно ввести перепрыгиваніе черезъ препятствія сомкнутымъ строемъ. Варнери, одинъ изъ лучшихъ кавалеристовъ эпохи Фридриха, считаетъ это упражненіе однимъ изъ важнѣйшихъ въ сомкнутомъ строю.

Пріученіе къ выносливости людей и лошадей. Этотъ отдѣлъ образованія, составляющій дополненіе кавалерійской гимнастики, имѣетъ цѣлью: 1) развитіе силы всадниковъ до того, чтобы, пробывъ въ сѣдлѣ нѣсколько часовъ, они не чувствовали утомленія; 2) выработку спины лошади для носки большой тяжести, которая въ военное время остается на ней при всѣхъ передвиженіяхъ и 3) выработку ея ногъ и легкихъ для продолжительныхъ и быстрыхъ движеній.

Цѣли эти достигаются строевыми проѣздками и походными движеніями, раздѣленными на конные, а не на пѣхотные, переходы. Всѣ эти упражненія слѣдуетъ производить въ эскадронахъ съ полнымъ походнымъ вьюкомъ.

Строевыя проѣздки должно дѣлать не менѣе 20 верстъ, переходы [1])—отъ 40 до 60. Само собою разумѣется, что дать возможность конницѣ втянуться въ подобную работу съ пользою, а не во вредъ людямъ и лошадямъ, можно только при условіи соблюденія самой строгой постепенности въ увеличеніи, какъ тяжести вьюка, такъ и продолжительности движенія, а равно и при условіи, чтобы требовать въ мирное время отъ лошади не болѣе того, что нужно, дабы ее укрѣпить, а не надорвать или обезножить.

Къ кавалерійской гимнастикѣ должно отнести также наскакиваніе лошадей для атаки. Въ этомъ отношеніи конница должна быть доведена до того, чтобы могла проскакать около двухъ тысячъ шаговъ.

Боевые люди считаютъ такой предѣлъ не только возможнымъ, но необходимымъ. Маршалъ Саксонскій положительно говоритъ: «Эскадронъ, который не въ состояніи пронестись въ карьеръ двѣ тысячи шаговъ, не разрываясь, для войны не годится. Это главное условіе: если ваша конница въ состояніи ему удовлетворить, она хороша, и все прочее покажется ей легкимъ». Прусская конница Циттена и Зейдлица, по свидѣтельству современниковъ, была доведена до этого состоянія, и при немъ понятны тѣ невѣроятные удары, которые наносила она на полѣ сраженія. Такъ, въ сраженіи при Гогенъ-Фридбергѣ (1745 г.) полкъ драгунъ 10-ти эскадроннаго состава разбилъ 31 батальонъ, взялъ 2.000 плѣнныхъ, 66 знаменъ и 5 орудій, потерявъ самъ 28 человѣкъ убитыми и 66 ранеными.

При нынѣшней дѣйствительности пѣхотнаго огня наскакиваніе лошадей до показаннаго предѣла является условіемъ еще болѣе необходимымъ, нежели во времена Фридриха.

Подготовка къ сторожевой службѣ на мѣстѣ. Главнѣйшая обязанность часового въ сторожевой цѣпи (пѣшаго или коннаго, все равно) состоитъ въ томъ, чтобы сквозь цѣпь никого не пропускать. Объ этомъ мало знать говорить; нужно умѣть дѣлать. Единственное средство подготовить къ послѣднему въ мирное время заключается въ томъ, чтобы кто-нибудь дѣйствительно пытался прокрадываться сквозь цѣпь, а обучаемые сторо-

[1]) При походныхъ движеніяхъ.

Биб. Мор. Ак. Р. К. и Ф.

жевой службѣ слѣдили, чтобы этого не позволить. Только такимъ путемъ можно вызвать у людей ту степень вниманія, которая требуется въ сторожевой цѣпи.

Безъ этого разстановка сторожевой цѣпи въ мирное время обращается въ отбываніе скучной и совершенно непоучительной формальности. Для практики въ непропусканіи можно употребить слѣдующій пріемъ въ эскадронѣ: каждый полуэскадронъ образуетъ кругъ изъ постовъ въ три—четыре человѣка; постъ отъ поста на первыхъ упражненіяхъ на 100—150 шаговъ. Разстояніе между кругами полуэскадроновъ не болѣе 200 шаговъ. Въ каждомъ полуэскадронѣ отдѣляется по 4 или 5 человѣкъ изъ самыхъ ловкихъ и хитрыхъ людей, пѣшкомъ, а внутри круга кладутся какія нибудь легкія военныя вещи (лядунки, шапки и т. п.). Съ наступленіемъ темноты, пѣшіе люди каждаго полуэскадрона стараются пробраться въ чужой кругъ, къ складу вещей, берутъ изъ него какую нибудь вещь, какъ доказательство, что дѣйствительно были въ кругѣ, и пробираются назадъ въ свой полуэскадронъ. Если кто нибудь изъ прокрадывающихся замѣченъ часовыми, то они его поворачиваютъ назадъ; если замѣченъ уже бывшій въ кругѣ, то онъ отдаетъ взятую вещь тому, кто его замѣтилъ, и отпускается въ свой полуэскадронъ. Когда вниманіе людей окрѣпнетъ, разстояніе между постами слѣдуетъ доводить до 400—500 шаговъ. Складъ вещей внутри круга нужно дѣлать у какого нибудь примѣтнаго мѣста, чтобы его въ темнотѣ можно было отыскать.

Подготовка къ сторожевой и развѣдывательной службѣ на ходу. Въ подготовкѣ къ сторожевой и развѣдывательной службѣ на ходу должно осуществить обученіемъ ту же самую мысль т. е., **желая научить человѣка разыскивать непріятеля, изслѣдовать мѣстность, должно и мирныя занятія по этому предмету вести такъ, чтобы ему приходилось что-нибудь разыскивать или замѣчать.**

Для этого, первый пріемъ: эскадронный командиръ выѣзжаетъ въ поле съ офицерами и унтеръ-офицерами и предваряетъ, чтобы они замѣчали по дорогѣ и въ стороны, насколько глазъ хватитъ, все то, что обращаетъ на себя вниманіе, до послѣднихъ мелочей [1]) и самъ дѣлаетъ то же самое. Проѣхавъ съ версту или полторы, останавливается и переспрашиваетъ нѣсколькихъ, кто что замѣтилъ; при этомъ поправляетъ пропуски и самъ признается, если что пропустилъ. Сдѣлавъ такимъ образомъ въ кругъ верстъ пять—шесть [2]),

---

[1]) Характеръ мѣстности, отдѣляющаяся дорога, мосты, грунтъ, пасущаяся скотина или птица, работающій или проѣзжающій человѣкъ, на чемъ работаетъ или проѣхалъ, что на возу лежало; крашеный возъ или нѣтъ, колеса кованыя или нѣтъ; въ чемъ проѣзжій былъ одѣтъ; какая сбруя, какая лошадь; отдѣльный камень или дерево; болотовина; гора: однимъ словомъ все, что только можетъ обратить вниманіе.

[2]) Больше дѣлать нельзя на первыхъ порахъ, ибо съ непривычки вниманіе при этомъ упражненіи утомляется весьма сильно.

эскадронный командиръ даетъ своимъ помощникамъ по обученію эскадрона полное понятіе о степени и характерѣ вниманія, требуемаго въ разъѣздной службѣ. Вторая такая же поѣздка дѣлается съ людьми эскадрона, разбитыми на группы, по числу офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, участвовавшихъ въ первой поѣздкѣ. Возобновляя это упражненіе каждый разъ, какъ другія занятія позволятъ, можно дѣйствительно достигнуть того, что запоминаніе всего, отражающагося въ глазѣ обратится у каждаго въ привычку.

Второй пріемъ. Людей, подготовленныхъ такимъ образомъ, посылать въ разъѣздъ, но опять давая имъ видимую цѣль для розыска. Для этого, за полчаса или за часъ до выступленія разъѣзда, высылаются по направленію его движенія пѣшіе и конные, и прячутся по сторонамъ дороги приблизительно въ полуверстной полосѣ вправо и влѣво отъ нея. Пѣшимъ, кромѣ того, можно давать какія нибудь старыя военныя вещи, для оставленія въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно ихъ отыскать только при тщательномъ осмотрѣ [1]). Разъѣзду дается задача осмотрѣть извѣстный кругъ и разыскать спрятанныхъ въ немъ людей и вещи. Открытые люди присоединяются къ тѣмъ, кто ихъ открылъ, а пропущенные выходятъ сами послѣ того, какъ цѣпь мимо нихъ проѣдетъ, замѣчаютъ, кто ихъ пропустилъ, и слѣдуютъ за цѣпью. Затѣмъ остановка и разборъ исполненія задачи; похвалить, кто былъ внимателенъ, пристыдить зѣвакъ. Въ числѣ спрятавшихся хорошо быть самому эскадронному командиру: выбравъ удобное мѣсто и зная приблизительно, гдѣ кто спрятанъ, онъ можетъ судить и о томъ, толково ли разъѣздъ былъ веденъ, и получить случай поощрить того, кто его найдетъ.

Третій пріемъ. Согласованіе движенія нѣсколькихъ разъѣздовъ дѣлается по предъидущему. Только должно обращать особенное вниманіе на то, чтобы между цѣпями сосѣднихъ разъѣздовъ не было прорывовъ, почему и прятать людей слѣдуетъ преимущественно въ мѣстахъ, гдѣ кончается полоса, осматриваемая однимъ разъѣздомъ, и начинается полоса, осматриваемая другимъ. Эскадронъ долженъ быть доведенъ до того, чтобы свободно изслѣдовалъ полосу въ пять—шесть верстъ шириною, на самой закрытой мѣстности. Полкъ—полосу верстъ въ 25—30.

Благодаря силѣ современнаго скорострѣльнаго оружія, поля сраженій теперь опустѣли: все укрыто въ складкахъ мѣстности и за мѣстными предметами; поэтому значеніе развѣдывательной службы теперь особенно возросло и уже нельзя ограничиться въ конницѣ обученіемъ только нѣкоторыхъ людей этой службѣ. **Занятія развѣдывательной и сторожевой службой должно вести со всѣми людьми**, потому-что развѣдки придется вести обширныя и

[1]) Подъ мостомъ, на деревѣ, въ канавѣ, въ кустахъ и т. п.

заранѣе не можетъ быть извѣстно—на чью именно долю выпадетъ возможность добыть важныя свѣдѣнія о противникѣ и мѣстности.

Въ виду того, что успѣхъ развѣдки во многомъ зависитъ отъ умѣнія осматривать быстро разные мѣстные предметы, встрѣчающіеся на пути, необходимо показать на мѣстности, какъ осматривать: рощи, лѣса, болота, овраги, селенія и проч. Эти занятія должно производить до вышеуказанныхъ занятій собственно развѣдкой.

Примѣчаніе о занятіяхъ сторожевой и развѣдывательной службой въ пѣхотѣ.

Въ пѣхотѣ развѣдку ведутъ **охотничьи команды**; эта развѣдка является обязательнымъ дополненіемъ конной развѣдки. Пріемы обученія охотниковъ развѣдкѣ вполнѣ тождественны съ пріемами обученія этой службѣ въ конницѣ.

Сторожевой службѣ и въ пѣхотѣ должны быть обучены всѣ, т. к. охраняться придется каждой части, сколь мала она-бы ни была. Пріемы обученія этой службы такіе-же, какъ въ конницѣ.

Желательно, чтобы во время занятій развѣдывательной службой, всѣ обучаемые пріучались составлять донесенія на бланкахъ полевой книжки, въ дѣйствительности отправляя ихъ въ указанный заранѣе пунктъ, во время самыхъ занятій (практика доставки донесеній). Донесенія не изобрѣтать, а доносить о томъ, что на самомъ дѣлѣ происходитъ. Въ проѣздку необходимо брать съ собою карту и практиковать въ ея чтеніи всѣхъ обучаемыхъ, обращая главное вниманіе на распознаваніе по картѣ того мѣста, на которомъ находятся въ дѣйствительности, и обратно, на отысканіе на мѣстности пункта, взятаго на картѣ [1]).

Выѣздка лошади.

Выѣздка имѣетъ цѣлью: 1) подчинить лошадь волѣ всадника не только безъ истощенія силъ и безъ уничтоженія хорошихъ природныхъ свойствъ лошади, но, напротивъ, съ развитіемъ того и другаго; 2) пріучить ее понимать, по извѣстнымъ движеніямъ ногъ, корпуса и поводьевъ, волю всадника.

[1]) Въ пѣхотѣ необходимо, чтобы отдѣленные и взводные командиры умѣли составлять донесенія и разбирать карту.

То и другое, насколько нужно для полевой ѣзды, усвоивается большинствомъ лошадей весьма легко, при строгой постепенности выѣздки и при кротости обращенія: къ сожалѣнію, это еще не всѣми понятно въ регулярной конницѣ; требованіе отъ лошади манежнаго совершенства, въ полѣ безполезнаго, становится тамъ иногда на первомъ планѣ и достигается въ ущербъ развитію лошади, а иногда и съ явною ея порчею.

Отъ лошадей регулярной конницы требуютъ, чтобы онѣ имѣли красивый ходъ на всѣхъ аллюрахъ, съ поднятымъ передомъ, собраною шеею, отвѣсно постановленною головою; чтобы, при легкой опорѣ на мундштукъ, онѣ хорошо чувствовали шенкеля; чтобы, по волѣ всадника, свободно исполняли всевозможные повороты, заѣзды, боковыя движенія и пр. Многое изъ этого необходимо; часть положительно въ полѣ безполезна [1]); а между тѣмъ именно это-то безполезное отнимаетъ много времени и труда, да притомъ предполагаетъ въ лошади такія силы и способности, которыя встрѣчаются рѣдко.

Припомнивъ, что въ конницѣ все основано на быстротѣ движенія; что на томъ же основанъ въ наше время и весь образъ веденія войны,—безъ затрудненія поймутъ, до какой степени манежныя требованія и въ этомъ дѣлѣ противорѣчатъ военнымъ.

Признавая вредъ утонченныхъ требованій манежной ѣзды, должно однако же, въ видахъ постепенности обученія, начинать съ манежной работы; но при этомъ слѣдуетъ оставить въ сторонѣ доведеніе до совершенства боковыхъ движеній, красоту хода и, вообще, всѣ неестественныя требованія, а обратить вниманіе на развитіе быстроты движенія, гибкости и неутомимости. Не ѣздою въ манежѣ можно достигнуть этихъ качествъ, безъ которыхъ конница не много въ бою сдѣлаетъ, но надлежащими упражненіями въ полѣ, непремѣнно пересѣченномъ, и строевыми проѣздками. Продолжительная остановка на манежной работѣ тѣмъ вредна, что, какъ уже сказано, извращаетъ въ лошади привычки и глазъ, и ногъ: привыкая ходить по ровному полотну манежа, лошадь теряетъ увѣренность въ движеніяхъ,

---

[1]) Какъ, напр., тотъ поводъ, котораго добиваются въ манежѣ и о потерѣ котораго приходится соболѣзновать послѣ первыхъ двухъ—трехъ ученій въ полѣ.

встрѣчая въ полѣ самыя ничтожныя препятствія; доходитъ иногда до того, что ничтожные скаты становятся для нея почти неодолимыми, между тѣмъ какъ лошадь казака, кавказскаго горца, араба взбирается на такія скалы, которыя по градусамъ не всегда считаются доступными и для пѣхоты (съ мирно-военной точки). Малѣйшій кустъ, камень или кочка пугаютъ лошадь и заставляютъ бросаться въ сторону; впрочемъ послѣднее происходитъ не отъ одного манежа, а и отъ темныхъ конюшень [1]). Слишкомъ хорошо устроенныя конюшни вредны для здоровья лошадей, такъ какъ онѣ въ мирное время пріучаютъ къ такому комфорту, котораго нельзя доставить на бивакѣ, подъ открытымъ небомъ. Рядомъ съ этимъ манежъ влечетъ къ тому, что совершенно исключаетъ порывистыя движенія, крутые повороты, между тѣмъ все это для одиночнаго боя необходимо, по свидѣтельству боевыхъ кавалеристовъ, которыхъ авторитету нельзя не вѣрить. Такъ Варнери положительно требуетъ, какъ необходимыхъ, крутыхъ поворотовъ на заднихъ и на переднихъ ногахъ. Регулярными же кавалеристами подобные повороты рѣшительно отвергаются подъ предлогомъ, будто они портятъ лошадь: для педантически правильныхъ движеній манежа, они ее дѣйствительно портятъ, но къ бою подготовляютъ, пріучая къ тому, къ чему тамъ приходится прибѣгать.

Притомъ же, когда дѣло идетъ, напр., о «сборѣ» лошади, не смотря на то, что этому зачастую противорѣчитъ ея складъ, не останавливаются передъ ея истощеніемъ; слѣдовательно сказанный доводъ есть только видимый противъ крутыхъ поворотовъ, въ дѣйствительности же и за нимъ скрывается не болѣе, какъ стремленіе отстоять манежную рутину. Лошадь, по манежному идеалу, не должна имѣть въ себѣ ничего порывистаго, живого, должна подходить какъ можно ближе къ машинѣ. Лошадь боевая должна сохранить всю порывистость, которою ее одарила природа, и быть подчинена человѣку насколько нужно для боеваго дѣла, а не для утонченныхъ требованій манежа.

---

[1]) Это замѣчено на арабскихъ лошадяхъ, поступающихъ въ регулярную французскую конницу.

ДОПОЛНЕНІЯ КАСАЮЩІЯСЯ ВОСПИТАНІЯ И ОБРАЗОВАНІЯ АРТИЛЛЕРІИ.

Воспитаніе. Нравственное воспитаніе артиллериста должно быть основано на стремленіи развить въ немъ тѣ же общія качества, что въ пѣхотѣ и конницѣ. Кромѣ того, въ артиллеристѣ должны быть особенно развиты: возможное спокойствіе во всякаго рода обстоятельствахъ, терпѣніе, находчивость, привязанность къ своему орудію и вѣра въ него. Развитіе нравственныхъ качествъ достигается и въ артиллеріи тѣмъ-же путемъ. Значеніе точнаго исполненія устава внутренней службы и практики караульной службы—въ артиллеріи остаются тѣ-же, что и въ другихъ родахъ войскъ.

Привязанность къ своему орудію и увѣренность въ томъ, что съ нимъ можно дѣлать дѣла, артиллеристъ пріобрѣтетъ тогда, когда будетъ знать его силу и значеніе въ бою; когда будетъ ясно представлять себѣ ту роль, которую онъ вмѣстѣ съ нимъ будетъ играть въ бою. Это достигается ознакомленіемъ его съ устройствомъ, свойствами и дѣйствіемъ орудія, насколько то возможно въ мирное время; а равно и съ особенно характеристическими случаями употребленія орудій въ бою и съ выдающимися подвигами артиллеристовъ [1]).

Образованіе. Свѣдѣнія, которыми долженъ обладать артиллеристъ, слѣдующія:

а) Артиллерійская спеціальность.

1) **Знаніе артиллеріи.**
2) **Ариѳметика** и **грамота**, какъ пособіе артиллеріи.
3) **Пѣшій строй, гимнастика и фехтованіе.**
4) **Занятія при орудіяхъ.**
5) **Глазомѣръ и подготовка наблюдателей.**

---

[1]) Рядъ хорошо подобранныхъ, просто- и правдиво изложенныхъ фактовъ, поясненныхъ соотвѣтствующими картинами волшебнаго фонаря, поможетъ воображенію солдата получить вѣрное представленіе и о значеніи орудія, и о томъ, что при немъ онъ долженъ дѣлать. Этимъ путемъ можно сдѣлать больше, чѣмъ механическимъ заучиваніемъ, которое, какъ извѣстно, можетъ быть достигаемо безъ малѣйшаго представленія о смыслѣ заучиваемаго.

6) Стрѣльба.
7) Подготовка развѣдчиковъ
8) Вспомогательныя дѣйствія.
9) Лабораторное дѣло.
10) Мастерства.
11) Окопное дѣло.

б) Занятія относительно лошади.

1) Содержаніе лошадей и выѣздка ихъ.
2) Подготовка ѣздовыхъ и обученіе верховыхъ чиновъ ѣздѣ.

Артиллерійская спеціальность.

Знаніе артиллеріи. Самое существенное изъ обязательныхъ артиллеристу знаній есть знаніе артиллеріи, которая должна преподаваться по возможности практически. Ознакомивъ людей съ видомъ орудія и его частями (при чисткѣ и мытьѣ), перейти къ: 1) наглядному объясненію свойствъ пороха т. е. показать: какъ онъ взрывается; 2) устройству снарядовъ, которое ясно видно на образцахъ, распиленныхъ по оси и перпендикулярно къ ней; 3) устройству и дѣйствію трубки, свѣдѣнія эти нужно сообщить такъ, чтобы необходимость точной установки, осторожнаго и внимательнаго обращенія съ трубкою стала понятна сама собою; 4) со свойствами орудія, угломѣра, прицѣла, цѣлика, уровня и со значеніемъ прицѣльной линіи. Эти занятія опять надо вести наглядно, не вдаваясь въ длинныя объясненія. Установивъ орудіе противъ бѣлой стѣны, навести его для прямого выстрѣла въ какую нибудь точку и, открывъ замокъ, показать, что и каналъ смотритъ туда же; давъ затѣмъ цѣлику отклоненіе, снова навести и показать, что каналъ смотритъ уже въ сторону; наконецъ, дать и прицѣлу сначала небольшую, а потомъ болѣе значительную высоту и показать, что происходитъ при этомъ съ каналомъ. Если это объясненіе дополнить указаніемъ на цѣль, съ которою орудію придается все большій и большій уголъ по мѣрѣ увеличенія разстоянія до цѣли, что легко показать на опытѣ, предложивъ обучающемуся бросить камень сперва недалеко, потомъ далѣе, причемъ онъ инстинктивно будетъ бросать его все выше

и выше, то онъ пойметъ, что придавать орудію углы возвышенія нужно, а значитъ нуженъ и прицѣлъ, чтобы можно было при этомъ навести орудіе. Показать значеніе наводки угломѣра въ опредѣленную точку. Окончательно все это будетъ усвоено только на 5) **учебной практикѣ**, которая поэтому должна быть продолженіемъ предшествовавшихъ занятій по артиллеріи. Учебная практика должна начинаться съ такихъ разстояній, съ которыхъ можно простымъ глазомъ ясно видѣть результаты каждаго выстрѣла, т. е. не болѣе 100 саж. Передъ первымъ выстрѣломъ, наведя орудіе въ центръ цѣли при требуемой высотѣ прицѣла, предупредить, что снарядъ попадетъ въ центръ, и произвѣсти выстрѣлъ. Затѣмъ, увеличивъ высоту прицѣла на одну линію, навести въ центръ и предупредить, куда снарядъ попадетъ, а потомъ подтвердить это выстрѣломъ. Показавъ затѣмъ значеніе отклоненія цѣлика, вліяніе неправильной наводки, наклонности цапфъ, неправильнаго упора сошника, перейти на болѣе значительную дистанцію, на которой опять повторить все изложенное.

При такомъ способѣ изученія артиллеріи, артиллеристъ увидитъ ту громадную точность, которою владѣетъ его орудіе, и невольно увѣруетъ въ него; зная, что ошибки дѣлаетъ не орудіе, а онъ самъ,—будетъ стремиться и къ собственному усовершенствованію.

Непосредственно послѣ стрѣльбы долженъ быть возбужденъ вопросъ о томъ, что выталкиваетъ снарядъ изъ орудія. Солдатъ на такой вопросъ отвѣчаетъ обыкновенно непонятнымъ ему звукомъ «газъ», но рѣшительно не представляетъ себѣ, чѣмъ именно выбрасывается снарядъ. Въ тихую погоду это можетъ быть объяснено наглядно и довольно точно сейчасъ послѣ выстрѣла дымнымъ порохомъ. Указавъ на клубъ дыма, выброшеннаго изъ орудія, и на большой объемъ, занятый имъ на свободѣ, надо напомнить солдату о томъ, что дымъ этотъ образовался отъ сгоранія маленькаго пороховаго заряда, вложеннаго въ тѣсное пространство гильзы. Сравнивъ объемъ дыма послѣ выстрѣла съ тѣмъ пространствомъ, куда вложенъ былъ зарядъ, онъ представитъ себѣ, что по мѣрѣ сгоранія пороха дыму накоплялось все болѣе и болѣе и становилось ему все тѣснѣе и тѣснѣе;

съ понятіемъ о тѣснотѣ неразлучно соединено представленіе о давленіи на стѣны орудія, на дно гильзы и на снарядъ; но стѣны орудія прочны, дно гильзы упирается въ замокъ, снарядъ же можетъ двигаться, а потому его и двигаетъ, и такъ какъ порохъ сгораетъ очень быстро, то и двигаетъ очень скоро.

Объясняя это, надо обратить вниманіе на то, что произойдетъ, если снарядъ заклинится. Зная, что дыму нужно мѣсто, котораго въ орудіи ему нѣтъ, артиллеристъ ясно представитъ себѣ возможность разрыва орудія, если снарядъ при этомъ не разобьется на части.

Затѣмъ надо объяснить что-такое бездымный порохъ и почему при его примѣненіи вылетаетъ снарядъ.

Подобнымъ же образомъ можетъ быть пройдена и вся теорія артиллеріи. Сравненіе полета камня и свертка бумаги одной съ нимъ величины и формы, сравненіе сопротивленія воздуха на змѣй, поставленный плашмя къ направленію движенія и ребромъ; наблюденіе свойствъ вращающагося деревяннаго волчка, имѣющаго форму снаряда, поставленнаго на головную часть, т. е. устойчивости во время быстраго вращенія, малой устойчивости во время медленнаго вращенія, отсутствія устойчивости при совершенно медленномъ вращеніи или безъ него, полетъ и паденіе осторожно сброшеннаго со стола вращающагося волчка, который, сохранивъ устойчивость во время паденія, на полу станетъ носомъ и будетъ продолжать вращаться, обративъ при этомъ вниманіе на полетъ и паденіе невращающагося волчка и т. д.—вотъ средства, при надлежащемъ сопоставленіи которыхъ, теорія можетъ быть пройдена просто и наглядно, не отягощая памяти. Обучающій, преданный своему дѣлу, всегда найдетъ и другіе пріемы для выясненія обучаемому того, что нужно.

Ариѳметика и грамота. Ариѳметика до дѣйствій съ простѣйшими дробями включительно; мѣры и вѣсы; вотъ, что надо знать артиллеристу. Грамота также облегчитъ усвоеніе спеціальнаго артиллерійскаго отдѣла.

Пѣшій строй, который однако не долженъ идти далѣе того, чтобы люди приняли молодцоватый видъ и могли пройти въ ногу при движеніи командами безъ орудій; этого, конечно, будетъ

достаточно и для того, чтобы пѣшій строй успѣлъ оказать принадлежащее ему дисциплинирующее и объединяющее вліяніе. При той массѣ знаній, которая необходима артиллеристу, и при короткихъ срокахъ службы, увлеченіе пѣшимъ строемъ служитъ только доказательствомъ невниманія къ артиллерійскому дѣлу.

Гимнастика и фехтованіе. Гимнастика должна состоять въ упражненіи рукъ и поясницы, а также въ рубкѣ чучелъ, строевыхъ проѣздкахъ и походныхъ движеніяхъ съ полнымъ снаряженіемъ, что пріучаетъ къ правильной укладкѣ вещей и обнаруживаетъ недостатки въ снаряженіи; фехтованіе—достаточно ограничить пріемами правильной рубки.

Занятія при орудіяхъ. Обращеніе съ орудіемъ и дѣйствіе изъ онаго, т. е.:

1) **Уходъ за орудіемъ.** Тщательный уходъ за орудіемъ, что особенно важно при современныхъ стальныхъ орудіяхъ со сложными приспособленіями; этому обыкновенно приходится не обучать, а, разъ показавъ, слѣдить за точнымъ, терпѣливымъ и своевременнымъ выполненіемъ требуемаго. Артиллеристъ долженъ смотрѣть на это дѣло такъ, что пока орудіе и лафетъ не вымыты и не вычищены, онъ не имѣетъ права ни на ѣду, ни на отдыхъ.

2) **Пріемы заряжанія и разряжанія орудія.** Пріемы заряжанія и разряжанія орудія безъ всякихъ «пріемовъ», «равненій» и «счетовъ», но непремѣнно при подлинномъ орудіи, съ настоящимъ замкомъ, настоящею принадлежностью, съ учебнымъ патрономъ и трубкою, съ установкою угломѣра, уровня, прицѣла на назначенную дистанцію, съ дѣйствительною и строго точною наводкою орудія въ данную точку и съ постоянною перемѣною номеровъ. Для артиллериста при орудіи не должно быть обязанностей болѣе или менѣе ему извѣстныхъ: онъ долженъ сродниться съ каждою изъ нихъ.

3) **Наводка и работа съ угломѣромъ.** Для упражненія въ наводкѣ очень удобенъ и полезенъ прусскій способъ. Обучающійся наводитъ орудіе въ цѣль, поставленную вплотную у бѣлой стѣны; когда орудіе будетъ наведено, то держащій цѣль отмѣчаетъ на стѣнѣ мѣсто центра ея, въ которомъ находится небольшое отверстіе, и сдвигаетъ цѣль; обучаемый чрезъ прицѣлъ и

мушку, или въ угломѣръ, не трогая орудія, долженъ установить цѣль на то мѣсто, на которомъ она находилась; указанное обучаемымъ мѣсто отмѣчается, а цѣль сдвигается и опять устанавливается и т. д. Ряды полученныхъ на стѣнѣ отмѣтокъ даютъ возможность судить о степени однообразія наводки даннаго лица и о родѣ[1]) ошибки, если таковая есть.

Этотъ способъ имѣетъ то незамѣнимое достоинство, что: правдиво указываетъ каждому степень его совершенства въ наводкѣ, а послѣ продолжительнаго упражненія, и способность его къ ней; совершенно устраняетъ произволъ обучающаго, поправки котораго, часто основанныя безъ всякихъ на то данныхъ на личной увѣренности въ своей непогрѣшимости, только мѣшаютъ дѣлу, и наглядно указываетъ родъ ошибки. Недостатки его: малая практика въ скорости наводки и невозможность довести до большихъ дистанцій, хотя замѣнивъ бѣлую стѣну темнымъ фономъ ската пашни или луга, а цѣль легкимъ бѣлымъ кругомъ, насаженнымъ на выдвижную рейку съ дѣленіями, можно дойти до значительныхъ разстояній[2]).

Работа съ угломѣромъ должна, главнымъ образомъ, приводить къ быстрой наводкѣ орудія на другія цѣли (переносъ), т. е. къ умѣнію быстро установить угломѣръ на извѣстное дѣленіе и придать орудію новое направленіе по указанной точкѣ наводки.

Наводкѣ необходимо обучать всю прислугу.

Увлеченіе стрѣльбою изъ за закрытій, вынесенное изъ минувшей войны, привело къ тому, что прислуга практикуется во многихъ батареяхъ только въ наводкѣ на ближнія точки, утрачивая, такимъ образомъ, умѣніе наводить въ удаленныя цѣли.

Въ виду невозможности вполнѣ отрицать необходимость въ бою стрѣльбы съ открытыхъ позицій, прицѣльно, не слѣдуетъ забывать вырабатывать наводчиковъ по отдаленнымъ цѣлямъ, и, вообще, упражнять прислугу и ѣздовыхъ во всемъ томъ, что требуется при стрѣльбѣ съ открытыхъ позицій.

4) **Измѣненіе угла возвышенія.** Ознакомленіе артиллериста со способомъ измѣненія угла возвышенія орудій—особенно удобно

---

[1]) Нѣкоторые постоянно ошибаются въ одну какую нибудь сторону.

[2]) Повѣрку наводчиковъ рекомендуется производить трубою Avizard.

дѣлать при пристрѣлкѣ батареи, когда результатъ предыдущаго выстрѣла можетъ быть принятъ во вниманіе при слѣдующемъ, не замедляя стрѣльбы, а также при движеніи цѣли на батарею, или отъ батареи.

Глазомѣръ и подготовка наблюдателей. Упражненія въ глазомѣрѣ должны заключаться въ пріученіи глаза къ опредѣленію разстояній отъ орудія до цѣли, величинъ перелетовъ или недолетовъ снаряда и высотъ разрывовъ. Лучшимъ средствомъ для развитія глаза, требующаго постоянныхъ и продолжительныхъ упражненій, была бы, конечно, стрѣльба, производимая какъ можно чаще во всѣ времена года; но она потребовала бы большого расхода патроновъ и, слѣдовательно, большихъ денежныхъ затратъ, а потому очевидно непримѣнима въ мирномъ обученіи. Сознавая это, нужно найти средство замѣнить стрѣльбу соотвѣтствующею обстановкою. Главная данная, по которой стрѣляющій судитъ о результатѣ выстрѣла,—это положеніе мѣста, на которомъ произошелъ разрывъ снаряда, т. е. показался дымокъ.

Посадите передъ цѣлью и за нею скрытно нѣсколькихъ человѣкъ съ ружьями и холостыми патронами дымнаго пороха на опредѣленномъ разстояніи одинъ отъ другаго, отведите обучаемыхъ на ту или другую дистанцію и затѣмъ, управляя огнемъ чрезъ одного изъ офицеровъ, находящагося при людяхъ съ ружьями, по показавшимся дымкамъ опредѣляйте разстоянія, которыя будутъ соотвѣтствовать перелетамъ или недолетамъ снаряда. Вмѣсто выстрѣловъ можно производить вспышки и по нимъ опредѣлять разстоянія.

Подобныя упражненія могутъ быть ведены почти ежедневно, и можно быть увѣреннымъ, что послѣдовательная, терпѣливая настойчивая и постоянная работа надъ глазомъ на разной мѣстности, въ разную погоду и въ разное время года дастъ хорошіе результаты. Противъ этого пріема, кажется, можно привести только одно возраженіе, что дымъ отъ выстрѣловъ на значительномъ разстояніи мало замѣтенъ; но такое замѣчаніе свидѣтельствуетъ въ его пользу,—такъ какъ, пріученный при трудной обстановкѣ, дастъ хорошіе результаты и при болѣе легкой.

Относительно упражненій въ опредѣленіи разстояній отъ орудія до цѣли надо сказать, что самое значеніи умѣнья опредѣлять эти разстоянія обыкновенно нѣсколько преувеличивается. Знаніе разстояній отъ орудія до цѣли, при условіи возможности наблюдать за мѣстомъ паденія снарядовъ, нужно только для перваго выстрѣла, такъ какъ далѣе стрѣльбу должно вести только на основаніи перелетовъ и недолетовъ. Каждому стрѣлявшему изъ орудій извѣстно, что, зная разстояніе до дюйма, можно, стрѣляя цѣлый день, не попасть ни одного снаряда даже въ значительную цѣль, если мѣста паденія снарядовъ не наблюдаются, такъ какъ въ зависимости отъ: партіи пороха, выдѣлки патроновъ, состоянія погоды, температуры и проч.—условія стрѣльбы на дальнія разстоянія значительно измѣняются.

Не отрицая значенія глазомѣрнаго опредѣленія разстояній можно, однако, утверждать, что **большая часть имѣющагося времени должна быть употребляема на упражненія въ опредѣленіи перелетовъ и недолетовъ и только незначительная на глазомѣрное опредѣленіе разстояній.**

Послѣ изложеннаго, кажется, можно не говорить о значеніи для артиллеріи дальномѣровъ, и остается повторить старую и давно извѣстную истину, что **лучшій дальномѣръ для орудія есть само орудіе.**

При тѣхъ громадныхъ разстояніяхъ, на которыхъ можетъ вестись теперь артиллерійскій бой, отличныя зрительныя трубы и бинокли принесутъ артиллеріи несравненно большую пользу, чѣмъ любой дальномѣръ. Особенно нужны артиллеріи эти трубы и бинокли для того, чтобы не могли имѣть мѣста тѣ прискорбные случаи, когда артиллерія бьетъ своихъ, принимая ихъ за чужихъ.

При стрѣльбѣ изъ за закрытій и по невидимымъ цѣлямъ правильное корректированіе стрѣльбы возможно лишь по наблюденіямъ получаемымъ отъ наблюдателей. Стрѣльба съ помощью наблюдателей, такимъ образомъ, становятся весьма распространенной. Умѣніе, наблюдая со стороны, правильно оцѣнить наблюдаемое какъ-бы съ батареи—важно для дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ и навыкъ въ такихъ наблюденіяхъ пріобрѣтается продол-

жительной практикой. Ограничиться подготовкой нѣсколькихъ наблюдателей въ каждой батареѣ—невозможно, такъ какъ съ убылью ихъ въ бою батарея была-бы поставлена въ критическое положеніе. Отсюда слѣдуетъ, что къ производству наблюденій, надо готовить возможно большее число артиллеристовъ. Полагаемъ, что это дѣло требуетъ бо̀льшаго вниманіе, нежели ему отдается въ нашей артиллеріи, которая еще до сихъ поръ не можетъ отрѣшиться отъ прежнихъ пріемовъ корректированія и въ недостаточной мѣрѣ пользуется наблюдателями.

Въ дѣлѣ наблюденія глазомѣръ находитъ себѣ широкое примѣненіе.

Стрѣльба. Всѣ изложенныя выше занятія при орудіи служатъ только подготовительными къ стрѣльбѣ упражненіями, которая на дѣлѣ должна показать мѣсто и значеніе каждаго изъ нихъ. Сообразно съ этою цѣлью и съ цѣлью объяснить молодымъ артиллеристамъ свойства орудія и условія стрѣльбы изъ него, стрѣльбу слѣдуетъ дѣлить на **учебную (показную)** и **практическую**. Первая должна предшествовать второй.

а) **Стрѣльба учебная.** Первая должна производиться съ отмѣренныхъ разстояній, начиная съ самыхъ малыхъ, въ той послѣдовательности, о которой говорено выше, и должна быть ограничиваема самымъ необходимымъ числомъ снарядовъ; а вторая—непремѣнно съ неопредѣленныхъ разстояній, на самой разнообразной мѣстности и при обстановкѣ, возможно ближе подходящей къ боевой.

б) **Стрѣльба практическая.** На предполагаемой позиціи артиллеріи противника ставятъ болванки, окопанныя или неокопанныя. Задавшись цѣлью наступать или обороняться, надо сначала вести артиллерію походнымъ порядкомъ, перестроить ее своевременно въ резервный, затѣмъ вести на избранную позицію, пользуясь мѣстными закрытіями, развертываясь въ возможно тонкій строй и проходя возможно быстрымъ аллюромъ открытыя мѣста, подверженныя выстрѣламъ предполагаемой непріятельской артиллеріи; свертываясь опять въ болѣе или менѣе глубокія колонны, или смыкаясь на меньшіе интервалы и немного уменьшая быстроту движенія на закрытыхъ мѣстахъ, чтобы сохранить силы

лошадей. Движеніе къ позиціи должно сопровождаться высылкой развѣдчиковъ и наблюдателей.

Относительно цѣли, по которой ведется практика, желательно чтобы стрѣльба велась не по громаднымъ мишенямъ, представляющимъ такія цѣли, какихъ въ бою быть не можетъ, а по маленькимъ, едва затѣтнымъ щитикамъ.

Протяженіе цѣлей по фронту также должно соотвѣтствовать таковому-же протяженію строевъ и боевыхъ порядковъ пѣхотныхъ и артиллерійскихъ частей. Требованіе разбрасывать умышленно снаряды въ сторону отъ выставленныхъ мишеней, яко-бы для пораженія воображаемыхъ широкихъ цѣлей, мы считаемъ **нераціональнымъ**, потому–что это разбрасываніе здѣсь производится умышленно въ то время, когда извѣстно, что по сторонамъ мишеней цѣлей нѣтъ.

Первыя стрѣльбы (практическія) слѣдуетъ вести съ открытыхъ позицій по открытымъ или закрытымъ цѣлямъ, а затѣмъ ужъ переходить къ стрѣльбѣ съ закрытыхъ позицій, какъ къ болѣе сложной.

Относительно практической стрѣльбы современной скорострѣльной артиллеріи считаемъ долгомъ оговорить слѣдующее:

1) Нѣкоторые артиллерійскіе начальники, вѣроятно, напуганные опытомъ минувшей войны, до того увлеклись стрѣльбою изъ за закрытій, что почти исключили изъ практики мирнаго времени стрѣльбу по открытымъ цѣлямъ и съ открытыхъ позицій. Если нельзя отрицать возможности и необходимости выѣздовъ на открытыя позиціи въ бою, то въ учебной практикѣ положительно необходимо практиковать въ стрѣльбѣ съ открытыхъ позицій и по открытымъ цѣлямъ.

2) Положительно необходимо пріучать артиллерію къ быстрому переносу огня въ горизонтальной плоскости (по угломѣру) и къ выѣзду съ закрытыхъ позицій на открытыя. Если не практиковать артиллеристовъ въ послѣднемъ, то черезъ извѣстное число лѣтъ получимъ новыя поколѣнія артиллеристовъ, вовсе не стрѣлявшихъ съ открыхъ позицій, которые не съумѣютъ быстро перейти къ этой стрѣльбѣ и въ бою, если выручка своихъ того потребуетъ. Они, пожалуй, подумаютъ, что вызовъ на открытую позицію—преступленіе со стороны начальника.

Рѣшившись разъ на всегда стрѣлять только изъ за закрытій, мы дѣлаемъ артиллерію односторонней и должны будемъ ожидать всякихъ неблагопріятныхъ случайностей, если обстановка боя потребуетъ отъ такой артиллеріи самоотверженнаго выѣзда на открытую позицію. Въ этомъ вопросѣ необходимо помнить, что артиллерія не цехъ, а родъ войска.

Какъ кажется, было-бы весьма полезно для дѣла стрѣльбу съ закрытыхъ позицій всегда заканчивать выѣздомъ на открытую позицію; при этомъ прислуга и ѣздовые получали-бы необходимую практику, и въ артиллеріи не могла-бы укорениться боязнь открытыхъ позицій, что неминуемо произойдетъ при исключительной практикѣ стрѣльбы изъ за закрытій.

Вспомогательныя дѣйствія. Во время боя орудіе, лафетъ или колеса могутъ быть повреждены, а во время движенія могутъ встрѣтиться препятствія, мѣшающія дальнѣйшему ходу орудія. Удобнѣйшіе пріемы для приведенія орудія къ возможности дѣйствовать или продолжать движеніе должны быть извѣстны прислугѣ и составляютъ особый отдѣлъ упражненій. Отдѣлъ этотъ, требующій находчивости, ловкости, быстроты и силы, долженъ бы составлять одно изъ существенныхъ упражненій артиллериста въ мирное время. Къ нему относятся: перемѣна лафета, замѣна колеса, перемѣна дышла переворачиваніе опрокинутаго лафета, а также: ввозъ орудія на крутизну и спускъ его, переправа черезъ неглубокою рѣчку, канаву или болото и т. д. Изъ этихъ дѣйствій тѣ, которыя приходится исполнять подъ огнемъ, должны составлять особый предметъ обученія. Изъ остальныхъ же не должно дѣлать особаго предмета обученія, но слѣдуетъ пользоваться представляющимися случаями, чтобы людямъ ихъ показать.

Къ вспомогательнымъ дѣйствіямъ должно также отнести: умѣніе соединять телефономъ указанные пункты и дѣйствовать телефономъ; знаніе семафорной сигнализаціи; устройство разнаго рода наблюдательныхъ вышекъ; умѣніе устанавливать бинокли и зрительныя трубы и наблюдать въ нихъ.

Подготовка развѣдчиковъ. Невозможность маскировать орудія, вслѣдствіе ограниченности обстрѣла закрытыхъ артиллерійскихъ

позицій, требуетъ болѣе тщательнаго изученія мѣстности для расположенія на ней артиллеріи. Это изученіе производится артиллерійскими начальниками съ помощью спеціально подготовленныхъ **развѣдчиковъ.**

Развѣдчики должны умѣть оцѣнивать данную мѣстность со стороны ея пригодности для стрѣльбы артиллеріи по извѣстнымъ цѣлямъ; поэтому они должны умѣть оцѣнивать мертвыя пространства, выбирать наблюдательные пункты, подготовительныя позиціи и проч.

Всѣ эти свѣдѣнія должны быть усвоены ими практически, т. е. на мѣстности, подъ руководствомъ офицера.

Развѣдчики должны также практиковаться въ наблюденіи за полемъ сраженія (полигонъ) и за дѣйствіемъ прочихъ войскъ (во время совмѣстныхъ занятій съ другими войсками); артиллерійскіе начальники, руководя стрѣльбою, не должны упускать изъ виду практиковать развѣдчиковъ и наблюдателей въ предстоящихъ имъ обязанностяхъ въ бою; къ этому имѣется полная возможность во время каждой практической стрѣльбы.

Лабораторное дѣло. Лабораторное дѣло, при крайней его несложности въ настоящее время, требуетъ, однако, сноровки и яснаго представленія о послѣдствіяхъ несоблюденія того или другого правила.

Мастерства. Въ новой матеріальной части артиллеріи желѣзо и сталь вытѣснили дерево. Хотя она отъ того стала прочнѣе вообще, но поломки въ мелочахъ остались явленіемъ неизбѣжнымъ, требующимъ немедленнаго исправленія, такъ какъ мелкая неисправность, оставленная безъ вниманія, можетъ повлечь за собою существенное поврежденіе. Для исправленія этихъ поломокъ въ батареѣ положено имѣть опредѣленное число мастеровыхъ (кузнецовъ), на обязанности которыхъ лежитъ еще и ковка лошадей.

Ковка лошадей въ артиллеріи представляетъ собою вопросъ еще болѣе важный, чѣмъ въ конницѣ, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что расковавшаяся артиллерійская лошадь скорѣе кавалерійской придетъ въ негодность, потому что не только несетъ на себѣ тяжесть, но еще тащитъ ее за собою; убыль одной—двухъ лошадей можетъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ,

остановить орудіе. Слѣдовательно ковка, сообразная со свойствами пути, и притомъ ковка тотчасъ послѣ случайной расковки, представляетъ существенную необходимость. Разсчитывать на то, что кузнецъ будетъ всегда на лицо, нельзя, а потому должно пріучить орудійныхъ фейерверкеровъ, ѣздовыхъ и наиболѣе способныхъ изъ строевыхъ къ ковкѣ лошадей на холодную подкову, къ чему должны быть пріучены и лошади.

Занятія по ковкѣ не стоютъ почти ничего, такъ какъ на двухъ—трехъ подковахъ съ соотвѣтствующимъ числомъ гвоздей можно переучить всю батарею. Начавъ упражненія на копытѣ павшей лошади, придѣланномъ должнымъ образомъ къ ногѣ деревянной лошади, останавливаются на немъ до тѣхъ поръ, пока убѣдятся, что человѣкъ можетъ, какъ нужно, разчистить, срѣзать копыто и подковать его; тогда уже переходятъ къ лошади живой.

Мастерствамъ солдаты учатся охотно, предвидя въ нихъ въ будущемъ доходную статью, а потому можно быть увѣреннымъ, что солдатъ, выучившійся ковать на холодную подкову, при малѣйшемъ содѣйствіи, охотно примется и за выдѣлку подковъ. Очень часто достаточно будетъ содѣйствія въ видѣ нѣсколькихъ уроковъ, данныхъ кузнецомъ въ присутствіи офицера, и въ видѣ разрѣшенія, даннаго способнѣйшимъ и оказавшимъ лучшіе успѣхи въ ковкѣ, пользоваться въ кузницѣ казеннымъ инструментомъ. При такихъ мѣрахъ батарея будетъ обезпечена кузнецами и не остановится на продолжительное время, если ей неожиданно придется перековать сотни двѣ—три копыть, что можетъ случиться, какъ при мобилизаціи, когда большая часть лошадей приходитъ некованными или дурно подкованными, такъ и во время похода при внезапной гололедицѣ, если лошади не были подкованы на заднія ноги и острые шипы.

Другое мастерство, имѣющее значеніе въ артиллеріи,—это шорное дѣло. Въ немъ ѣздовые и орудійные фейерверкеры должны быть знающи настолько, чтобы и въ отсутствіи шорника сдѣлать на-скоро необходимыя исправленія такими средствами, которыя не поведутъ за собою дальнѣйшей порчи. Умѣнье связывать кожаные ремни, сшивать ихъ и наставлять, какъ дѣло очень простое, должно быть обязательно для всѣхъ.

Окопное дѣло—необходимо настолько, чтобы люди умѣли возводить простѣйшіе окопы для орудій и ящиковъ, устраивать ровики для прислуги, вязать туры, фашины, устраивать простѣйшіе пороховые погребки, переходы черезъ топкія мѣста, канавы. Занятія эти удобнѣе вести такъ: часа за 2—3 до начала стрѣльбы приказать офицеру взять нужную команду и съ нею построить окопы на данное число орудій въ указанномъ мѣстѣ, исправивъ пути, идущіе къ этому мѣсту такъ, чтобы батарея могла свободно туда пройти, а затѣмъ практиковать стрѣльбу изъ этой батареи.

Занятія относительно лошади.

Содержаніе лошадей и выѣздка ихъ. Содержаніе артиллерійскихъ лошадей сходно съ содержаніемъ кавалерійскихъ.

Выѣздка артиллерійскихъ лошадей должна удовлетворять тому главному условію, чтобы каждая лошадь, не исключая офицерскихъ, могла ходить: **подъ верхомъ и въ упряжи, какъ подсѣдельною, такъ и подручною.**

Выѣздка лошадей подобнымъ образомъ нужна потому же, почему нужно обученіе артиллеристовъ исполненію обязанностей какого бы то ни было нумера.

Въ бою, если упряжныхъ лошадей перебьютъ, придется для передвиженія орудія на другую позицію или спасенія его впрягать верховыхъ, не исключая и офицерскихъ.

Относительно раздѣленія лошадей на подсѣдельныхъ и подручныхъ надо замѣтить, что оно можетъ имѣть мѣсто только въ упряжи, если же лошади выпряжены, то такого раздѣленія и существовать не должно; такъ какъ ради сохраненія подсѣдельныхъ лошадей, служба которыхъ несравненно тяжелѣе другихъ, надо подъ сѣдло ставить лошадей поочередно. Такую же очередь необходимо вести и между коренными и уносными лошадьми, такъ какъ служба первыхъ, которымъ приходится спускать орудіе, поворачивать его и еще выдерживать толчки дышла, гораздо труднѣе службы послѣднихъ.

Съѣзжая лошадей цѣлаго орудія, нужно наблюдать за тѣмъ, чтобы они пріучились ходить независимо отъ орудійнаго фейерверкера; привычка двигаться по пятамъ за нимъ ведетъ къ тому, что когда его нѣтъ, то первый уносъ идетъ не охотно, не спокойно, а иногда бросается въ стороны и даже останавливается. Все это и въ обыкновенное время дурно, а въ бою и подавно.

Подготовка ѣздовыхъ и обученіе верховыхъ чиновъ ѣздѣ. Ѣздовыми въ артиллеріи слѣдуетъ выбирать людей небольшого роста, сильныхъ, кроткаго нрава и любящихъ лошадей.

Подготовка ѣздовыхъ состоитъ въ обученіи: 1) ѣздѣ, при чемъ не слѣдуетъ стѣснять ихъ выправкою фигуры и особенно равненіемъ плечъ, такъ какъ ѣздовому даже необходимо имѣть правое плечо нѣсколько поданнымъ назадъ, чтобы лучше видѣть происходящее за нимъ, т. е. натянуты-ли вальки, туда-ли подаетъ, не мѣшаетъ-ли коренному и т. д.; 2) ковкѣ лошади на холодную подкову, о чемъ уже сказано; 3) сѣдланію и запряжкѣ, съ которыми долженъ освоиться такъ, чтобы исполнить задачу даже ночью, въ совершенной темнотѣ и 4) шорному дѣлу въ его основаніяхъ.

Обученіе прочихъ чиновъ верховой ѣздѣ ведется въ артиллеріи на основаніяхъ, принятыхъ въ конницѣ.

Подготовка ѣздовыхъ въ батареѣ представляетъ обязанность тяжелую и въ высшей степени важную, малѣйшее невниманіе къ которой въ мирное время можетъ поставить батарею въ затруднительное положеніе при приведеніи ея въ военный составъ.

Въ мирное время батарея имѣетъ надобность всего въ 12—16 ѣздовыхъ, а съ приведеніемъ на военное положеніе ей сразу нужны 48—50 человѣкъ ѣздовыхъ. Очевидно, что все недостающее число ихъ должно быть подготовлено въ мирное время. Разсчитывать на возможность подготовки во время приведенія на военное положеніе не слѣдуетъ, такъ какъ одно обученіе ѣздѣ на выѣзженныхъ лошадяхъ и то требуетъ продолжительной практики; если же съ ѣздою соединено управленіе парою лошадей, можетъ быть совершенно невыѣзженныхъ или по крайней мѣрѣ непривыкшихъ къ артиллерійской упряжкѣ, что нелегко дается даже старымъ ѣздовымъ, то очевидно какому риску подвергается батарея въ случаѣ быстраго приведенія на военное положеніе, безъ полнаго комплекта ѣздовыхъ, заблаговременно подготовленнаго. Очень хорошимъ средствомъ для того, чтобы убѣдиться въ дѣйствительной готовности батареи къ мобилизаціи не только въ отношеніи знанія своего дѣла верховыми чинами, но и въ общемъ состояніи батареи, представляется **способъ повѣрочныхъ мобилизацій.** Высшее начальство приказываетъ, не предупреждая о томъ заранѣе никого, такой-то батареѣ сдать такое-то имущество и столькихъ-то лошадей другой батареѣ, которой одновременно предписывается телеграммою же принять все это, перейти на военное положеніе и двинуться въ назначенное мѣсто, отстоящее отъ мѣста мобилизаціи на переходъ или на два, гдѣ ей производится смотръ во всѣхъ отношеніяхъ, въ назначенный день и часъ.

Нельзя не признать раціональности подобной повѣрки, которая, не требуя большихъ расходовъ и пріучая батарею къ самому процессу перехода на военное положеніе, обращаетъ этотъ переходъ въ дѣло знакомое, обыкно-

венное и напоминаетъ кому нужно о томъ, что представляетъ собою батарея, приведенная на военное положеніе; въ то же время заставляетъ содержать батареи именно въ той степени готовности, которая необходима.

Примѣчаніе. Въ виду тѣхъ значительныхъ потерь, которыя наблюдались въ артиллеріи въ минувшую войну 1904—05 г.г. и того высокаго моральнаго значенія, которое имѣетъ артиллерія въ бою, не подлежитъ сомнѣнію, что подготовка артиллеристовъ должна быть расчитана такимъ образомъ, чтобы батарея, понеся потери въ бою, все таки не прекращала огня и могла-бы дѣйствовать съ наименьшимъ числомъ прислуги.

Убѣжденіе: «скорѣе погибну, чѣмъ прекращу огонь въ рѣшительную минуту»—должно еще въ мирное время окрѣпнуть въ душѣ каждаго артиллериста.

СОВѢТЫ

унтеръ-офицерамъ и учителямъ, какъ учить молодыхъ солдатъ гарнизонной службѣ.

Гарнизонная служба—первѣйшее дѣло въ мирное время; всякій офицеръ и унтеръ-офицеръ должны смотрѣть, чтобы ихъ люди твердо знали и свято исполняли эту службу.

Какъ-же учить ей?

Припомни, какъ тебя самого учили? Вѣрно заставляли заучивать правила, и ты заучивалъ ихъ, ни разу не видѣвши ни часового, ни караула, ни разводящаго; ничего, однимъ словомъ, изъ того, что составляетъ караулъ, и какъ онъ служитъ. И трудно, чай, тебѣ доставалось, потому что трудно человѣку запомнить и говорить то, чего онъ ни разу не видѣлъ. И только, сходивши много разъ въ караулъ, начиналъ ты домекать, что и какъ нужно дѣлать. Но вѣдь тебя Богъ не обидѣлъ толкомъ (иначе бъ ты и въ унтера (или учителя) не попалъ); а каково-же иному тупому? Потѣетъ онъ, трудится; двадцать разъ ты заставишь его повторить то же и въ двадцать первый видишь,—онъ только и задержалъ, что часовой долженъ не спать, не дремать, господамъ офицерамъ честь отдавать. Самъ ты видишь, что изъ такой науки толку мало; что поставь, его на важный постъ съ

такимъ знаніемъ, и онъ тебѣ, стоя на часахъ, и ружье отдастъ, и дастъ себя смѣнить не тому, кто его на часы поставилъ, и чего добраго, подарокъ или подъ сохраненіе что-нибудь приметъ, и мало-ли какихъ глупостей можетъ надѣлать. А все почему? Потому-что не такъ его учили.

Простого человѣка нужно учить не словомъ, а дѣломъ; примѣромъ, показомъ. Покажи ты ему что-нибудь разъ, и онъ задержитъ, поймет и будетъ помнить это лучше, чѣмъ ты ему разскажешь двадцать разъ.

Это первое правило.

Сразу о многомъ ему не толкуй.

Это второе правило.

Пока учишь, никогда не сердись; развѣ когда для самаго показа дѣла нужно, тогда притворись и разсерженнымъ.

Сроки службы теперь коротки; едва поступилъ, не успѣлъ оглянуться, ужъ и уходитъ: значитъ нужно и скоро, и толково учить. А это можно сдѣлать только такъ, какъ я тебѣ только что сказалъ.

Можешь ты подумать: «самъ говоритъ, что нужно учить съ примѣра, а пока только разсказываетъ, а примѣровъ не даетъ». Подожди, сейчасъ будутъ и примѣры. Совсѣмъ безъ слова обойтись нельзя, и ты долженъ начинать со словеснаго объясненія; но только на немъ не нужно долго останавливаться, а слѣдуетъ сейчасъ переходить къ примѣру.

Показъ общихъ обязанностей часового.

Объясненіе. Скажи ему, что онъ безъ разводящаго никого не долженъ подпускать къ предмету, который охранять поставленъ; что, стоя на часахъ, никому, кромѣ Государя Императора, ружья отдать не можетъ; что смѣнить его можетъ только тотъ, кто его на часы поставилъ, а пока не смѣнятъ, то хоть-бы его на куски рѣзали, поста своего оставить не можетъ; что ни отъ кого и ничего ни въ подарокъ, ни на сохраненіе принимать не долженъ.

Показъ. Положи какую-нибудь вещь (ружье, мундиръ или что иное), назначь разводящаго и прикажи ему поставить мо-

лодого солдата на часы къ этой вещи, чтобы онъ ходилъ подлѣ нея, какъ разрѣшено на часахъ. Затѣмъ самъ уйди подальше, но такъ, чтобъ видѣть, и подошли солдатика половче, чтобъ попробовалъ унести охраняемую вещь. Если часовой его отгонитъ, тотъ долженъ не послушаться и всё таки попробовать взять; если часовой на него бросится со штыкомъ,—значитъ знаетъ; тогда подойди и похвали.

«Славно, молодецъ! Вотъ тебѣ гривенникъ (или что у тебя есть) на чай?» Если оплошаетъ и возьметъ: «Ахъ ты, срамникъ! Да развѣ часовой можетъ что-нибудь отъ кого-нибудь принимать? Толковый солдатъ, а сразу надуть можно. Стыдно, стыдно!» А гривенникъ, разумѣется, назадъ въ карманъ.

Затѣмъ, сказавши, чтобъ онъ тебя принималъ за офицера и честь отдавалъ, опять отойди. Затѣмъ подходи и смотри,—станетъ-ли онъ какъ слѣдуетъ, возьметъ-ли во время на-караулъ, проводитъ-ли глазами.

А подойдя къ нему, накинься на него сердито и постарайся затуркать: «Какъ руки держишь? Мало я тебя училъ! Выше, ниже, вправо, влѣво! Да не такъ нужно держать, а вотъ какъ», и при этомъ бери у него ружье, какъ будто для показа, какъ нужно держать на караулъ. Если оплошаетъ и отдастъ, пристыди и напомни; а не отдастъ—похвали.

Послѣ этого скажи: «Ну, теперь будешь помнить, кому можешь ружье отдать, стоя на часахъ, и все другое?» Навѣрное отвѣтитъ, что будетъ, и скажетъ правду, потому ты его испыталъ. Попадется-ли онъ въ ловушку, или нѣтъ, а помнить будетъ, и въ другой разъ не попадется. «А теперь ступай, довольно!» Если сойдетъ, пристыди, а не сойдетъ, спроси,—почему не слушается. Онъ тебѣ отвѣтитъ, что только разводящій его можетъ смѣнить. Тогда похвали и пошли разводящаго, только не того, кто его поставилъ, а другого.

Если послушается и сойдетъ, пристыди и объясни, что не всякій разводящій его можетъ смѣнить, а только тотъ самый, кто его поставилъ на часы; не послушаетъ—похвали.

Точно такъ-же испытай и на томъ, чтобы ничего на храненіе не бралъ.

Само собою разумѣется, что можно такъ перебрать молодыхъ солдатъ и не по одиночкѣ, а двухъ или трехъ разомъ; лишь бы ставить ихъ часовыми на такомъ разстояніи, чтобы другіе не слышали, какъ ты ловишь одного.

Для вѣрности—одного урока мало, а нужно сдѣлать два-три.

И когда это молодой солдатъ твердо узнаетъ, тогда ты ему уже словесно передай, что онъ не можетъ на часахъ сидѣть, спать, ѣсть, пить, курить, нюхать, пѣть, свистать, съ посторонними разговаривать, ружейные пріемы дѣлать. Это можно уже объяснить на словахъ, потому что послѣ такихъ уроковъ онъ пойметъ, что такое „часовой". Да и примѣръ трудно подобрать такой, чтобы показать ему, что онъ спать не долженъ на часахъ. Но если молодой солдатъ глуповатый, то на всемъ остальномъ его испытать можно такъ же, какъ уже показано. Подослать солдатика поговорить съ нимъ, предложить ему трубочку, кусокъ хлѣбца; а если найдется, то чего-нибудь и полакомѣе, селедку тамъ, или что! Для этого лучше выбрать время, когда ему очень хочется ѣсть; примѣрно передъ обѣдомъ, или передъ ужиномъ. Попадется онъ на эту штуку, пристыди; а не попадется—похвали.

Вотъ тебѣ общія обязанности часового и готовы; притомъ готовы въ два, много въ три урока даже съ глупымъ молодымъ солдатомъ, а умному и одного урока на это довольно. Онъ тебѣ, можетъ быть, не съумѣетъ разсказать, да за то съумѣетъ сдѣлать, а вѣдь этого и нужно добиваться.

Не краснобаевъ мы должны готовить, а честныхъ и толковыхъ исполнителей царской службы.

ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРА.

При современныхъ короткихъ срокахъ службы солдата, сформировать его можетъ только офицеръ, конечно, при помощи унтеръ-офицеровъ и учителей, которыхъ сформируетъ онъ-же самъ въ предшествующіе годы; и будутъ они ему помощниками въ такой-же степени, въ какой онъ приложилъ къ нимъ свою работу—добросовѣстно, настойчиво и толково.

Такимъ образомъ, **офицеръ долженъ самъ воспитать и образовать солдата.**

Что нужно офицеру въ нравственномъ отношеніи, чтобы сформировать солдата?

Чтобы въ томъ и другомъ достигнуть удовлетворительнаго успѣха выпускаемый изъ училища офицеръ долженъ:

I. **Быть твердымъ въ тѣхъ основахъ, на которыхъ зиждется воспитаніе солдата.**

Если припомнимъ, эти основы были:

а) преданность, Государю и Родинѣ до самоотверженія;

б) дисциплина;

в) вѣра въ нерушимость (святость) приказанія;

г) храбрость (рѣшительность, неустрашимость);

д) рѣшимость безропотно переносить труды, холодъ, голодъ и всѣ нужды солдатскія;

е) чувство взаимной выручки;

Эти основы должны быть **свойственны** всѣмъ безъ исключенія выпускаемымъ изъ училищъ и производимымъ по экзамену офицерамъ. Лица, которыя призваны сказать про представляемыхъ къ производству послѣднее слово „**достоенъ**“, или „**не достоенъ**“, производства въ первый офицерскій чинъ, берутъ на себя большую нравственную отвѣтственность за каждаго произведеннаго въ офицеры съ завѣдомо-неустойчивыми нравственными основами.

Вышеприведенныя основы рѣзко подраздѣляются на двѣ группы.

Основы первой группы, каковы: преданность Государю и Родинѣ, дисциплина, вѣра въ нерушимость приказанія—**должны и могутъ** окончательно утвердиться въ выпускаемыхъ изъ училищъ; при малѣйшемъ колебаніи въ одной изъ этихъ основъ молодой человѣкъ вовсе не можетъ быть допущенъ до офицерскаго званія; пребываніе такого офицера въ войсковой части съ первыхъ же дней можетъ оказаться пагубнымъ и для него самого, и для ввѣренныхъ ему солдатъ; никакихъ добрыхъ надеждъ въ будущемъ нѣтъ основанія возлагать на такого офицера.

Основы второй группы, каковы: храбрость, рѣшимость переносить тягости службы, чувство взаимной выручки—**не всегда могутъ** развиться на школьной скамьѣ; поэтому лучше, если ихъ

проявленіе уже наблюдается у выпускаемыхъ изъ училищъ, но и при отсутствіи этого проявленія молодой человѣкъ не погибъ еще для военной службы, потому что работой надъ собою онъ можетъ выработать эти качества впослѣдствіи; да кромѣ того, боевая обстановка столь сильно разнится отъ мирной, что для предрѣшенія,—кто будетъ храбръ въ бою и кто не будетъ, кто окажется выносливымъ и кто нѣтъ, кто проявитъ чувство взаимной выручки и кто его не проявитъ—едва-ли найдутся заранѣе достаточно-убѣдительныя основанія.

Твердость въ основахъ первой группы настоятельно необходима по той причинѣ, что безъ этихъ основъ военная служба для человѣка обращается лишь въ болѣе или менѣе выгодное предпріятіе и будетъ для него таковымъ до той рѣшительной минуты, когда измѣна присягѣ покажется ему болѣе выгодной, чѣмъ ея исполненіе. Чѣмъ больше столь ненадежныхъ единицъ будетъ терпимо въ арміи, тѣмъ ненадежнѣе будетъ сама армія и тѣмъ неожиданнѣе будутъ разрѣшаться ея операціи, не взирая на численность состава, качество ея вооруженія, состояніе техники и проч. Скажемъ больше: **такая армія задолго до начала войны будетъ обречена на пораженіе.**

Поэтому въ средѣ офицеровъ каждой отдѣльной части должны поддерживаться истинно-товарищескія отношенія, не допускающія перехода чувства товарищества въ равнодушіе къ воинскому долгу или въ попустительство по отношенію мнѣній явно-преступныхъ противъ основъ первой группы. Допустивъ изъ чувства товарищества то, или другое,—офицеры тѣмъ самымъ извратили-бы понятіе о товариществѣ, которое есть чувство взаимное и зиждется на убѣжденіи: «самъ погибай, а товарища выручай»; но какая-же взаимность будетъ тамъ, гдѣ одинъ рѣшился побѣдить или погибнуть, а другой стремится къ побѣдѣ по стольку, по сколько это ему выгодно, по сколько безопасно для его драгоцѣннаго существованія....

При неустойчивости въ основахъ первой группы у офицера не найдется и побудительныхъ причинъ развивать въ себѣ основы второй группы. **Массовая сдача въ плѣнъ, дизертирство, пропажи безъ вѣсти и т. под.**—вотъ **признаки военнаго времени, харак-**

теризующіе армію, въ которой офицеры недостаточно устойчивы въ нравственныхъ основахъ.

Затѣмъ, возможно-ли, чтобы офицеръ, самъ не упрочившійся въ нравственныхъ основахъ, вложилъ эти основы въ солдата и, мало того, вложивши, внушилъ-бы ему убѣжденіе, что слѣдовать этимъ основамъ солдатъ долженъ до самоотверженія? Конечно, невозможно. Отсюда слѣдуетъ, что воспитать солдата въ истинно-воинскомъ духѣ, такой офицеръ не будетъ въ состояніи.

II. Обладать искреннею преданностью и любовью къ военному дѣлу. Изъ отдѣловъ—„воспитаніе солдата“ и „образованіе солдата“—не трудно усмотрѣть, что „обращеніе новобранца въ солдата, не ломая въ немъ человѣка“—дѣло нелегкое; оно требуетъ отъ офицера значительнаго напряженія всѣхъ его силъ; кромѣ того, это дѣло мало замѣтное со стороны, не казовое; добросовѣстно исполнять его можетъ только тотъ, у кого есть любовь къ нему, кто посвятилъ себя этому дѣлу и рѣшился служить ему не только за страхъ, но и за совѣсть; если всего этого нѣтъ,—то лучше бросьте это дѣло и снимите военный мундиръ: для всѣхъ оттого безспорно будетъ только лучше; да и честнѣе это...

III. Помнить, что люди, которые будутъ ввѣрены его попеченію, не въ состояніи примѣняться къ нему, а онъ къ нимъ долженъ примѣниться. Въ этомъ смыслѣ отъ офицера потребуется безконечная терпимость и снисходительность.

Новобранецъ, за крайне рѣдкими исключеніями, является въ часть всегда запуганнымъ, задергать его не долго, да притомъ такъ, что и поправить послѣ будетъ трудно.

Чѣмъ больше со стороны офицера будетъ теплоты, участія, терпѣнія, тѣмъ легче онъ найдетъ доступъ къ сердцу и сознанію молодого солдата; въ такомъ случаѣ лучше пойдетъ его воспитаніе и образованіе, ибо солдатъ увѣруетъ въ офицера, и, увѣровавши, во всемъ послушаетъ.

IV. Въ мѣрѣ возможной для младшаго офицера быть внимательнымъ къ малѣйшимъ нуждамъ подчиненныхъ: загрустилъ который,—спросите: отчего? Нужно-ли написать письмо—напишите и проч. Малѣйшій знакъ вниманія съ вашей стороны отблагодарится сторицею. Загляните, при случаѣ, въ котелъ, въ цейхгаузъ,—всё

это защитается, да и вы будете готовымъ командиромъ, когда подойдетъ очередь получать въ командованіе какую либо часть.

Не пропускайте случайныхъ встрѣчъ съ людьми, вамъ ввѣренными, не спросивъ ихъ о чемъ нибудь, или, не сказавъ съ ними два-три слова. Не говоря о томъ, что этимъ вы пріобщаете солдата къ великому воинскому братству,—это вмѣстѣ съ тѣмъ самый дѣйствительный путь къ его развитію.

Нельзя себѣ представить до какой степени солдатъ это понимаетъ. Люди, съ которыми вы дадите себѣ трудъ такъ поработать, будутъ ваши въ самыя трудныя минуты военной жизни и—не выдадутъ.

V. **Выработать въ себѣ правильное отношеніе къ приказанію.** Офицеръ долженъ добиваться совершенно точнаго исполненія всего по правиламъ уставовъ, не требуя на первыхъ порахъ быстраго и ловкаго исполненія: это приходитъ только со временемъ. Для того, чтобы добиться исполненія по уставу, офицеръ долженъ слѣдить за самимъ собою, чтобы его требованія и приказанія не носили характера каприза: то, что онъ потребовалъ извѣстнымъ образомъ одинъ разъ,—должно требовать такимъ-же точно образомъ постоянно. Выработавъ, такимъ образомъ, **законность** въ самомъ себѣ, офицеръ будетъ чутокъ къ **беззаконности** и не дастъ развиться ей въ своихъ подчиненныхъ, т. е. убережетъ ихъ того, что составляетъ основу самыхъ разнообразныхъ и ужасныхъ преступленій.

Основаніемъ законности требованій является твердое знаніе и пониманіе офицеромъ сущности присяги, уставовъ и инструкцій. Знаніе уставовъ должно быть таково, чтобы офицеръ зналъ въ какой именно послѣдовательности надлежитъ передавать ихъ солдату и что пропускать до поры до времени, т. е. въ первый годъ службы, такъ какъ если потребуете сразу всего, то не получите ничего, или очень мало.

Офицеру надлежитъ твердо помнить, что только то приказаніе можетъ быть точно исполнено подчиненнымъ, которое подчиненный правильно и ясно понялъ. Дабы всегда имѣть увѣренность понято отданное приказаніе или не понято,—начальники всѣхъ степеней, отдавши приказаніе, должны требовать его по-

вторенія; а также, выслушавши докладъ, что приказаніе передано, требовать, чтобы было доложено, какое именно приказаніе, кому и когда передано.

VI. **Обратить особое вниманіе на то, чтобы прежде и тверже всего внушить солдату обязанности и только послѣ того обрядъ.** Солдатъ, напримѣръ, знаетъ всѣ внѣшніе пріемы, какъ заступить на часы, а чьи приказанія долженъ исполнять часовой—не знаетъ. Всё это происходитъ отъ безпорядка въ преподаваніи, ибо съ чего начнете учить, то солдатъ и посчитаетъ важнымъ.

Къ несчастію это-же относится и къ офицерамъ въ нѣкоторыхъ частяхъ: кому выходитъ караулъ для отданія чести—знаютъ, а что онъ долженъ выходить въ случаѣ безпорядка вблизи караульнаго помѣщенія, столпленія народа, пожара—не знаютъ.

У офицера, который строго и честно исполняетъ свои обязанности и солдатъ будетъ такой-же.

VII. **Дѣлить съ солдатомъ тягости службы.** Дорогіе товарищи, молодые господа офицеры, дѣлите съ солдатомъ труды и лишенія въ мирное время, когда служба васъ сталкиваетъ вмѣстѣ, если хотите, чтобы онъ былъ сердцемъ и душою вашимъ въ военное: солдатъ не щадитъ себя только для того офицера, который самъ себя не щадитъ на службѣ. И только тогда самоотверженіе солдата установится безграничнымъ.

Говорятъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ дошло до того, что караульному начальнику стало ужъ и то тяжело, чтобы смѣнившійся караулъ довести къ мѣсту назначенія; караулъ идетъ, а господинъ офицеръ изволитъ ѣхать по той-же дорогѣ въ трамваѣ или на извощикѣ....

На маневрахъ бываетъ и хуже: попадаются такіе господа, которые безъ зазрѣнія совѣсти набиваются въ лазаретныя линейки, назначенныя, какъ извѣстно, для больныхъ и, понятное дѣло, что нижній чинъ какъ-бы онъ ни былъ боленъ, не влезетъ въ линейку, гдѣ водворился господинъ офицеръ. Всё это, господа, бабство и бабство презрительное....

VIII. **Умѣть держать себя по отношенію къ солдату,** т. е. умѣть установить свои отношенія къ солдату такъ, чтобы эти отноше-

нія способствовали дѣлу воспитанія и образованія солдата, не обращаясь ни въ стремленіе къ излишней популярности, ни въ излишнюю суровость, ни въ излишнюю доступность и т. под. Популярничаніе, какъ фальшь, недостойно офицерскаго званія; излишняя суровость отдаляетъ солдата отъ офицера; излишняя доступность заурядъ обращается въ «амикошонство», отъ котораго и до преступленія совсѣмъ не далеко....

Всѣ только что перечисленныя основы, хотя-бы въ задаткѣ, должны быть свойственны молодому, начинающему службу офицеру. Вложить зачатки этихъ основъ въ будущаго офицера можетъ только **семья** и **военная школа**; перевоспитать-же офицера—задача крайне сложная и едва-ли разрѣшимая. Въ виду этого лица, стоящія у дѣла подготовки будущихъ офицеровъ, должны особенно внимательно продумать свои обязанности, а вся система военно-учебныхъ заведеній, должна заключать въ себѣ такія положенія, которыя являлись бы контролемъ дѣятельности этихъ лицъ, контролемъ выясняющимъ пригодность ихъ къ столь высокому дѣлу, какимъ является подготовка офицеровъ арміи.

Офицеръ подготовленный въ духѣ здѣсь изложеннаго будетъ близокъ солдату, и солдатъ будетъ вѣрить такому офицеру безгранично. **Въ мирное время** эта близость офицера къ солдату обезпечитъ правильное воспитаніе послѣдняго и оградитъ его отъ вредныхъ вліяній злонамѣренныхъ лицъ, стремящихся внести разладъ въ отношенія солдата къ офицеру и развратить армію увеличеніемъ числа случаевъ неповиновенія солдатъ начальникамъ. **Въ военное время**—эта близость послужитъ той внутренней спайкой въ арміи, которая сдѣлаетъ самоотверженіе ея безграничнымъ; армія, въ которой офицеръ пользуется довѣріемъ солдата, имѣетъ на своей сторонѣ такое преимущество, которое не можетъ быть пріобрѣтено ни численностью, ни совершенствомъ техники, ни чѣмъ либо инымъ; **это—высшая степень совершенства армейскаго организма.**

Что нужно знать офицеру, чтобы воспитать и образовать солдата?

Для того, чтобы воспитать и образовать солдата, офицеръ, конечно, долженъ твердо знать все, что отъ солдата требуется.

Но одного этого мало.

Необходимо, чтобы офицеръ **умѣлъ хотя-бы приступить къ дѣлу воспитанія и образованія солдата.**

Совершенно законченнаго въ этомъ отношеніи офицера, разумѣется, военно-учебныя заведенія не приготовятъ; воспитателя и учителя солдата въ офицерѣ окончательно выработаетъ дѣйствительная практика.

Однако, возложить всѣ надежды въ этомъ вопросѣ на практику,—значитъ до извѣстной степени отдать дѣло въ руки случайностей и, въ лучшемъ случаѣ, породить большое разнообразіе въ методахъ и пониманіи основныхъ задачъ военнаго воспитанія и образованія.

Если допустить, что методы могутъ быть различны, то все-же приходится признать, что задачи, къ достиженію которыхъ стремятся эти методы, **различными быть ни въ коемъ случаѣ не могутъ.**

При существованіи раскола во взглядахъ на задачи воспитанія и образованія солдата, армія будетъ неустойчива въ нравственномъ отношеніи и пестра—въ военно-техническомъ; такъ, напримѣръ, неправильно, поставленныя основныя задачи воспитанія, будучи привиты хотя-бы въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи, послужатъ въ будущемъ благопріятной почвой для развитія какихъ угодно кривотолковъ, богатыхъ печальными послѣдствіями.

Итакъ, **единство и однообразіе въ пониманіи и толкованіи основныхъ задачъ воспитанія и образованія солдата, для дѣла, положительно необходимы.**

Достигнуть такого единства возможно лишь въ томъ случаѣ, когда будущимъ офицерамъ еще на школьной скамьѣ будутъ преподаны общія основанія подготовки (воспитанія и образованія) солдата.

Въ надеждѣ, что опытъ минувшей войны побудитъ, наконецъ, обратить вниманіе на **„подготовку войскъ“**, мы сосредоточили въ настоящемъ отдѣлѣ необходимыя указанія по этому вопросу. По нашему убѣжденію этотъ отдѣлъ, сдѣлавшись обязательнымъ въ курсѣ училищъ, могъ-бы послужить подготовкѣ будущихъ офицеровъ къ дѣлу воспитанія и образованія солдата

въ духѣ единства пониманія основныхъ задачъ, положительно необходимаго въ настоящее время для правильнаго развитія арміи.

Программы военно-учебныхъ заведеній должны быть разработаны въ объемѣ, необходимомъ для того, чтобы офицеръ, окончивъ курсъ, могъ приступить къ подготовкѣ солдата и былъ-бы знающимъ руководителемъ ввѣренной ему части во всѣхъ случаяхъ боевой обстановки.

Въ частности, всё то, что нужно знать строевому офицеру въ наше время по тактикѣ, мы изложили въ I и II частяхъ нашего учебника (изданіе 3-е, переработанное).

Замѣчаніе о подготовкѣ офицеровъ въ конницѣ.

Независимо изложеннаго о подготовкѣ офицеровъ, по мнѣнію де-Брака, кавалерійскій офицеръ для своей части долженъ быть лекаремъ, ветеринаромъ, сѣдельникомъ, сапожникомъ, хлѣбопекомъ, кузнецомъ и, наконецъ, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, первымъ солдатомъ. Это требованіе не покажется страннымъ, если взять въ разсчетъ, что на войнѣ часто приходится давать самостоятельныя назначенія самымъ слабымъ кавалерійскимъ отрядамъ, отдѣляя ихъ отъ своихъ частей надолго и на значительныя разстоянія.

Вотъ что совѣтуетъ де-Бракъ для достиженія этого идеала [1]): «Кавалерійскій офицеръ долженъ употреблять все свободное время для ознакомленія со своимъ дѣломъ до малѣйшихъ подробностей, дабы умѣть дѣлать все то, что дѣлаетъ солдатъ; командиръ полка долженъ удостовѣряться отъ времени до времени, умѣетъ ли офицеръ чистить лошадь, оружіе и сбрую: «**нельзя командовать тѣмъ, чего не знаешь**».

«Кто хочетъ быть офицеромъ, достойнымъ этого званія, пусть сближается съ людьми, у которыхъ онъ можетъ поучиться; пусть посѣщаетъ людскіе и конскіе лазареты во время обхода медиковъ и ветеринаровъ, и слѣдитъ за ихъ перевязками; пусть

[1]) См. Avantpostes de cavalerie légère. Эта книжка должна бы быть настольною для всякаго кавалериста: такъ она проникнута любовію къ кавалерійскому боевому дѣлу, такъ богата въ высшей степени дѣльными практическими замѣтками о немъ.

не упускаетъ случая поговорить съ людьми опытными и дѣльными, съ солдатами, бывшими на войнѣ, если такіе есть въ полку или въ гарнизонѣ; пусть почаще заглядываетъ въ мастерскія, гдѣ дѣлаютъ и исправляютъ сбрую, одежду и оружіе, и присматривается, какъ это слѣдуетъ дѣлать; пусть, отбросивъ ложный стыдъ, самъ поработаетъ: всѣ эти знанія въ военное время ему пригодятся, ибо, при назначеніяхъ для командованія отдѣльными партіями, они дадутъ ему преимущество передъ всѣми прочими».

«Если ему придется быть въ одномъ гарнизонѣ съ частями другихъ родовъ оружія, то этимъ непремѣнно слѣдуетъ воспользоваться, чтобы ознакомиться съ фортификаціонными сооруженіями, съ занятіями артиллеріи на ея полигонахъ, съ эволюціями пѣхоты. Только при этомъ онъ въ состояніи будетъ судить о большемъ или меньшемъ удобствѣ атаки и обороны, объ отношеніяхъ родовъ оружія между собою, принимая въ разсчетъ быстроту построеній, дальность стрѣльбы, и пр., и пр.».

«Если на границѣ, или во время перемирія, иностранныя войска находятся по близости, пусть онъ приглядывается къ нимъ на аванпостахъ, на бивакахъ, въ казармахъ, на ученіяхъ; пусть замѣчаетъ то, что у нихъ лучше, чѣмъ у насъ, и что полезно было бы перенять».

Въ другомъ мѣстѣ:

«Привычка судить о состояніи здоровья людей и лошадей; знаніе простыхъ врачебныхъ средствъ, примѣнимыхъ въ случаяхъ чаще встрѣчающихся; ежедневный и самый тщательный осмотръ сбруи; умѣнье во время ее исправить; умѣньѣ во время запастись всѣмъ необходимымъ для человѣка и лошади, но безъ обремененія послѣдней; толковая укладка вьюка; равномѣрность аллюра при походныхъ движеніяхъ; хорошій выборъ бивачныхъ мѣстъ; безпрерывное вниманіе ко всему тому, что можетъ, касаться здоровья лошадей; указаніе средствъ обойтись временно безъ кузнеца; умѣнье во время поѣсть и выспаться; изученіе нравственныхъ свойствъ своихъ подчиненныхъ; дисциплина, ни на минуту неослабляемая, что одно мѣшаетъ резонерству солдатъ въ военное время, когда имъ нечего бояться карцера; вниманіе къ тому,

чтобы беречь силы лошади; личный и постоянный примѣръ въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ; способность внушить довѣріе къ себѣ и умѣнье увлечь, фанатизировать людей,—вотъ что въ соединеніи съ храбростью, военнымъ взглядомъ, быстротою соображенія на полѣ сраженія, дѣлаютъ офицера дѣйствительно выходящимъ изъ ряда».

«Кавалерійскому офицеру столь же необходимо умѣть рисовать, какъ и писать, ибо иногда двумя черточками можно больше выразить, чѣмъ исписавъ двѣ страницы».

«Рисованіе представляетъ и другую громадную выгоду въ военномъ отношеніи, ибо оно пріучаетъ внимательно взглядываться, опредѣлять разстоянія, свойства мѣстности и даже образно передавать то, что видѣлъ»[1]).

Все сказанное здѣсь, за исключеніемъ относящагося къ чисто-кавалерійской спеціальности, должно составлять предметъ постоянныхъ занятій и пѣхотнаго офицера преданнаго своему дѣлу.

Замѣчаніе о подготовкѣ офицера къ боевой дѣятельности.

Этимъ мы заканчиваемъ статью „подготовка офицера“, включивъ въ нее соображенія, непосредственно касающіяся **подготовки офицера къ дѣлу воспитанія и образованія солдата.**

Подготовкой къ боевой дѣятельности для офицера является вся его служба въ мирное время, которой руководятъ многія лица самыхъ разнообразныхъ взглядовъ. Поэтому излагать основанія служебной подготовки офицера къ боевой дѣятельности въ настоящее время, при неустановившихся еще взглядахъ на службу и подготовку солдата, считаемъ преждевременнымъ. Въ этомъ вопросѣ мы ограничились предъявленіемъ извѣстныхъ требованій къ офицеру, выполненіе которыхъ обусловливаетъ большую или меньшую степень пригодности его къ управленію войсками. Эти требованія изложены во II-й части учебника, въ отдѣлѣ: **„Управленіе войсками“**. По тѣмъ же причинамъ и **вопросъ о частномъ починѣ** отнесенъ къ этому-же отдѣлу.

---

[1]) Изъ всего сказаннаго видно, что подъ «рисованіемъ» де-Бракъ разумѣетъ собственно черченіе и съемку.

ПОДГОТОВКА ВОЙСКОВЫХЪ ЧАСТЕЙ.

Люди, составляющіе войсковую часть должны быть пріучены, направляя усилія къ достиженію указанной цѣли, согласовать свои движенія и дѣйствія съ товарищами. Это достигается слѣдующими отдѣлами образованія:

I. Строевой подготовкой.

II. Соединеніемъ строя съ дѣйствіемъ оружіемъ—ученіе съ боевыми патронами—и сквозными атаками.

III. Согласованіемъ движеній и дѣйствій съ другими родами войскъ и примѣненіемъ всего предыдущаго къ достиженію данной тактической цѣли—**тактическая подготовка.**

Строевая подготовка.

Не касаясь программъ и росписанія строевыхъ занятій, отмѣтимъ лишь то, что войска, а въ особенности командиры, должны твердо знать и точно исполнять строевые уставы. Но всѣхъ построеній, которыя могутъ потребоваться въ дѣлѣ, въ зависимости отъ того, гдѣ, когда, противъ кого деремся,—уставъ не даетъ и дать не можетъ; онъ даетъ: 1) только основные ихъ типы; 2) команды, по которымъ можно построить не только типы, но и всѣ видоизмѣненія ихъ, вызываемыя только-что указанными условіями (т. е. гдѣ, когда, противъ кого деремся).

Итакъ постоянное и неизмѣнное значеніе въ строевыхъ уставахъ имѣютъ только командныя слова, строевые-же типы приходится примѣнять къ обстановкѣ боя, а, слѣдовательно, и видоизмѣнять. Это будетъ не отступленіе отъ устава, а напротивъ, разумное пользованіе имъ; еще Петръ Великій воспрещалъ держаться устава „яко слѣпой стѣны“, а приказывалъ примѣнять оный „съ разсужденіемъ, подъ страхомъ жестокаго истязанія за неразсужденіе“. Но дабы строевые типы видоизмѣнять съ толкомъ, необходимо знать ихъ, ихъ свойства, умѣть оцѣнить обстоятельства и рѣшить, какой изъ типичныхъ строевъ должно въ данномъ случаѣ употребить и какъ его видоизмѣнить. Безъ практики въ мирное время этого нельзя сдѣлать въ бою, и потому, какъ дальнѣйшее и необходимое развитіе строевого устава,

возникаетъ уставъ прикладной. Онъ представляетъ примѣненіе къ мирному обученію извѣстнаго наполеонскаго совѣта—прилагать ко всякому расположенію войскъ слѣдующіе вопросы: что я сдѣлаю, если непріятель появится съ фронта, съ фланга, съ тыла, въ какомъ-либо обическомъ направленіи? Что я сдѣлаю, если это будетъ пѣхота, конница, артиллерія? Практика въ приложеніи этихъ вопросовъ ко всякому строю отдѣленія, взвода, роты и частей болѣе спльныхъ не должна быть подчиняема точнымъ правиламъ, ибо имѣетъ цѣлью развитіе находчивости, а не памяти. Если командиръ роты и всякой части, проходя каждый строй, практически отвѣтитъ на эти вопросы, т. е. пріучитъ своихъ подчиненныхъ спокойно и быстро принимать положенія, соотвѣтствующія мѣстности, роду противника, разстоянію до него и направленію, въ которомъ онъ предполагается,— ни его часть, ни самъ онъ не будутъ застигнуты врасплохъ никакою неожиданностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній солдатъ увидитъ, а, слѣдовательно, и пойметъ, для чего какой строй пригоденъ, и уничтожится вредное предубѣжденіе относительно фланговъ и тыла, ибо будетъ самимъ дѣломъ показано, что у порядочной части фронтъ всегда тамъ, гдѣ непріятель.

Отсюда слѣдуетъ, что нельзя строевыя ученія составлять только изъ перестроеній; необходимо изучать на мѣстности и свойства каждаго строя.

Основаніемъ прочнаго обученія роты служитъ **работа надъ отдѣленіями.** Всякій ротный командиръ долженъ обращать особое вниманіе на подготовку командировъ отдѣленій, дабы они разумѣли себя вполнѣ отвѣтственными начальниками, какъ въ мирное, такъ, особенно, въ военное время. Если отдѣленія будутъ въ порядкѣ,—рота непремѣнно будетъ въ порядкѣ. Будутъ въ порядкѣ роты,—не трудно добиться толку съ батальонами и т. д.

Отдѣленія составляютъ органическое подраздѣленіе взвода, въ которомъ они отнюдь не исчезаютъ; ихъ существованіе положительно необходимо, такъ какъ смотрѣть за 10-ю—12-ю человѣками легче, нежели за 50-ю.

Нечего и говорить, что это соображеніе особенно примѣнимо къ разсыпному строю, гдѣ отдѣленный командиръ долженъ

являться отвѣтчикомъ за дѣйствія каждаго стрѣлка, за оставленіе строя людьми, за каждую безтолково выпущенную пулю.

Поэтому строевое обученіе частей (роты) надо начинать съ обученія отдѣленіями, **практикуя ихъ по всѣмъ отдѣламъ строевого образованія**; въ отдѣленіяхъ необходимо практиковать всѣ строи: сомкнутый, разомкнутый, одношереножный, разсыпной.

Господа строевые начальники, попробуйте, производя смотръ какой-либо войсковой части, начать повѣрку съ отдѣленій: если вы увидите, что отдѣленія слажены, свободно маневрируютъ и если ихъ командиры справляются съ ними,—въ большинствѣ случаевъ вы найдете, что и вся часть въ строевомъ образованіи—въ порядкѣ.

Если часть учится слабо,—ищите этому причину въ недостаточной слаженности отдѣленій, слѣдовательно и въ недостаточной работѣ надъ ними.

При современныхъ короткихъ срокахъ службы выработать отдѣленныхъ командировъ можетъ только офицеръ, который, поэтому, и долженъ быть отвѣтственнымъ за слабую ихъ подготовку.

Сверхъ сего необходимо помнить, что тамъ, гдѣ командиры отдѣленій толковы, надежны въ нравственномъ отношеніи и умѣютъ держать свои отдѣленія въ рукахъ—офицерская работа съ войсковою частью принесетъ неизмѣримо большіе плоды, нежели тамъ, гдѣ офицеру придется самому работать и за отдѣленныхъ.

Къ строевому обученію части должно отнести и выработку у всѣхъ начальниковъ, не исключая младшихъ, убѣжденія, что **ни одна часть не можетъ находиться безъ охраненія ни на мѣстѣ, ни въ движеніи**; поэтому при обученіи частей надо принять за правило, чтобы всегда онѣ охранялись соотвѣтственнымъ образомъ во всѣхъ случаяхъ.

Конечнымъ элементомъ охраненія является **дозоръ**.

Службу въ дозорѣ должно практиковать по-очереди всѣми нижними чинами части. Только при постоянномъ наблюденіи за тѣмъ, чтобы дозоры высылались во всѣхъ случаяхъ можно достигнуть, что дѣло высылки дозоровъ обратится въ привычку,

какъ обратилось въ привычку, напримѣръ, брать ружье на плечо передъ началомъ движенія и т. под.

Служба дозора основана на умѣніи осматривать мѣстные предметы, поэтому высылая отъ данной части дозоры, необходимо назначать имъ руководителя, который во время самаго движенія дозоровъ практиковалъ-бы ихъ въ осмотрѣ встрѣчающихся на пути предметовъ.

Для повѣрки бдительности службы дозоровъ части весьма полезно на пути движенія ея устраивать засады: это возбудитъ интересъ къ дѣлу и соревнованіе, а также послужитъ наглядным доказательствомъ того, какъ поставлена служба дозоровъ въ данной части.

Соединеніе строя съ дѣйствіемъ оружіемъ.

Дабы опредѣлить, въ чемъ долженъ заключаться этотъ отдѣлъ образованія, нужно обратиться къ бою.

Дѣйствія въ бою пѣхоты представляютъ два періода: 1) **періодъ огнестрѣльный**, 2) **періодъ удара въ штыки**, заключающій въ себѣ движеніе въ атаку и самый ударъ.

Упражненіе въ **огнестрѣльномъ дѣйствіи** при тѣхъ условіяхъ, при какихъ оно имѣетъ мѣсто въ бою, достигается ученіемъ съ боевыми патронами противъ мишеней; **подготовка войскъ къ штыковому удару** достигается: 1) атаками противъ видимыхъ неодушевленныхъ цѣлей; 2) сквозными атаками пѣхоты на пѣхоту, конницы на пѣхоту и пѣхоты на конницу.

Ученіе съ боевыми патронами.

Ученіе съ боевыми патронами пріучаетъ солдата исполнять эволюціи, предписываемыя уставомъ, сопровождая ихъ стрѣльбой. Слѣдовательно сюда войдутъ: не только наступленіе и отступленіе, но перемѣна фронта, развертываніе части съ открытіемъ огня и всѣ соотвѣтствующія эволюціи цѣпи и резерва.

Подобныя ученія приносятъ слѣдующую пользу:

Обучая войска при боевой обстановкѣ (за исключеніемъ непріятеля), сразу видно, что изъ уставныхъ построеній удобоисполнимо, и что нѣтъ; все сложное и ненужное естественно ис-

чезнетъ изъ уставовъ; исчезнетъ и стремленіе вводить что либо подобное вновь. Начальники уѣдутъ за фронтъ, т. е. туда, гдѣ будутъ находиться въ первый періодъ боя, а люди привыкнутъ слушать команду сзади. Начальники и солдаты, имѣя цѣль впереди, будутъ обращать преимущественное вниманіе на нее, а не на чистоту равненія и т. п. Все это само собою заставитъ чаще вспоминать о боѣ и боевыхъ условіяхъ. Авось вспомнятъ и то, что бою репетицій дѣлать нельзя и что, слѣдовательно, и въ мирное время должно вести войска такъ, чтобы они репетицій не знали; но такъ какъ репетиціи возникли вслѣдствіе заблаговременно назначаемыхъ смотровъ, то начальники, проникнувшіеся этими мыслями замѣнятъ ихъ смотрами, неожиданно назначаемыми. Это будетъ большимъ улучшеніемъ, и нравственнымъ, и боевымъ: нравственнымъ,—ибо заблаговременно назначаемый смотръ служитъ болѣе для того, чтобы скрыть настоящее состояніе части, нежели показать его; боевымъ,—ибо въ повѣркѣ знанія войсками своего дѣла все должно быть основано на неожиданности, играющей въ бою первостепенную роль [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ эта система смотровъ отразится благодѣтельно и на характерѣ образованія солдата вообще: начальники частей, не зная, что и когда у нихъ будутъ смотрѣть, должны будутъ заниматься всѣмъ одинаково въ теченіе круглаго года; заблаговременно же назначаемые смотры должны притягивать ихъ вниманіе исключительно къ предмету смотра.

Измѣнится, наконецъ, и характеръ самыхъ ученій: въ нихъ будутъ обращать преимущественно вниманіе на спокойствіе движеній, а не на быстроту, доведенную до той степени, на которой она составляетъ уже суетливость, а не боевую ловкость войскъ. А въ бою нѣтъ недостатка болѣе вреднаго, какъ суетливость: кто привыкъ суетиться, тотъ и теряется весьма легко.

Наконецъ, въ отношеніи дисциплины, поймутъ, что одинаково вредно и предоставлять солдату излишнюю свободу, и излишне

---

[1]) Подъ заблаговременно назначаемыми смотрами разумѣются здѣсь только частные смотры, т. е. имѣющіе цѣлью повѣрку какого либо одного отдѣла образованія. Смотры же общіе, имѣющіе цѣлью повѣрку всей годовой работы и по всѣмъ отдѣламъ образованія, должны остаться и дѣлу не вредятъ, ибо на такомъ смотру нельзя показаться хорошо послѣ нѣсколькихъ репитицій, а нужно работать круглый годъ.

подавлять его, ибо первое повредитъ маневрированію, второе—стрѣльбѣ. Возникаетъ, слѣдовательно, изъ самыхъ занятій пониманіе необходимости ставить законъ выше личности и начальника, и подчиненнаго.

Способъ подготовки ко второму періоду боя придуманъ еще безсмертнымъ Суворовымъ, но былъ забытъ послѣ него, благодаря увлеченію внѣшностью Фридриховской системы воспитанія войскъ. Заключается онъ въ атакахъ сквозныхъ и противъ видимыхъ неодушевленныхъ цѣлей. Сквозныя атаки.

Суворовъ требовалъ, чтобы атакѣ была непремѣнно видимая цѣль [1]), ибо понималъ, что только при этомъ условіи, какъ солдаты, такъ и начальники могутъ привыкнуть къ опредѣленію разстояній, съ которыхъ должно вести въ атаку. Къ этому атака въ пустое пространство пріучить не можетъ, а между тѣмъ привычка къ глазомѣру здѣсь такъ же важна, какъ въ фехтованіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось «во время ученія командовать «стой» и бить «отбой» на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ предполагается непріятель»: намекъ на то, что ранѣе не должно и думать останавливаться. Къ этому должно присовокупить, что при атакахъ требовалось одно равненіе—«по переднимъ», т. е. по тѣмъ, кто больше рвется впередъ; ретирадъ (т. е. отступленій) не допускалось ни въ какомъ случаѣ: объ нихъ запрещено было даже и помышлять.

При двухсторонихъ маневрахъ другихъ атакъ, кромѣ сквозныхъ, не было. Вотъ какъ говоритъ о нихъ самъ Суворовъ въ своей инструкціи австрійцамъ, данной въ 1799 году, въ Италіи: «Въ этомъ и весь секретъ: пѣхота проходитъ сквозь пѣхоту и кавалерію, кавалерія сквозь пѣхоту и кавалерію; а какъ только прошли всѣ насквозь,—строятся линіи опять на прежнемъ разстояніи, гдѣ и командовать «стой».—Задняя линія проходитъ сквозь переднюю и на-лѣво кругомъ; кавалерія по четыре налѣво кругомъ. Тутъ уже станутъ на заднюю шеренгу. Тотъ же самый маневръ повторяется снова. Армія, которая была атакующею, теперь уже стоитъ на мѣстѣ; а стоявшая прежде, теперь атакуетъ—и тоже самое наблюдаетъ». При сквозныхъ атакахъ пѣ-

[2]) Заборъ, канава, изгородь и т. п.

хоты на пѣхоту нѣтъ надобности размыкать рядовъ, а должно требовать, чтобы противопоставленные строи протискивались одинъ сквозь другой и затѣмъ немедленно возстановляли порядокъ. При атакѣ конницы на пѣхоту, оба строя размыкаются на пять шаговъ между рядами, равно какъ и при атакѣ конницы на конницу.

Разсмотримъ, что должна дать подобная система обученія.

Она пріучаетъ, во-первыхъ, къ виду массъ, рѣшительно на насъ наступающихъ: эта привычка то же, что въ одиночномъ фехтованіи привычка видѣть у груди остріе штыка. Но, рѣшаясь пріучать къ этому, какое правило принять для остановки? Остановка вдали не будетъ достигать цѣли; чѣмъ ближе остановиться, не дойдя до непріятеля, тѣмъ хуже: ибо остановка на разстояніи значительномъ отъ него можетъ зависѣть отъ разныхъ причинъ; остановка вблизи показываетъ одно—не хватило духу сойтись на штыкъ [1]). Гдѣ же останавливать? Суворовъ разрѣшаетъ геніально эту задачу: останавливать атаку, пройдя насквозь враждебную массу.

Кромѣ практики въ глазомѣрѣ, уже противъ живой цѣли, этотъ пріемъ обученія давалъ возможность: 1) обойти ненавистныя Суворову ретирады, ибо у него обѣ стороны оставались побѣдителями; 2) учить войска такъ, чтобы для нихъ не было различія между тѣмъ—на заднюю ли, или на переднюю шеренгу драться съ непріятелемъ.

То и другое показываетъ глубокое знаніе человѣческаго сердца: ретирадамъ обучать не должно, потому что это дѣйствіе отвѣчаетъ инстинкту самосохраненія, который, какъ уже сказано, должно стараться притуплять, а не развивать въ солдатѣ. Атаками то на заднюю, то на переднюю шеренгу, безразлично, Суворовъ пріучалъ свои войска не придавать большого значенія тому, какая шеренга впереди, и, такимъ образомъ, предохранялъ ихъ отъ впечатлѣнія, производимаго неожиданнымъ появленіемъ непріятеля въ тылу. И военная исторія показываетъ, что для Суворовскаго солдата, дѣйствительно, не существовало ни тыла,

[1]) Имѣя это въ виду, станетъ ясно, что остановка атаки въ 50 шагахъ отъ противника пріучаетъ не къ атакѣ, а къ остановкѣ въ тотъ именно моментъ ея, когда думать не должно объ остановкѣ.

ни фланговъ: былъ «фронтъ» вездѣ, откуда ни появлялся непріятель. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при сквозныхъ атакахъ возникаетъ сама собою практика въ быстромъ возстановленіи порядка вслѣдъ за свалкою: пріемъ въ высшей степени важный въ бою и который должно обратить войскамъ въ привычку, до такой степени сильную, чтобы послѣ атаки они сами думали о порядкѣ, не ожидая напоминанія отъ начальниковъ.

Польза и необходимость сквозныхъ атакъ пѣхоты на конницу, и на оборотъ, еще осязательнѣе.

Сквозныя атаки пріучаютъ всадниковъ и лошадей къ пѣхотѣ, особенно если послѣдняя встрѣчаетъ ее залпомъ, и пѣхотинцевъ къ конницѣ. Понятно, что при дѣйствительной атакѣ на пѣхоту не трудно пустить вскачь ту лошадь, которая пѣхоты не боится, потому что ее знаетъ, и на оборотъ—какъ бы отлично лошадь ни была наскакана, она не понесется съ полною рѣшительностію на пѣхоту, если не привыкла ее видѣть близко въ мирное время. То же относится и до пѣхотинца. Видъ кавалерійской атаки не можетъ быть не страшенъ и по быстротѣ движенія, и по большой массѣ, которая грозитъ раздавить. Нужно, слѣдовательно, пріучить нервы солдата къ тому, чтобы онъ спокойно и не дрогнувъ могъ смотрѣть на приближающійся кавалерійскій ураганъ. Суворовскія сквозныя атаки пріучаютъ его къ этому самымъ лучшимъ и вполнѣ отвѣчающимъ боевымъ требованіямъ образомъ.

Тактическая подготовка.

Тактическія дѣйствія отрядовъ, состоящихъ изъ всѣхъ родовъ войскъ требуютъ: 1) умѣнія примѣнить строевое образованіе войскъ и соединеніе строя съ дѣйствіемъ оружіемъ къ достиженію данной тактической цѣли; 2) умѣнія каждаго рода войска согласовать свои движенія и дѣйствія съ другими родами войскъ.

Первое требованіе достигается: 1) соотвѣтственной тактической подготовкой частей каждаго рода войскъ и 2) совмѣстными маневрами отрядовъ, составленныхъ изъ разныхъ родовъ войскъ.

Второе требованіе достигается: 1) взаимнымъ ознакомленіемъ разныхъ родовъ войскъ и 2) правильнымъ пониманіемъ каждымъ родомъ войскъ своихъ отношеній къ прочимъ родамъ войскъ.

Тактическая подготовка войсковыхъ частей.

Для достиженія боевыхъ цѣлей одного знанія уставовъ недостаточно, необходимо имѣть понятіе о томъ, какъ примѣнять уставныя формы при дѣйствіяхъ противъ другихъ родовъ войскъ, взятыхъ отдѣльно и въ совокупности; какъ пользоваться этими формами въ зависимости отъ дѣйствій противника, свойствъ мѣстности и проч.; иначе говоря, необходимо подготовить часть **въ тактическомъ отношеніи.**

Переходъ сразу къ рѣшенію тактическихъ задачъ невозможенъ; сначала надо показать простые тактическіе пріемы въ отдѣльности, примѣняя ихъ къ различнымъ, наиболѣе типичнымъ, даннымъ обстановки. Когда эти простые пріемы будутъ усвоены, тогда уже возможно перейти къ ихъ комбинаціямъ, т. е. къ рѣшенію тактическихъ задачъ.

Съ полнымъ убѣжденіемъ говоримъ, что до тѣхъ поръ, пока тактика не будетъ показываема войскамъ въ полѣ по пріемамъ, и пока всякій новый пріемъ не будетъ показанъ самимъ начальникомъ, нельзя и расчитывать на толковое исполненіе тактическихъ комбинацій.

Только такимъ путемъ тактическое образованіе можетъ быть дѣйствительнымъ въ войскахъ.

Пора, наконецъ, признать, что въ этомъ отношеніи въ нашей арміи дѣло далеко не подвинулось.

Въ тактической выработкѣ войскъ надо поступать точно такъ-же, какъ поступаемъ въ строевой выработкѣ.

Никому вѣдь и въ голову не придетъ потребовать, напримѣръ, правильной стойки, прикладки, спуска курка и т. под., не показавши на себѣ, по частямъ, какъ это дѣлается, а между тѣмъ многіе у насъ не затрудняются потребовать прямо, безъ предварительнаго показа по частямъ, вещей несравненно болѣе трудныхъ и сложныхъ, какъ: прикрытіе артиллеріи, толковое вожденіе разъѣздовъ и, наконецъ, даже самое сложное—наступленіе къ противнику съ цѣлью атаковать его и проч.

Нельзя скрывать отъ себя, что усвоеніе тактики указаннымъ путемъ—дѣло трудное, требующее солидныхъ знаній и работы отъ офицерскаго состава. Подать рядъ командъ, не допускающихъ ни возраженій, ни вопросовъ со стороны исполнителей, доступно всякому, знающему командный уставной языкъ, а чтобы толково объяснить, какъ, напримѣръ, провести резервъ подъ огнемъ противника,—господину офицеру придется поработать.... Такъ пусть и поработаетъ; на то онъ и офицеромъ называется.

Довольно существенныя препоны слѣдованію по такому пути въ дѣлѣ тактическаго образованія полагаютъ личное самолюбіе и опасеніе офицеровъ-руководителей за свой авторитетъ.... Однако, руководитель, преданный своему дѣлу, не долженъ бояться и самъ учиться, слѣдовательно и ошибаться; тогда и руководимые не будутъ бояться ошибокъ. Должно искренне сознавать свои ошибки, а не притворятся безгрѣшнымъ, тогда и руководимые будутъ поступать такъ-же.

Объемъ тактической подготовки войсковыхъ частей указанъ въ части I-ой нашего учебника тактики (изданіе 3-е, переработанное).

Въ развитіе изложеннаго въ этомъ учебникѣ слѣдуетъ:

а) Практиковать части **въ прикладномъ уставѣ**; эта практика дастъ понятіе о томъ, какъ должно встрѣчать непріятеля, изъ всякихъ положеній нашихъ войскъ съ какой-бы стороны онъ ни появился; о томъ—къ чему каждый строй пригоденъ; она же пріучаетъ людей и младшихъ начальниковъ къ вниманію по отношенію къ противнику и мѣстности.

Такимъ образомъ практика въ прикладномъ уставѣ явится связующимъ звѣномъ между строевой и тактической подготовкой части.

б) Сдѣлать **учебное походное движеніе** съ мѣрами охраненія для того, чтобы во время движенія дать войскамъ практику въ разнаго рода сноровкахъ и пріемахъ, касающихся собственно исполненія походнаго движенія; во время рѣшенія болѣе сложныхъ задачъ (маневръ), гдѣ вниманіе поглощается рѣшаемой задачей, эти важныя для дѣла мелочи—заурядъ упускаются изъ виду.

Сюда относятся: 1) постоянное поддержаніе связи между колоннами тѣмъ, чтобы начальникъ каждой колонны доносилъ старшему начальнику о времени, въ которое онъ достигаетъ на походѣ извѣстнаго рубежа или предмета (переправа, деревня и т. п.); когда сталъ на привалъ, когда снялся съ него; если встрѣтилъ препятствіе движенію, то какое и на сколько времени оно можетъ задержать; 2) разные пріемы уравненія движенія колоннъ; 3) движеніе на выстрѣлы; когда оно умѣстно, когда нѣтъ? Все это вещи настолько важныя, что ихъ необходимо обратить начальникамъ въ рутину. Единственное для этого средство выдѣлить походное движеніе въ особое упражненіе, посвященное исключительно тому, чтобы все сказанное было пунктуально исполнено на походѣ.

Когда все это будетъ показано въ отдѣльности, можно приступить къ рѣшенію тактическихъ задачъ, т. е. къ маневрамъ, и тогда одинъ маневръ будетъ поучительнѣе, нежели нѣсколько, сдѣланныхъ безъ перечисленныхъ подготовительныхъ занятій.

Нѣкоторыя замѣчанія относительно обученія въ мирное время атакъ и занятію мѣстныхъ предметовъ.

Активное примѣненіе къ мѣстности заключается, какъ уже извѣстно, въ умѣньѣ ловко преодолѣвать встрѣчаемыя преграды и такъ подходить къ противнику, чтобы потерпѣть отъ его огня возможно меньше; кромѣ того сюда же должно отнести: 1) умѣнье выбрать въ непріятельскомъ расположеніи мѣсто для прорыва, возможно болѣе легкаго [1]) и съ возможно меньшими потерями, и умѣнье организовать обходъ и охватъ; 2) привычку маневрировать на самыхъ закрытыхъ мѣстахъ, не теряя связи ни въ цѣпи, ни въ резервахъ.

Это пріобрѣтается не преподаваніемъ какихъ либо правилъ, а практикой на пересѣченныхъ мѣстахъ; поэтому ученія на ровной мѣстности для начальниковъ и солдатъ не даютъ всей необходимой практики, пріучая ихъ къ легчайшему изъ того, что

[1]) Эта легкость опредѣляется не одною только удободоступностью; иногда легче всего прорваться на самыхъ недоступныхъ мѣстахъ, потому что непріятель, попадѣявшись на неудободоступность, не оберегаетъ ихъ.

придется исполнять на самомъ дѣлѣ, и пріучая зачастую не такъ, какъ нужно для дѣла.

Пассивное примѣненіе къ мѣстности имѣетъ цѣлью: 1) укрытіе цѣпи для большей мѣткости огня и для сбереженія людей; 2) укрытіе резерновъ для сбереженія ихъ до удара въ штыки. Имѣя въ виду эти двѣ цѣли, не трудно выбрать на всякой мѣстности закрытія, удобныя для цѣпи и выгодныя для резервовъ; не трудно также видѣть, какими средствами устранить, отчасти или вполнѣ, неудобства, представляемыя закрытіями, если вполнѣ удобныхъ нѣтъ.

Для цѣпи хороши тѣ закрытія, которыя не препятствуютъ ни одному стрѣлку видѣть непріятеля и стрѣлять по немъ; ясно, слѣдовательно, что необходимое условіе стрѣлковой позиціи, заблаговременно избираемой, составляетъ пространство впереди ея, открытое на болѣе или менѣе значительное разстояніе. Если притомъ закрытіе такого рода, что прорваться за него безъ потери сомкнутости нельзя, то это еще лучше.

Въ резервахъ нѣтъ надобности видѣть каждому человѣку, что происходитъ въ цѣпи; достаточно, если это видитъ, или хоть знаетъ, одинъ начальникъ резерва, дабы быть въ состояніи двинуть его къ цѣпи въ рѣшительную минуту. Слѣдовательно здѣсь необходима свобода сообщенія съ цѣпью, или съ боевою частію, точно такъ-же, какъ въ цѣпи необходима возможность видѣть непріятеля.

Имѣя въ виду эти два условія, не трудно занять какой угодно мѣстный предметъ наивыгоднѣйшимъ образомъ. Такъ, напр., въ деревнѣ цѣпь расположится по окраинѣ, обращенной къ противнику, состоящей обыкновенно изъ изгородей, канавъ, земляныхъ валиковъ и т. под.; резервы станутъ за ближайшими къ окраинѣ строеніями; если между ними и цѣпью случатся изгороди или другія предметы, затрудняющіе сообщеніе съ нею, то въ нихъ должны быть сдѣланы удобные проходы для резервовъ.

Въ лѣсу цѣпь займетъ опушку; резервы же будутъ придерживаться такихъ мѣстъ, отъ которыхъ движеніе къ цѣпи удобно (дороги, просѣки); тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, резервы заблаговременно

становятся ближе къ цѣпи и, кромѣ того, начальники ихъ должны принять мѣры, чтобы все происходящее въ цѣпи узнавать немедленно и во-время поспѣвать къ ней на помощь.

Во всякомъ предметѣ, чѣмъ онъ болѣе затрудняетъ передвиженіе войскъ, тѣмъ легче можетъ произойти столпленіе; слѣдовательно, вообще, **мѣстные предметы должно занимать самымъ необходимымъ только числомъ войскъ.** Это обстоятельство и еще возможность движенія къ цѣпи по нѣкоторымъ только направленіямъ указываютъ на необходимость въ предметахъ, наиболѣе пересѣченныхъ, имѣть за цѣпью болѣе частыя, нежели сильныя, подкрѣпленія, т. е. на необходимость раздѣленія не только батальона на роты, а иногда даже ротъ на полуроты или взводы.

Занимая высоту, пользуются небольшими закрытіями на скатѣ для расположенія цѣпи; если ихъ нѣтъ, то цѣпь располагаютъ вдоль края вершины такъ, чтобы люди могли обстрѣливать скатъ, обращенный къ непріятелю, но сами были бы по возможности менѣе видимы. Резервы располагаются на столько отступя отъ вершины, чтобы не показываться непріятелю, но быть въ состояніи во-время поспѣть на выручку цѣпи.

Гдѣ нѣтъ естественныхъ закрытій, уменьшаютъ дѣйствительность непріятельскихъ выстрѣловъ, приказывая людямъ резерва ложиться, а также размыкая ихъ, или дѣлая то и другое вмѣстѣ. Въ цѣпи всякій человѣкъ, не ожидая приказанія, располагается такъ, чтобы представлять меньшую цѣль, но не теряя возможности видѣть противника и стрѣлять по немъ.

Если время позволяетъ, то на открытыхъ мѣстахъ должно прибѣгать къ закрытіямъ искусственнымъ. Самое простое изъ нихъ—окопъ. Направленіе окоповъ опредѣлится направленіемъ, которое намѣрены дать фронту своей цѣпи.

Вотъ какимъ образомъ устраняются невыгодныя свойства мѣста, занимаемаго для боя, а выгодныя обращаются въ пользу. Изъ сказаннаго видно, что это достигается: 1) назначеніемъ соотвѣтственнаго количества войскъ на каждый мѣстный предметъ и ихъ расположеніемъ, соотвѣтствующимъ свойствамъ предмета; 2) искусственными работами для уничтоженія преградъ, намъ

мѣшающихъ, или для возведенія такихъ, которыя мѣшали бы непріятелю.

Дѣйствія цѣпи, занимающей позицію или предпринимающей атаку позиціи непріятельской, объяснены въ части I-й учебника. Здѣсь замѣтимъ только, что на счетъ того, когда употребить штыкъ, когда пулю, правилъ дать нельзя: все будетъ зависѣть отъ глаза и толка распоряжающагося дѣйствіями, который долженъ взять въ разсчетъ и разстояніе до противника, и состояніе его и нашего духа, и мѣстныя обстоятельства, и, наконецъ, случайности минуты. Если непріятель не охотно сходится на штыкъ,—чѣмъ скорѣе дѣло до штыка дойдетъ, тѣмъ лучше. Если напротивъ, то лучше его сначала подержать подъ огнемъ, а затѣмъ уже перейти къ удару въ штыки.

Ясно, что въ этомъ дѣлѣ **спокойствіе** и **находчивость** значатъ все. При маневрированіи, собственно, практика въ этихъ качествахъ возможна только тогда, когда, занимаясь имъ, не столько будутъ хлопотать о замѣчаніяхъ за отступленіе отъ мелкихъ тактическихъ требованій, сколько о соблюденіи всѣми основъ военнаго искусства, давая просторъ самостоятельности въ деталяхъ исполненія.

Конечно и въ деталяхъ могутъ случаться промахи, слишкомъ уже рѣзкіе: ихъ не должно оставлять безъ замѣчаній; но дѣлать эти послѣднія слѣдуетъ такъ, чтобы они являлись, какъ совѣтъ лучшаго, а не какъ выговоръ за упущеніе.

Отдѣлу «**атака и занятіе мѣстныхъ предметовъ**» должно быть отдано болѣе значительное вниманіе, чѣмъ это было до сихъ поръ въ нашей арміи, и, по нашему убѣжденію, **ни одинъ ротный командиръ не вправѣ считать свою роту подготовленной для боя, если онъ не добился толковаго дѣйствія у мѣстныхъ предметовъ.**

Совмѣстныя маневры отрядовъ изъ разныхъ родовъ войскъ.

Эти занятія состоятъ: а) въ одностороннихъ маневрахъ съ обозначеннымъ противникомъ и б) въ двухсторонихъ маневрахъ.

Односторонніе маневры. Односторонніе маневры должны имѣть цѣлью практику войскъ въ осуществленіи опредѣленныхъ тактическихъ предположеній. Въ сущности это будетъ при-

мѣненіе къ рѣшенію извѣстной тактической задачи всего того, что на подготовительныхъ упражненіяхъ было показано по частямъ.

На этомъ основаніи, при систематическомъ веденіи занятій, односторонніе маневры должны имѣть цѣлью пройти атаку и оборону всевозможныхъ мѣстныхъ предметовъ (высоты, рощи, деревни, оврага, переправы и проч.). При оборонѣ слѣдуетъ показать, такъ называемыя, **короткія атаки**, т. е. частное отраженіе атакующаго и возвращенія на прежнюю позицію. При атакѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на **подпираніе** изъ резервовъ.

Отправляясь отъ одного изъ основныхъ Суворовскихъ правилъ, что всякому упражненію должна быть непремѣнно видимая цѣль, противникъ на одностороннихъ маневрахъ долженъ быть обозначенъ или какимъ либо рѣзко очерченнымъ мѣстнымъ рубежемъ, или же отдѣльными людьми. Намъ кажется, что обозначеніе непріятеля командами, которыя при томъ представляютъ собою извѣстныя части, иногда даже маневрирующія, представляется безполезнымъ усложненіемъ. Достаточно, если обозначенъ линія предполагаемаго расположенія цѣпи противника.

На односторонніихъ маневрахъ должно въ особенности обращать вниманіе на то, чтобы приказанія отдавались дѣльно и, въ порядкѣ постепенности, доходили бы даже до рядовыхъ, по скольку къ нимъ относятся. На утвержденіе привычки всегда указывать цѣль исполнителямъ должно быть обращено особенное вниманіе.

Односторонніе маневры, представляя всѣ средства для методическаго веденія занятій, неудобны тѣмъ, что при нихъ предполагаемому или обозначенному противнику всегда предоставляется болѣе или менѣе пассивная роль. И потому курсъ тактическаго образованія въ полѣ долженъ быть завершаемъ двухсторонними маневрами всѣхъ трехъ родовъ войскъ. Въ настоящее время иной разъ ихъ начинаютъ съ полковъ, которымъ придаютъ соотвѣтственное количество конницы и артиллеріи. Но, принимая въ расчетъ практику дѣла, нельзя не прійти къ убѣжденію, что, для начала, подобные отряды слишкомъ велики, ибо начальнику отдѣльной части поздно знакомиться съ распоряженіемъ другими

родами войскъ. Сколько можно судить, двухсторонніе маневры предпочтительнѣе начинать съ двухъ батальоновъ, которымъ придавать 4—8 орудій и 1—2 эскадрона. Командирами такихъ отрядовъ назначать батальонныхъ, штабъ-офицеровъ изъ конницы, батарейныхъ командировъ и дивизіонеровъ, по очереди, дабы штабъ-офицеры каждаго рода войска были ознакомлены съ управленіемъ всѣми ими до назначенія полковымъ командиромъ, когда уже поздно учиться, а нужно учить другихъ. Маневры батальонные хороши и тѣмъ, что ихъ весьма удобно заканчивать сквозными атаками. При сплахъ болѣе значительныхъ это упражненіе представляетъ нѣкоторыя затрудненія.

Двухсторонніе маневры. Двухстороннее маневрированіе соотвѣтствуетъ фехтованію съ противникомъ и представляетъ одинакія съ нимъ выгоды и неудобства. Если припомнятъ, фехтованіе съ противникомъ развиваетъ примѣрные удары, т. е. ловкіе, но неспльные и немѣткіе. Въ двухстороннемъ маневрированіи эта примѣрность выражается слѣдующимъ:

1) Такъ какъ всякій маневръ имѣетъ цѣлью занять выгоднѣйшее относительно противника положеніе, то обыкновенно бываетъ, что тотъ, напр., кто обошелъ, считается побѣдителемъ, между тѣмъ какъ въ дѣлѣ обойти мало, а нужно еще разбить, т. е. дѣло окончательно рѣшается дѣйствіемъ оружія, а не занятіемъ выгоднѣйшаго положенія. Бывали въ бою примѣры, что обошедшій оканчивалъ тѣмъ, что сдавался въ плѣнъ. Слѣдовательно обходъ, самъ по себѣ, еще не даетъ побѣды. Отъ этого происходитъ, что въ войскахъ, много занимавшихся двухстороннимъ маневрированіемъ, является страхъ быть обойденными и желаніе обходить во что бы то ни стало. А между тѣмъ сомнѣнія быть не можетъ въ томъ, что способный сойтись грудь съ грудью не затруднится сдѣлать обходъ, и на оборотъ: привыкшій полагаться на обходъ не всегда бываетъ въ состояніи сойтись на штыкъ.

По нашему убѣжденію не слѣдуетъ, вообще, увлекаться обходами подъ вліяніемъ примѣра минувшей войны 1904—05 г.г.; тамъ обходы были безусловно необходимы, благодаря мѣстнымъ

особенностямъ. Конечно, отсюда не слѣдуетъ, что мы отрицаемъ значеніе обхода, какъ маневра.

2) При двухстороннемъ маневрированіи сходиться на штыки позволить нельзя, ибо при этомъ въ порядочныхъ войскахъ неминуемо произойдетъ драка; поэтому полагается правиломъ не сходиться ближе 50 шаговъ; это пріучаетъ солдата къ остановкамъ на такомъ разстояніи отъ непріятеля, на которомъ онъ не долженъ смѣть даже подумать, что можно остановиться.

3) Такъ какъ въ дѣлѣ успѣхъ основывается преимущественно на нравственномъ одушевленіи, котораго при мирномъ маневрированіи принять въ разсчетъ нельзя, то кончается тѣмъ, что успѣхъ или неудача опредѣляются чисто по матеріальнымъ даннымъ, т. е. по относительной силѣ маневрирующихъ, по силѣ позиціи и т. д. Это пріучаетъ и солдатъ, и начальниковъ придавать въ успѣхѣ атаки слишкомъ большое значеніе матеріальнымъ даннымъ, т. е. преклоняться передъ численностью непріятеля, передъ неудободоступностью позицій; мажду тѣмъ какъ въ дѣлѣ только тотъ и бьетъ, кто не считаетъ своихъ враговъ[1]), кто и на стѣну лѣзть не считаетъ невозможнымъ.

4) Наконецъ, двухсторонніе маневры, такъ или иначе, но пріучаютъ къ отступленію, а также къ мысли о возможности неуспѣха атаки: нѣтъ ничего вреднѣе, какъ знакомить начальниковъ и солдатъ съ подобными положеніями; какъ выходить изъ нихъ съ честью—въ мирное время научить нельзя, и все обученіе кончается тѣмъ только, что и начальники, и солдаты пріучаются считать отступленіе дѣломъ обыкновеннымъ. «Я отступилъ», «мою атаку отбили», говорится совершенно просто, какъ будто это такъ и быть должно. Не нужно пріучать войска къ тому, чтобы подобныя выраженія легко шли съ языка. Отступаетъ упорно не тотъ, кто пріученъ отступать по маневренному, а тотъ, кто привыкъ смотрѣть на отступленіе, какъ на оскорбленіе порядочнаго войска.

Исправленіе недостатковъ двухсторонніхъ маневровъ. Имѣя въ виду эти недостатки двухсторонняго маневрированія въ его на-

[1]) Если ихъ начать считать, то въ дѣлѣ всегда насчитаешь, что они сильнѣе тебя и что, слѣдовательно, атаковать нельзя.

стоящемъ видѣ, можно уже опредѣлить, какія измѣненія желательны въ системѣ производства двухсторонних̀ъ маневровъ, дабы занятія ими не вселяли ошибочныхъ взглядовъ и вредныхъ привычекъ. Они заключаются въ слѣдующемъ:

1) Не доводить дѣла до атаки, дабы приказанія соотвѣтствующія этому дѣйствію не отдавались никогда даромъ; притомъ, здѣсь имѣется въ виду пріучить начальниковъ только принимать выгоднѣйшее положеніе относительно противника, слѣдовательно, доводить дѣла до атаки и нѣтъ надобности, а прекращать маневръ, когда стороны сблизятся шаговъ на 300.

2) Отнюдь не позволять оставлять позиціи въ случаѣ обхода, а требовать отъ обойденнаго распоряженій для противодѣйствія обходу.

3) Ни въ какомъ случаѣ не дѣлать приговоровъ насчетъ того, кто побѣдилъ, кто побѣжденъ, такъ какъ собственно ни того, ни другого на маневрахъ и быть не можемъ, а между тѣмъ такой приговоръ пріучаетъ слушать и говорить равнодушно слова, одна мысль о которыхъ должна приводить въ раздраженіе порядочнаго военнаго. Гораздо лучше, давъ занять позицію обороняющемуся и повѣривъ, хорошо ли онъ ее занялъ, приказать очистить ее, обозначивъ фронтъ позиціи для наступающаго, и затѣмъ приказывать наступающему атаковать эту позицію. При этомъ всякій сдѣлаетъ свое дѣло и въ то же время не будетъ повода говорить: вы должны отступить, вы отражены и т. д.

Этотъ способъ упражненія въ двухстороннемъ маневрированіи и тѣмъ еще хорошъ, что при немъ не раздражается самолюбіе того, кто мнимо побѣжденъ; а мнимый побѣдитель не рискуетъ получить слишкомъ высокое понятіе о своихъ военныхъ талантахъ. Устранить то и другое въ высшей степени важно: первое потому, что подрываетъ товарищество; а безъ товарищества нѣтъ единодушія, безъ котораго въ бою успѣхъ невозможенъ; второе—потому, что ведетъ часто къ составленію репутацій незаслуженныхъ, со всѣми понятными ихъ послѣдствіями.

4) Если рѣшено кончить маневръ атакой, то ее должно исполнять по-Суворовски, т. е. насквозь.

5) Такъ какъ маневры должны имѣть учебную цѣль, то и на нихъ должно думать не столько о точномъ воспроизведеніи боевыхъ картинъ, сколько быть внимательнымъ къ тому, чтобы путемъ маневровъ привить войскамъ здравые боевые навыки. По этому первое вниманіе должно быть обращено на то, чтобы приказанія отдавались дѣльно и чтобы послѣдній солдатъ зналъ, что предстоитъ исполнить части, въ которой онъ состоитъ.

6) Требовать, чтобы во время маневра всѣ люди и начальники внимательно слѣдили за его ходомъ и давали себѣ отчетъ въ степени участія каждой части въ общей рѣшаемой задачѣ. При такомъ условіи у всѣхъ проявится работа головы, а не однихъ только ногъ и рукъ; интересъ къ дѣлу возрастетъ и будетъ сдѣланъ крупный шагъ въ дѣлѣ возбужденія въ людяхъ способности къ рѣшенію по частному почину, столь необходимому при современныхъ условіяхъ веденія войны.

Значеніе двухсторонникъ маневровъ отрядовъ изъ всѣхъ родовъ войскъ.

Маневры, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они ведутся въ теченіи нѣсколькихъ дней, кромѣ практики въ управленіи массами, въ наступленіи и оборонѣ, даютъ начальникамъ и войскамъ практику въ походныхъ движеніяхъ, расположеніи на отдыхѣ, въ сторожевой службѣ, въ развѣдкѣ.... Вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ нихъ участвуетъ значительное количество войскъ, они позволяютъ испытать службу штабовъ и другихъ административныхъ учрежденій, а также службу интенданства, обозовъ и проч.

Односторонніе и двухсторонніе маневры даютъ широкую возможность практиковать въ примѣненіи къ мѣстности частей боевого порядка. Такого рода примѣненіе въ мѣстности является, при современной силѣ артиллерійскаго и ружейнаго огня, единственнымъ раціональнымъ средствомъ къ уменьшенію потерь; въ то-же время оно не соотвѣтствуетъ развитію инстинкта самосохраненія и потому практика въ немъ положительно необходима.

Начальники, обучая свои части, должны непремѣнно чередовать подчиненныхъ имъ младшихъ начальниковъ такъ, чтобы каждый упражнялся въ примѣненіи частей боевого порядка къ мѣстности.

Маневры должны служить также повѣркой того,—насколько прочно въ войскахъ вкоренилось убѣжденіе, что **каждая войсковая часть, сколь мала она ни была-бы, должна всегда охраняться и вести посильную развѣдку.** Для небольшихъ частей органы развѣдки и охраненія—олицетворяются дозорами, а части болѣе значительныя высылаютъ особо и развѣдку, и охраненіе, какъ о томъ сказано въ учебникѣ. Повѣрка того,—существуетъ-ли въ данной части такого рода обязательная привычка, должна составлять особую заботу для всѣхъ старшихъ начальниковъ, которые всѣми способами должны стремиться къ насажденію въ войскахъ этой простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и часто нарушаемой истины.

Во время маневровъ удобно испытывать разнаго рода техническія усовершенствованія, способы поддержанія связи и т. под.

Однако, приговоры о качествахъ техническихъ элементовъ на основаніи маневренной практики должно ставить съ большою осторожностію. Съ боевой точки зрѣнія только тѣ техническія средства являются совершенными, которыя дѣйствуютъ безъ отказа даже и въ тѣ критическія минуты, когда рѣшается вопросъ „**побѣда**“ или „**пораженіе**“. Испытать техническое средство въ этомъ отношеніи на маневрахъ едва-ли удается; поэтому, признавъ полезность какого-либо техническаго изобрѣтенія или усовершенствованія, нѣтъ основанія отказываться отъ простого средства, замѣняющаго его. Напримѣръ, какъ-бы совершенны ни были испытываемые телефоны, нельзя отказаться отъ необходимости имѣть ординарцевъ, обученныхъ толковой передачѣ приказаній и т. под.

Такимъ образомъ, ничуть не умаляя значенія техники, мы предупреждаемъ на счетъ опасности возлагать на неё исключительныя надежды по опытамъ мирнаго времени.

Съ такой точки зрѣнія мы признаемъ, что **на войнѣ только то хорошо, что просто**, потому-что это простое дѣйствуетъ безъ отказа даже и въ критическія минуты.

Взаимное ознакомленіе разныхъ родовъ войскъ.

Это занятіе вести по отрядамъ, назначая въ составъ каждаго примѣрно 2 батальона, 2 эскадрона, 8 пѣшихъ или 6 конныхъ орудій. Можно составлять отряды большей силы, тогда и времени на занятіе потребуется больше.

Пѣхотѣ брать съ собою хлѣбъ или сухари (для лошадей).

Программа занятія примѣрно слѣдующая:

Руководитель—старшій изъ начальниковъ частей отряда. Пѣхотѣ построиться батальонъ за батальономъ въ линіяхъ взводныхъ колоннъ; за послѣднимъ батальономъ становиться батареѣ въ развернутомъ строю.

Дистанціи между батальонами и батарей 100--150 шаговъ.

Конницѣ становиться въ эскадронной сомкнутой колоннѣ въ 100 шагахъ передъ пѣхотой, фронтомъ къ ней.

Ученіе начинать съ пріученія лошадей къ виду пѣхоты и артиллерійскихъ орудій, для чего конницу вводить въ ряды пѣхоты, а потомъ подводить къ орудіямъ.

Исполнять это такъ:

По сигналу руководителя „шагомъ“ головной эскадронъ вытягивается по-взводно слѣва (справа) по три и идетъ на пѣхоту; головной батальонъ поворачивается на-право (или на-лѣво) и заходитъ ротами правымъ (лѣвымъ) плечомъ впередъ, на встрѣчу подходящему эскадрону (не вздваивая рядовъ).

Когда роты вытянутся такъ, чтобы занять въ глубину шаговъ 50, онѣ останавливаются лицомъ къ конницѣ.

Взводы головного эскадрона на ходу нацѣливаются на соотвѣтствующія роты: 4-й взводъ на 1-ю роту, 3-й на 2-ую, 2-й на 3-ю, и 1-й на 4-ю; входятъ своими 1-ми, 2-ми и 3-ми №№-ами въ интервалы между взводами ротъ и, дойдя головами колоннъ по-три до послѣднихъ рядовъ ротъ, останавливаются.

Когда всадники остановятся, пѣхотинцы поворачиваются къ лошадямъ (каждая шеренга къ ближайшимъ) и оглаживаютъ ихъ.

Подходить къ лошади нужно смѣло, но отнюдь не браться за поводья и не соваться къ заду, тогда и лошадь успокоится и подпуститъ довѣрчиво; а кавалеристамъ вталкивать лошадей въ пѣхотный строй шенкелями, отнюдь не прибѣгая къ шпорамъ,

и стараться успокоить голосомъ и оглаживаніемъ. Въ это время барабанщики ходятъ вокругъ ротъ и бьютъ въ барабаны.

Офицерамъ наблюдать, чтобы не было людей, сторонящихся отъ коня; робкихъ непремѣнно заставлять подходить къ лошади, указывая, что если человѣкъ боится лошади, то она его еще больше.

Руководитель, давъ лошадямъ успокоиться и замѣтивъ, что люди перестали ихъ бояться, приказываетъ опять подать сигналъ „шагомъ".

По этому сигналу:

Барабанщики перестаютъ бить.

Головной эскадронъ идетъ, не мѣняя строя, къ слѣдующему батальону, который поворачивается и заходитъ по-ротно плечомъ такъ, какъ передъ этимъ дѣлалъ 1-й батальонъ, и эскадронъ въѣзжаетъ по-взводно въ роты этого батальона.

Слѣдующій за головнымъ—эскадронъ вытягивается въ каждомъ взводѣ слѣва (справа) по три и входитъ своими №№-ами въ роты 1-го батальона такъ, какъ передъ тѣмъ входилъ головной эскадронъ. Втянувшись въ пѣхоту, взводы конницы останавливаются, когда ихъ головные №№-а поравняются съ послѣдними рядами ротъ пѣхоты, а барабанщики опять начинаютъ бить въ барабаны.

По новому сигналу «шагомъ»:

1-й эскадронъ, выйдя изъ ротъ 2-го батальона, идетъ къ батареѣ, на-ходу перестраивается въ каждомъ взводѣ справа (слѣва) рядами и нацѣливаетъ свои взводы на орудія (по взводу на орудіе, если ихъ 4, и по одной шеренгѣ взвода на орудіе, если ихъ 8). Подъѣхавъ къ орудіямъ, всадники останавливаются и окружаютъ орудіе не строемъ, а какъ кому удобнѣе, чтобы познакомиться по возможности съ самимъ орудіемъ; если лошади топорщатся на пушку, то всадники ѣздятъ вокругъ нея; когда лошади успокоятся, артиллеристы снимаютъ орудія съ передка на ближній отъѣздъ шага на 3—4, показываютъ кавалеристамъ устройство орудія, укладку патроновъ, легчайшую порчу орудія, заряжаніе (учебнымъ патрономъ) и какъ произвести выстрѣлъ.

Хорошо потомъ вмѣсто прислуги поставить къ орудіямъ кавалеристовъ, спѣшивъ ихъ.

Въ то-же время 2-й эскадронъ выходитъ изъ ротъ 1-го батальона и входитъ въ роты 2-го батальона.

По слѣдующему сигналу руководителя «шагомъ»:

1-й эскадронъ выходитъ изъ артиллерійскаго строя, выстраиваетъ фронтъ, отходитъ отъ батареи на 150—200 шаговъ и останавливается.

Руководитель, подавая сигналъ «шагомъ», долженъ выждать время, чтобы дать кавалеристамъ ознакомиться съ артиллеріей.

По этому-же сигналу на мѣсто 1-го эскадрона тѣмъ-же порядкомъ подходитъ къ орудіямъ 2-й эскадронъ и повторяетъ то-же самое, а затѣмъ по сигналу руководителя «шагомъ» орудія надѣваются на передки, а 2-й эскадронъ выходитъ изъ артиллерійскаго строя, выстраиваетъ фронтъ и смыкается по 1-му эскадрону.

Для вторичнаго прохожденія конницы рысью сквозь пѣхоту и артиллерію—эти послѣднія съ одной стороны, конница—съ другой поворачиваются кругомъ, т. е. становятся лицомъ другъ къ другу.

Конница проходитъ рысью по эскадронно сквозь артиллерію, и пѣхоту, имѣя въ каждомъ эскадронѣ взводы въ колоннѣ рядами при прохожденіи сквозь артиллерію, и въ колоннѣ по-три—при прохожденіи сквозь пѣхоту. По окончаніи второго прохожденія строй пѣхоты возстанавливается (линія колоннъ) и опять всѣ наворачиваются кругомъ.

Для пріученія коней къ виду наступающей пѣхоты батальоны и эскадроны размыкаются на одинъ шагъ, такъ чтобы фланги батальона были противъ фланговъ эскадрона; между эскадронами дистанція—100 шаговъ. Головной батальонъ съ пѣснями, криками, свистомъ барабаннымъ боемъ и сигналами на рожкахъ идетъ на головной эскадронъ и, подойдя къ нему вплотную, останавливается, беретъ «къ ногѣ», прекращаетъ шумъ, люди оглаживаютъ лошадей и даютъ имъ хлѣба. Когда лошади успокоются,—командиръ батальона командуетъ: «шагъ назадъ» и дѣлаетъ ружейные пріемы; если лошади относятся къ пріемамъ

спокойно, то командуетъ внезапно «ложись», а затѣмъ «встать», и повторяетъ это нѣсколько разъ, пока лошади не приглядятся. Продѣлавъ всё это, командиръ батальона приказываетъ людямъ пробѣжать сквозь головной эскадронъ съ крикомъ. Тотчасъ за эскадрономъ батальонъ на ходу выравнивается, оставаясь разомкнутымъ на шагъ, начинаетъ, по приказанію батальоннаго командира, пѣсни, шумъ, свистъ и барабанный бой и подводится ко 2-му эскадрону, гдѣ повторяетъ тоже самое. Когда 1-й батальонъ пройдетъ съ крикомъ черезъ 1-й эскадронъ, тогда начинаетъ движеніе 2-й батальонъ и тоже съ шумомъ, пѣснями и проч. подходитъ къ 1-му эскадрону и продѣлываетъ все вышеизложенное; 1-й батальонъ, пройдя 2-й эскадронъ, не смыкается въ рядахъ и, отойдя отъ эскадрона шаговъ на 100—150, останавливается.

2-й батальонъ, пройдя 2-й эскадронъ, смыкается по 1-му батальону.

Пѣхота и конница поворачиваются другъ къ другу фронтомъ и сразу оба батальона съ пѣснями, шумомъ и проч. проходятъ безостановочно сквозь ряды обоихъ эскадроновъ, которые остаются разомкнутыми въ рядахъ на одинъ шагъ.

Послѣ прохожденія, пѣхота беретъ между батальонами 150—200 шаговъ дистанціи; каждый батальонъ въ линіи взводныхъ колоннъ, разомкнувъ ряды на 2 шага. Конница смыкаетъ эскадроны другъ къ другу; каждый эскадронъ размыкается въ рядахъ такъ, чтобы его протяженіе по фронту было ровно протяженію по фронту разомкнутаго въ рядахъ (на 2 шага) батальона. Затѣмъ пѣхота и конница поворачиваются фронтомъ другъ къ другу. Батарея отходитъ на 400 шаговъ отъ послѣдняго батальона, размыкаетъ орудія такъ, чтобы протяженіе фронта батареи равнялось протяженію фронта разомкнутаго батальона, и снимается съ передковъ, обращая орудія къ сторонѣ конницы.

Въ каждой ротѣ вторые взводы смыкаются къ первымъ, а 3-и и 4-е остаются на мѣстахъ.

По сигналу руководителя «**шагомъ**»—1-й эскадронъ идетъ шагомъ на 1-й батальонъ. Батальонъ даетъ по конницѣ залпъ—

въ 100 шагахъ (головные взводы «съ колѣна», вторые «стоя») и беретъ «на руку».

Послѣ залпа 1-й эскадронъ переходитъ въ рысь, проходитъ батальонъ насквозь и, вновь перейдя въ шагъ, идетъ на 2-й батальонъ, который встрѣчаетъ его залпомъ со 100 шаг. и тогда 1-й эскадронъ переходитъ въ рысь и проходитъ 2-й батальонъ, а затѣмъ эскадронъ идетъ шагомъ на батарею, которая открываетъ бѣглый огонь однимъ холостымъ патрономъ шаговъ съ 200—250; послѣ этого эскадронъ переходитъ въ рысь, проходитъ сквозь артиллерію и въ 400 шагахъ за артиллеріей останавливается.

То-же самое дѣлаетъ затѣмъ и другой эскадронъ.

Пройдя артиллерію, 2-й эскадронъ смыкается по 1-му; пѣхота, конница и артиллерія поворачиваются кругомъ, причемъ послѣдняя убираетъ передки за орудія.

Затѣмъ исполняется то-же самое—**галопомъ**.

Взаимныя отношенія родовъ войскъ между собою.

Эти отношенія выражаются во-первыхъ въ томъ, что одинъ родъ войска долженъ оказывать другому поддержку, обезпечивающую успѣшное дѣйствіе этого послѣдняго; напримѣръ, пѣхота и конница прикрываютъ свою артиллерію и проч.; во-вторыхъ въ томъ, что каждый родъ войска, дѣйствуя противъ другого, долженъ соотвѣтственнымъ образомъ примѣнять свои сильныя стороны и уклонять слабыя; напр. пѣхота извѣстнымъ образомъ атакуетъ артиллерію и пр. Сущность этого указана въ части I-ой учебника тактики (изд. 3-е, переработанное); показъ войскамъ ихъ отношеній къ другимъ родамъ войскъ необходимо производить на мѣстности, разъясняя всё по частямъ.

Взаимное ознакомленіе и показъ взаимныхъ отношеній родовъ войскъ должны предшествовать маневрамъ отрядовъ изъ разныхъ родовъ войскъ.

Заключеніе.

Изъ всего изложеннаго въ отдѣлѣ «**подготовка войскъ въ мирное время**» позволительно, какъ кажется, придти къ слѣдующему:

I. Дѣло воспитанія и образованія солдата отнынѣ должно сдѣлаться непосредственно офицерскимъ дѣломъ, унтеръ-офицеры и учителя—суть только помощники офицера.

II. Дѣло воспитанія и образованія не должно зависѣть отъ частныхъ взглядовъ того или другого начальника. **Необходимо во всей арміи установить единство во взглядахъ на задачи военнаго воспитанія и образованія.** Это единство достижимо лишь въ томъ случаѣ, когда еще на школьной скамьѣ будущимъ офицерамъ будутъ преподаны основанія раціональной подготовки солдата и войсковой части.

III. Въ виду того, что воспитаніе и образованіе солдата всегда должны быть соображены съ состояніемъ военнаго дѣла, настоятельно **необходимо, чтобы офицеры были періодически повѣряемы,** путемъ экзамена, въ знаніи тактики, уставовъ и тѣхъ задачъ воспитанія и образованія солдата, которыя являются въ данное время вполнѣ современными.

IV. Существующія нынѣ программы занятій съ солдатами слѣдуетъ переработать, повысивъ спеціально-военныя требованія въ соотвѣтствіи съ опытами послѣднихъ войнъ, **но отнюдь не обращать армію въ школу грамотности.**

V. Признать разъ на всегда, что только всестороннее преобладаніе качествъ одного солдата передъ качествами другого даетъ право на повышеніе перваго по службѣ, а не лучшее усвоеніе имъ нѣсколькихъ или одного изъ отдѣловъ солдатскаго ремесла. Въ вопросахъ о предподчтеніи одного солдата передъ

другимъ нравственное развитіе должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ.

VI. Въ дѣлѣ подготовки войскъ должны быть рѣзко разграничены: подготовка одиночная и подготовка части. Къ подготовкѣ части, нельзя переходить до тѣхъ поръ, пока не будетъ закончена всесторонняя одиночная подготовка. Перейдя къ подготовкѣ части, надо начинать ее непремѣнно съ работы надъ отдѣленіями (въ конницѣ—взводами, въ артиллеріи—по-орудійно) и обучать ихъ всѣмъ отдѣламъ подготовки частей: строй, тактическая подготовка и проч. Чѣмъ лучше и всестороннѣе будутъ подготовлены отдѣленія, тѣмъ прочнѣе будетъ и подготовка взводовъ, ротъ, батальоновъ и т. д.

VII. Не стремиться обратить военную службу для военнослужащихъ въ пріятное время-провожденіе. Кормить, одѣвать и, вообще, вести солдата надо по-человѣчески, но на всей военной службѣ, долженъ быть отпечатокъ той справедливой суровости, которая закаляетъ душу и тѣло офицера и солдата, дѣлаетъ ихъ надежными, а всю армію способной на великія дѣла.

Въ этомъ вопросѣ пора, наконецъ, признать авторитетъ Суворова, который заповѣдалъ: „тяжело въ ученьѣ—легко въ походѣ; легко въ ученьѣ—тяжело въ походѣ.“

VIII. Въ основу отношеній младшихъ къ старшимъ и обратно необходимо положить законность, внушивъ каждому военнослужащему, что законъ, обязывая его, вмѣстѣ съ тѣмъ защищаетъ отъ неправыхъ посягательствъ. Когда такое значеніе закона будетъ усвоено изъ практики, всѣ будутъ заинтересованы въ строгомъ его исполненіи.

IX. Принять, что основаніемъ для повышеній офицеровъ по службѣ долженъ служить тотъ фактъ, что извѣстное лицо, успѣшно управляя нѣкоторымъ числомъ подчиненныхъ, проявило способность управлять, не менѣе успѣшно, еще большимъ ихъ числомъ. Въ противномъ случаѣ къ управленію крупными войсковыми частями всегда будутъ проходить лица, къ такому дѣлу непригодныя.

[library stamp] 12354

Фунд. библ. Воен. Мор. Акад. РККА
им. Г. Бородинова

31018
IX